

НИКОЛАЙ
ЛОБКО

ВАРЕНЬКА

НИКОЛАЙ
ЛОБКО

ВАРЕНЬКА

ПОВЕСТЬ

Верхне-Волжское книжное издательство
Ярославль 1975

Р2 Лобко Н. П.

Л68 Варенька. Повесть. Ярославль, Верх.-Волж. кн. изд., 1975.

224 с.

Повесть о трудном детстве и юности девочки, оставшейся сиротой... при живых родителях. Об ответственности взрослых за судьбу и характер ребенка. О хороших советских людях, проявивших участие к Вареньке. О дружном рабочем коллективе, который помог ей стать полезным обществу человеком.

Л $\frac{70302-048}{М 139-(03)-75}$ 22-75

Р2

© Ивановское книжное издательство, 1962 г.

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1975 г.

*Светлой памяти
моей матери посвящаю*

I

В прихожей раздался звонок. Ульяна Гавриловна встревожилась. Так звонила дочь. Коротко звякнет раз, другой и, через небольшой промежуток, третий.

Но Катюша пятый год жила с мужем в другом городе.

И все же сердце настороженно сжалось. Ульяна Гавриловна соскучилась по дочке, хотела ее увидеть. Но что могло привести Катюшу сюда сейчас, так неожиданно? Вспомнились последние письма от неё. Они были спокойны и не предвещали ничего худого.

Ульяна Гавриловна отложила в сторону фланелевую кофточку, к вороту которой пришивала оторвавшуюся кнопку, сняла очки и нерешительно поднялась со своего старого, потертого, но удобно обмятого кресла.

Неуверенно подумала: «Кто-то другой, конечно...»

В коридоре уже шаркала туфлями соседка по квартире Елизавета Васильевна.

Чутко прислушиваясь ко всему, что делалось за дверью, Ульяна Гавриловна сделала несколько замедленных и неуверенных шагов.

Было отчетливо слышно, как, не попав сразу в замочную скважину, негромно ударился ключ о железную накладку, два раза щелкнул отпираемый замок, глухо стукнула входная дверь и затем под ногой жалобно скрипнула половица.

В следующее мгновение Ульяна Гавриловна была в коридоре. Она уже знала: там ее дочь!

Переступив порог, Катюша стояла перед Елизаветой Васильевной и приветливо ей улыбалась. В одной руке она держала большой коричневый чемодан, для надежности перехваченный поперек крепким армейским ремнем, а другой прижимала к груди завернутого в одеяло ребенка.

— Катюша, доченька, — едва слышно вымолвила Ульяна Гавриловна и беспокойно посмотрела на все еще открытую входную дверь, в которой больше никто не появлялся.

Учув в неожиданном приезде Кати что-то недоброе, Елизавета Васильевна, чтобы дать время матери и дочери прийти в себя, заговорила нарочито громко, с напускным весельем:

— Принимай любимую доченьку, Гавриловна! Вот ведь как оно бывает. И во сне, наверное, не снилось? Ну что ж, желанному гостю всегда в доме рады. Милости просим...

Низко поклонившись, она отступила от двери.

— Спасибо, Елизавета Васильевна, — правильно понав добрую женщину, Катюша улыбнулась ей и поспешила к матери: — Мама...

Она не отвела своих глаз от пытливого и беспокойного взгляда матери, наоборот, постаралась придать им немного беззаботное, даже чуть шаловливое выражение.

Это еще больше встревожило Ульяну Гавриловну. Ей давно были известны все несложные ухищрения, к которым прибегала Катюша, когда хотела что-то скрыть или сказать не сразу. Но дочь, внучка находились рядом и она потянулась к ним:

— Родные мои...

— Ой, мама, не урони, — передавая ей на руки ребенка, засмеялась Катюша. — Варенька стала тяжелой!

— Своя ноша не тянет, — бережно принимая внушку, счастливо улыбалась Ульяна Гавриловна.

— Это только вначале она легкой кажется.

— Знаю.

— Еще бы. — Катюша выпрямилась и, словно красуясь, оглянулась на соседку: — Вот ведь какую вырастила!

Женщины засмеялись.

— Ну, входи, — пропуская вперед дочь, пригласила Ульяна Гавриловна. Невысокая, плотная, с желтоватым, немного усталым лицом, которое все еще хранило следы былой красоты, она двигалась неторопливо, степенно и в то же время как-то очень ловко и молодо.

Подхватив чемодан двумя руками, Катюша переступила порог комнаты.

— Что ж ты не сообщила о своем приезде? — следуя за дочкой, слегка упрекнула Ульяна Гавриловна. — Встретила бы тебя.

— Не хотела зря тебя беспокоить, да и дорогу сюда не забыла, — улыбнулась Катюша. Она поставила в угол чемодан, окинула взглядом аккуратно прибранную комнату и довольно, будто с облегчением, вздохнула: — А у тебя, как всегда, чисто, уютно и тихо.

— Какая уж тут чистота, если печка в комнате, — с досадой проговорила мать, кивнув на установленную посередине комнаты железную печурку, от которой к окну с наклеенными на стекла белыми бумажными крестами тянулись круглые, покрытые рыжей окалиной трубы. — Но что поделаешь, война!..

Она подошла к кровати, осторожно опустила на нее внушку и принялась развертывать одеяло.

— Ну-ка, покажемся бабушке, какие мы есть...

Нетерпеливым пальцам ее не поддавался узел платка, которым было плотно стянуто одеяло.

Сняв пальто, Катюша поспешила на помощь:

— Чтоб не простудилась, я ее с головой укутала, — пояснила она.

— И правильно сделала. Нынче вон какие морозы.

Наконец все узлы были развязаны, все покровы сброшены.

Освобожденная от них, Варенька радостно улыбнулась, но тут же насупилась, заметив рядом с лицом матери незнакомое лицо, усеянное морщинками.

— Глупышка моя! — Катя чмокнула дочурку в щеку. Светлые кудряшки, затейливо свернувшиеся на лбу, маленький нос с нежно-розоватыми трепетными ноздрями, большие, круглые, пытливые глаза придавали девочке особую прелесть. — Ну чего ты расстроилась? Это твоя бабушка Ульяна, моя мама. Я тебе о ней много говорила.

Варенька недоверчиво посмотрела на ласково улыбающуюся бабушку и потянулась ручонками к матери:

— К тебе...

— Радость моя! — Катя подхватила дочурку на руки. — Смущается.

— Ничего, успеем еще познакомиться, — любовалась внучкой Ульяна Гавриловна. — На тебя похожа. И волосы такие же светлые были, а потом потемнели. И лоб, у нас в роду все были лобастые. А глаза — чисто твои...

— И твои, — шепнула Катюша.

Старая мать хотела что-то ответить, но от волнения перехватило вдруг горло, а глаза наполнились слезами. Она поспешно отвернулась, ту же стянула платок на голове и, справившись с собой, захлопотала:

— Так что ж это я?.. С дороги вы, наверное, устали, голодны...

— Не беспокойся, мама. Ехали мы хорошо, и кушать было что.

— Ну какая еда в дороге? А у меня суп с грибами. Еще с сорокового тянутся. В том году на грибы урожай был. Старики говорили — к войне...

— А я уже и не помню, когда их ела, — улыбнулась Катя и, подняв выше дочку, с гордостью сказала: — Большая?

— Хорошая. Не видела, а вот такой ее себе представляла. — Ульяна Гавриловна поцеловала пухленькую руку внучки и как бы вскользь спросила: — Ну, а Саша как? Здоров?

Катюша не ответила.

Стройная, крепкая, с высоко поднятой красивой, гордой головой, она свободной рукой потрогала волосы,

собранные на затылке в тугой пучок, вернулась к кровати и опустила на нее дочку.

— Сиди здесь.

— Нет.

— Куда же тебя? Мне нужно с дороги переодеться и тебе платьице достать. А то бабушка подумает, что ты всегда такая замарашка.

Очевидно, довод показался Вареньке убедительным, и она сразу притихла.

Ободряюще подмигнув ей, Катя направилась к чемодану.

Ульяна Гавриловна проводила дочь беспокойным взглядом, приглушенно вздохнула и принялась накрывать на стол.

«Не ответила, — недоумевала она. — С чего бы это?.. Наверное, Сашу в армию проводила. Так почему ж не сказать? Для всех зремя трудное... А может, что другое случилось?»

Ей всегда представлялось, что ее единственная дочь Катюша счастлива в своем замужестве. Письма от нее приходили не часто, но в них не чувствовалось даже маленького намека на то, что она не ладит с мужем. Обычно о нем она писала коротко: «Саша здоров. Опять работает над новым проектом. В архитектуре ему везет, многие даже завидуют». Сообщить что-нибудь о себе она забывала. Зато о своей дочурке Вареньке рассказывала все подробности. Как та спит, говорит, смеется, ходит, кушает — все это служило основной темой каждого письма. Никакого чувства тревоги они, понятно, вызвать не могли. Ульяне Гавриловне хотелось навестить дочь, посмотреть, как она там живет, но до войны съездить не успела, а уж потом всем было не до разъездов.

«А может, зря тревожусь? Приехала, потому что соскучилась. Ведь и я сколько раз собиралась к ним...»

Заметив, что мать вынимает из буфета тарелки, Катюша оставила чемодан, из которого доставала платья.

— Не хлопочи, мамочка. Я ведь сказала, мы сыты... Но мать настояла на своем:

— Время обеденное...

Свой дневной паек хлеба она разрезала на аккуратные ломтики и подвинула поближе к тому месту, где должны были сесть дочь и внучка. Затем распорядилась:

— Бери мыло и полотенце, Вареньку с дороги умоем. Я теплой водички подам.

Она принесла из кухни таз, поставила его на табурет и налила в кружку воды.

— Ну-ка, внученька, давай мыться.

Варенька недовольно надула губы.

— Я сама.

— Очень хорошо. Подставляй ладошки.

Девочка нерешительно протянула руки над тазом, исподлобья взглянула на бабушку и чуть заметно улыбнулась.

— Начинается дружба, — засмеялась Катюша. — Ты ее, мама, не особенно балуй. Она у меня с капризами.

— А ты думаешь, у тебя их было мало? — усмехнулась Ульяна Гавриловна и ласково поглядела на дочь.

Катя успела переодеться. В темно-вишневом шерстяном платье она выглядела свежо и совсем молодо.

«Непохоже, чтоб у нее неприятности были», — немного успокоившись, подумала Ульяна Гавриловна и сказала:

— Платье тебе к лицу.

— Нравится? — оживилась Катя. — До войны шила.

Война... О ней говорили, пока обедали. Вспоминали близких, знакомых. Всем война причинила горе.

А о Саше ни слова.

Ульяна Гавриловна опять заволновалась.

«Неспроста это...»

Тревожно сжалось сердце.

Она едва дождалась конца обеда и, как только дочь поднялась, чтобы убрать со стола, спросила:

— Ну, а Саша как? Почему о нем ничего не скажешь?

Катюша задумалась, потом резко вздернула подбородок.

— Говорить нечего.

— Как это? — удивилась Ульяна Гавриловна.

Катюша пересаживала Вареньку на кровать, вернулась к столу, собрала тарелки в одну стопку, потянулась за полотенцем, но остановилась и глухо произнесла:

— Мы разошлись...

Ульяна Гавриловна медленно повернулась к дочери, будто хотела убедиться в том, что не ослышалась.

— Как это... разошлись? — растерянно спросила она. Катюша вспыхнула:

— Ей-богу, какая ты странная, мама! Ну как расходятся люди?..

— Не знаю, как люди расходятся, — обиженно проговорила мать. — Я с твоим отцом всю жизнь прожила. Убили кулаки — другого не искала.

— И я другого искать не собираюсь.

— Так он что... бросил вас?

— Почему обязательно бросил? — возмутилась Катюша. — Я не вещь.

— Значит, ты это надумала?

— Нет. Мы оба так решили.

Ульяна Гавриловна кивнула в сторону Вареньки:

— А ее спросили?

— Мама! — Катюша с обидой вскинула голову. — Ты прости, но... мы не маленькие!

— Это, положим, верно, выросли, — сердито проговорила Ульяна Гавриловна и еще раз взглянула на внуку. — Только вот она — от горшка два вершка.

В комнате быстро темнело.

Под руку попала фланелевая кофточка. Не отдавая отчета в том, что делает, Ульяна Гавриловна подседала поближе к окну, чтобы закрепить кнопку у ворота. Острая игла послушно заметалась в ловких пальцах. Мать со скорбью думала о внезапно нагрянувшей беде, заранее обвиняя себя в чем-то, чего сама еще не знала.

«Проглядела, старая!...»

Для Ульяны Гавриловны новость была неожиданной, словно солнце померкло среди белого дня...

Разошлись? Как это могло случиться? Что произошло? Кто виноват? Насколько это серьезно? Мысли одна беспокойнее другой роились в голове, вызывая самые страшные опасения.

Нитка запуталась.

Ульяна Гавриловна оборвала ее, положила кофточку на подоконник и негромко, с болью, спросила:

— Ну, так что ж у вас все-таки стряслось?

Катя ждала этого вопроса и всю дорогу готовилась к нему. Ей представлялось, как она легко, и главное очень убедительно, объяснит необходимость совершенного ею поступка. Находились какие-то очень значительные слова, убедительные примеры.

Она так и начала:

— Поверь, мама, это было единственно возможное решение. Я не могла иначе!..

— Не могла?

— Нет. — Плотно сжимая на груди свои красивые, холеные руки, Катюша, заметно нервничая, прошла по комнате, остановилась у окна и затем вернулась к столу. — Мы оба друг в друге ошиблись, — глухо заговорила она, приложив к вискам кончики длинных, тонких пальцев. — Александр совсем не тот человек, каким казался, когда мы познакомились. Для него главное — работа. Для нее он живет, о ней он может говорить без устали часами, сутками возиться над проектом, чтобы затем его изорвать в клочья.

— Это хорошо, когда человек любит свою работу, — вставила Ульяна Гавриловна.

— Вот именно работу, — горько усмехнулась Катюша. — Когда-то очень вежливый, предупредительный, заботливый, он перестал спрашивать меня, как я себя чувствую, чего хочу. Вначале я мирилась, объясняя его невнимание ко мне непривычной для него новизной семейной жизни. Но время шло. Александр не менялся, и его отношение стало меня оскорблять. Я часто себя спрашивала, зачем он на мне женился. Ведь для того, чтобы убирать комнаты, вовремя подавать обед и стирать испачканные сорочки, ему нужна была не жена, а хорошая, покладистая домработница.

— Мне всегда было приятно, когда твой отец надевал чистую, мною выстиранную рубашку, — задумчиво сказала Ульяна Гавриловна.

— Ты знаешь, мама, кухня и корыто меня никогда не прельщали, — брезгливо поморщилась дочь.

— Но они нужны вам, твоей семье, — твердо сказала мать.

— Ах, разве Александр когда-нибудь думал о том, что нужно мне! — раздраженно произнесла Катюша и продолжала негодуя: — Его интересы ограничивались листом ватмана и шкалой логарифмической линейки.

Ты, мама, не представляешь себе, какой гнетущей может сделаться тишина, если в комнате, где находятся двое, слышится только скрип рейсфедера и больше ни одного звука. Хоть что-нибудь!..

— Так ведь это каждый так, ежели его работа захватит, — рассудительно заметила Ульяна Гавриловна. — На фабрике иной раз, бывает, саму себя забудешь.

— А я? — Катюша посмотрела на мать широко открытыми глазами. — Что мне делать? Присутствовать при рождении очередного проекта, молчать, трепетать и восхищаться: «Ах, как хорошо, что ты сейчас меня не помнишь!..»

— Так и ты себя делом займи, — подсказала Ульяна Гавриловна.

— В домработницы к нему я не нанималась, — сердито возразила Катюша.

— Верно, — согласилась Ульяна Гавриловна и тут же добавила: — Однако любая хозяйка всегда найдет в своем доме дело, ежели, конечно, она от него не бежит.

Катюша досадливо отмахнулась и, опустившись на стул, продолжала:

— Родилась Варенька. Недели две Александр не отходил от ее кровати. Я уже начала радоваться. Но потом все пошло по-старому. Днем он в управлении, вечером — за чертежной доской.

— Ну и что?

— Как что? — Будто защищаясь от удара, Катюша подняла к лицу руки. — Но ведь дальше так жить было нельзя. Терпению моему пришел конец, и я сказала все, что наболело, накипело на душе. И ты знаешь, как отнесся к моим словам Александр? Вначале он не придал им значения, а затем страшно удивился. Оказывается, он и не думал, что в нашей жизни что-то могло быть иначе. Причем основной причиной тому служили узость моих интересов, моя беспомощность, безынициативность и полная непригодность к творческому труду. «Что ты умеешь?» — надоедливо повторял он один и тот же вопрос...

Пытаясь объяснить, что дальше произошло в семье, она заговорила сбивчиво и очень путано, часто повторяя: «Он сказал... я сказала...»

— Не договорились, — заключила Ульяна Гавриловна и с укором прищурилась: — Враги!

— Почему обязательно враги? — удивленно повела бровями Катюша и вдруг с ужасом подумала, что, видимо, сама еще не успела достаточно осознать всего и толком во всем разобраться. — Наоборот, мы расстались очень мирно, без лишних упреков. Но ни он, ни я не могли поступиться своими убеждениями, — возбужденно продолжала она с напускной уверенностью. Однако еще недавно волновавшие события как-то вдруг потускнели, обмельчали, стали такими незначительными, что, казалось, не заслуживали серьезного внимания.

Катюша заговорила медленнее, затем умолкла и неожиданно залилась слезами.

Поджав губы и сдвинув широкие черные брови, Ульяна Гавриловна строго посмотрела на дочь.

— Люди сейчас друг за дружку насмерть стоят, а вы ссориться вздумали, — с укором произнесла она.

Оторвав ладони от заплаканных глаз, Катюша всхлинула:

— Зачем ты меня мучаешь? Ну, не сошлись характерами. Ты можешь это понять?

Мать ответила не сразу.

Опустившись на корточки перед железной печуркой, она подбросила в огонь мелко нарубленных дровишек и подождала, пока они разгорятся. Отблески пламени, рассеивая сумерки, сгустившиеся в комнате, весело заплясали по стенам, потолку, по скромной, создающей уют обстановке.

— Значит, характерами не сошлись? — сдержанно переспросила она.

— Да, характерами, — неуверенно подтвердила Катюша. — Разве этого мало?

— Ну а у тех, кто сегодня в бой идет, характеры, думаешь, одинаковые? — Мать вскинула глаза на дочь. — А ведь идут, не бросают друг дружку...

— Ах, там одно, а здесь совсем другое! — с досадой воскликнула она.

— Как это другое? Что же они там умирают, чтоб вы тут детей своих кидали? — Ульяна Гавриловна сердито захлопнула дверцу печки и, поднявшись, кивнула головой в сторону глухой стены: — Дружок твоего детства Витя Частухин не постучится больше в дверь, не позовет на каток.

Катюша испуганно отшатнулась от стены.

Она уже знала: в соседнюю квартиру ворвалось большое горе.

Неделю назад Частухины получили из воинской части извещение о том, что их единственный сын убит в бою с фашистами. Услыхав эту ужасную весть, мать Виктора ахнула и, как подкошенная, повалилась на пол. Вовремя подоспевшим врачам удалось сохранить ей жизнь, но не здоровье. Разбитая параличом, она неподвижно лежала в кровати, казалось, бесчувственная и безразличная ко всему. И только устремленные куда-то вдаль глаза, всегда наполненные слезами, яснее всех слов говорили о ее страданиях. Осунувшийся и постаревший муж все ночи просиживал у кровати больной.

Вздрогнув, словно от озноба, Катюша плотнее закуталась в белый шерстяной платок и перевела взгляд на кровать, где рядом с горкой подушек сидела притихшая Варенька. Девочка ничего не понимала, но будто чувствовала, что сейчас происходит что-то очень для нее важное, и потому боязливо поглядывала то на плачущую маму, то на сердито хмурившуюся бабушку.

— И никто ее не кидает, — возбужденно возразила Катя. — Я только прошу тебя присмотреть за ней, пока я устроюсь. Мне уже обещали помочь, надо только съездить и договориться. А неудачи нашей семейной жизни не от одной меня зависят, — с раздражением закончила она.

— Не тому я тебя учила, — вздохнула Ульяна Гавриловна.

— Ты, право, странно рассуждаешь, — обозлилась дочь. — Александр воспользовался переводом, собрал вещи и укатил на юг. Как же, молодой, многообещающий архитектор! Разве он может согласиться с чьим-то мнением, а тем более с мнением собственной жены? Что мне оставалось, на колени стать?

— Если нужно, можно и на колени, — внешне спокойно подтвердила мать.

— Ну, знаешь, — вспыхнула дочь. — Много чести!

— Это ради ребенка-то?

— А что ребенок? Сама воспитаю, сил хватит.

— Дура ты.

— То же самое от мужа не раз слышала.

— Да ты понимаешь, что вы девочку осиротили? — рассердилась Ульяна Гавриловна. — По своей воле такое

сделали. Воспользовались, что она слаба да мала, за себя заступиться не может. Стыд-то какой! Людьми ведь называется...

— Не я ее оставила. С Александра спрашивай.

— Оба вы хороши. Один — многообещающий, другая — с гонором. А разве так можно? В семье ведь всякое бывает: и густо, и пусто, и смех, и печаль. Не выхвалкой семья крепка, а согласием.

— У нас этого не получилось, — с горечью сказала Катя и, чтобы снова не разрыдаться, закусил губу.

На этот раз Ульяна Гавриловна промолчала. Она сердилась на дочь и в то же время жалела ее.

«Молодо-зелено! Придет время — спохватится, а весна-то уже и кончилась...»

Она подошла к кровати, посмотрела на внучку и смахнула со щеки слезу.

— Чем ты, бедненькая, виновата? — прошептала она. — Им что... Только б на своем поставить. А тебе расти, жить...

Варенька исподлобья посмотрела на бабушку и, не зная, как быть, несмело улыбнулась.

III

Счет своим годам Ульяна Гавриловна начала с конца прошлого века. В многодетной семье, где родители тщетно желали сына, она родилась девятой дочкой и потому была самой нелюбимой. В доме ею все командовали. Трудиться она начала раньше, нежели стала помнить себя. Вначале гусей пасла, затем поросят, а когда немного подросла, выполняла все работы, которые велись по дому.

Тринадцати лет отец отвел ее в город и, уплатив мастеру «за хлопоты», устроил на ткацкую фабрику.

— Одним ртом в доме меньше, — закончив сделку, облегченно вздохнул затрепанный и забитый вечной нуждой отец.

Наскоро перекрестив дочку, он торопливо зашагал в деревню, словно опасался, что его могут догнать и расторгнуть выгодную для него договоренность.

Работать на фабрике было нелегко. Всю смену Ульяне приходилось таскать на себе тяжелые куски товара. Заработок, который причитался за этот каторжный труд,

администрация полностью удерживала за питание в фабричной столовой и за место на нарах, где разрешалось ночевать.

— Это еще что, — с горькой усмешкой говорили старые ткачихи. — Теперь твоего заработка хоть на расчет хватает, а до девятьсот пятого, чем дольше на хозяина спину гнули, тем больше ему должны.

Что произошло в городе шесть лет назад, Ульяна не знала. Слышала, будто рабочие всех фабрик два с половиной месяца бастовали, но этим особенно не интересовалась. Она была довольна тем, что могла есть кусок хлеба, пусть даже черствого, но которым никто не попрекал. Единственно, о чем она мечтала, так это поскорее стать к станку. И это случилось гораздо раньше, нежели она рассчитывала.

Где-то началась война, и пошли с фабрик ткачи на фронт. Каждый день освобождались места у станков. Но они пустовали недолго. Уже в следующую смену к станкам являлись женщины с заплаканными глазами.

Порушницы задавали им один и тот же вопрос:

— Кого проводила?

Они отвечали неохотно:

— Мужа.

— Брата.

— Отца.

Ульяна, конечно, понимала, что означают такие ответы. Подражая старшим, вздыхала, но втайне радовалась и с негерпением ждала, когда наконец и ей предложат, как она считала, настоящую работу, получив которую, человек сразу становился самостоятельным и независимым.

К концу третьего года работы на фабрике ей достались станки маленького, худого ткача, которого в цехе все звали Сычом. В его узком лице с выпуклыми глазами и хищно изогнутым носом действительно было что-то птичье. Он отличался тихим, покорным характером и не обижался на прозвище. Говорили, что у него большая семья и тяжело больная жена.

Обо всем этом, становясь к станкам, Ульяна, конечно, не думала. В душе у нее все пело и торжествовало. Вот и она выходит в люди!..

Но радостям скоро пришел конец.

Мастер заметил Ульяну и с откровенной наглостью намекнул: если она не станет сговорчивой, то вылетит за ворота фабрики.

— Старое припомнил, пес шелудивый, — возмущались ткачихи. — Пользуется тем, что мужиков на фронт угнали

Эта история плохо кончилась бы для Ульяны и некоторых ее подруг, однако на фабрике нашлись смелые люди, которые не побоялись пригрозить мастеру серьезными неприятностями, если он не перестанет приставать к молодым работницам. Угроза на мастера подействовала отрезвляюще.

— Кто ж это за нас заступился? — интересовалась Ульяна.

Ей ответили не сразу. Но когда и сообщили, то шепотом и по секрету.

— Большевики. Слыхала про таких?

Слыхала, конечно, но никогда не задумывалась над тем, что это слово означает. Большевики ей представлялись большими, рослыми мужчинами, к примеру, такими, как хозяин. Они были сильными и потому никого не боялись.

— Нет, — разъяснили ей. — Большевики — это люди, которые борются против хозяина, за интересы рабочих, чтобы они сами стали хозяевами фабрики.

Чтобы рабочие стали хозяевами?.. Нет, этого Ульяна понять не могла.

Работать приходилось много, однако цены на продукты так быстро повышались, что заработка не хватало даже на пропитание.

И опять Ульяна услышала про большевиков, по совету которых рабочие предъявили фабричной администрации требования увеличить расценки. Хозяин было заупрямился, но рабочие заговорили о забастовке, и он сдался.

— Спасибо большевикам, — довольно отзывались ткачихи, — вовремя надоумили, не оставляют нас в беде.

Но лавочники припрятали муку, сахар, масло, крупу, соль. Еще лето не ушло, а в городе начинался голод.

— Что ж зимой будет? — тревожились рабочие.

Как они сговорились, Ульяна не знала, но в одно время на всех фабриках остановили станки, дружно вышли на улицы и направились к зданию городской управы.

На красных полотнищах, ярко полыхающих над головами, четко белело одно слово: «Хлеба!»

Ульяна шла со всеми ради любопытства. Ей нравилась толпа, движущаяся огромной лавиной, красные знамена, бодрые песни.

На площади перед управой с опрокинутой вверх дном пустой бочки говорили речи. Рабочие с большим вниманием слушали ораторов и дружно им хлопали.

Потом все двинулись к Приказному мосту.

— Большевиков из тюрьмы выручать будем, — пояснила Ульяне знакомая ткачиха.

Ульяна рванулась вперед. Наконец она увидит большевиков!

Но тут началось вдруг такое, чего девушка сразу даже не поняла. В воздухе что-то грохнуло раз, второй, третий. Со всех сторон слышались истошные крики. Толпа хлынула назад.

Знакомая Ульяне ткачиха схватилась за плечо, белая кофточка на ней намокла кровью.

«Стреляют!» — дошло до сознания девушки.

Чтобы укрыться от пуль, она кинулась к ближайшему переулку, но оттуда со свистом и гиканьем ринулись на лошадях казаки. Ульяна повернула назад, однако не сделала и десятка шагов, как резкая боль обожгла голову.

След от казачьей нагайки, протянувшийся через затылок наискось от правого уха, остался на всю жизнь.

— За что это нас? — долго мучил Ульяну вопрос. — Ведь мы просили хлеба. Хлеба!..

Месяцем позже пришло известие о том, что где-то на фронте погиб Сыч. Только теперь Ульяне стало известно, что у него было имя Алексей и фамилия Маторин.

И опять для Ульяны непонятное:

— За что его убили? Кому мешал этот тихий, маленький человек, который не мог даже заставить других называть себя по имени!..

Это и многое другое представлялось ей таким страшным и чудовищно несправедливым, что хотелось куда-нибудь убежать или спрятаться, чтобы ничего не знать и не видеть.

Но куда уйдешь от станка?

Так постепенно рождалась жгучая ненависть к существующим порядкам.

Победу большевиков в Октябрьской революции девушка встретила как свою собственную.

— Наша взяла!..

К этому времени она определяла большевиков уже не по росту.

Тогда же пришла ее первая и единственная любовь.

На фабрике работал слесарем Ваня Кашинцев, веселый, шустрый паренек, на все руки мастер. Приглянулась ему молодая, красивая ткачиха.

Но жениться на ней довелось не скоро. Началась гражданская война, и пошел Ваня защищать от врагов молодую Советскую Республику.

Письма от него приходили очень редко. Но Ульяна терпеливо ждала своего любимого — и дождалась. Он вернулся, когда многие его товарищи уже второй год находились дома, фабрики пускали, жизнь новую налаживали.

— Зато теперь все границы наши знаю, — смеясь, шутил Иван. — И на Тихом океане свой закончили поход...

Свадьбу сыграли скромную, но веселую. Пирогов на ней было немного, но песен и танцев хватало с избытком.

Когда родилась дочка, молодая мать поверяла мужу:

— Я такая счастливая, что большего мне и желать нечего. Однако боюсь, не может такое счастье весь век продолжаться...

За несколько лет вперед любящее сердце учуяло беду. Скосила Ивана Кашинцева подлая кулацкая пуля, когда он по приказу партии в числе двадцати пяти тысяч коммунистов отправился в деревню организовывать колхозы.

Осталась Ульяна одна. Второй раз замуж не пошла, а посвятила себя воспитанию дочки.

— Ванина памятка, — лаская ее, шептала она.

Всю свою душу вкладывала Ульяна Гавриловна в дочку. Бывало, вскочит на зорьке с постели, чтоб завтрак ей приготовить. А что сама ночью со смены пришла и еще не поела, на это внимания не обращала. Сама комнату уберет, сама постирает, только было бы доченьке хорошо, не так, как ее матери в молодости.

Дочка росла, училась, постепенно привыкала материнские заботы принимать как должное. Если мать не успевала что-нибудь сделать к сроку, сердилась на нее и даже выговаривала.

— Зачем дочку белоручкой воспитываешь? — корили соседки Ульяну Гавриловну.

Но она отмахивалась:

— Чего другого, а работы да заботы хватит и на ее век.

— Так-то оно так, — соглашались соседки, — но труд еще никого не испортил, а вот лишняя опека никогда до добра не доводила. Твоей Катерине слова поперек не скажи. Ей кажется, что весь свет у нее в прислугах ходит...

И вот теперь, глядя на плачущую дочь, Ульяна Гавриловна вспоминала эти разговоры и с горечью спрашивала себя: «Неужели в ее несчастье я виновата? Но ведь хотелось как лучше...»

IV

В конце недели Катя уехала.

На плохо очищенном от снега перроне царила обычная перед скорым отправлением поезда суматоха. Люди торопливо досказывали друг другу то, что не успели сказать раньше, обнимались, целовались, смеялись, плакали. Запоздавшие пассажиры бестолково метались из стороны в сторону, отыскивая свои вагоны. Закончив погрузку багажа, женщины, заменившие ушедших на фронт грузчиков, двигали пустую, звонко грохочущую на буграх железную тележку. И словно задавая беспокойный темп всей вытянувшейся вдоль состава пестрой, говорливой толпе, натужно пыхтел паровоз.

Катя присела на корточки перед дочкой.

— Не капризничай, Варенька. Хорошо?

Ловкими, привычными движениями она поправила шапочку на ее головке, плотнее стянула концы теплого шарфика, поддерживающего поднятый воротник пальто, проверила, надежно ли застегнуты пуговицы. При этом взгляд матери не отрывался от порозовевшего на морозе личика девочки.

— Слушайся бабушку, — сказала она. — Я скоро приеду за тобой...

Ульяна Гавриловна поглядела в сторону паровоза и забеспокоилась:

— Иди, Катюша, поезд тронется.

— До свиданья, доченька. — Катя последний раз поцеловала Вареньку и затем обняла мать. — Как только устроюсь, я тут же напишу.

— Бог с тобой, — прошептала Ульяна Гавриловна и подняла внучку на руки. — Ну, мы пойдем. Холодно, не простыла бы.

Сжав у губ носовой платок и силясь не разрыдаться, Катя взволнованно провожала их взглядом. Ей хотелось, чтобы они остановились и оглянулись, она даже крикнула им, но голос ее потонул в общем гаме.

— Гражданочка, отправляемся, — негромко напомнила проводница.

Катя взяла чемодан и поспешно поднялась в вагон.

Задержавшись в дверях, она быстро отыскиала взглядом мерно покачивающуюся сизоватую дочкину шапочку и, пока она не скрылась за углом вокзала, неотрывно глядела на нее.

«Первый раз расстаемся с Варенькой, — с горечью думала она. — Хорошо хоть ненадолго...»

С внучкой на руках Ульяна Гавриловна вышла на заснеженную привокзальную площадь, пересекла ее и остановилась у скверика, беспорядочно заваленного сугробами, среди которых петляла узкая, плотно утоптанная тропинка.

— Нам надо хлебушка купить, — вспомнила Ульяна Гавриловна и улыбнулась Вареньке: — Пойдем?

Но внучка не ответила. Казалось, она даже не слышала обращенных к ней слов. Широко открыв глаза, девочка беспокойно смотрела на серую громаду вокзала, за высокими стенами которого осталась ее мама.

Ульяна Гавриловна вошла в сквер. По скользкой, бугристой тропинке идти было очень плохо, но Ульяна Гавриловна, покрепче прижав к себе Вареньку, пошла быстрее.

«Не загрустила бы внученька», — тревожилась она.

В магазине Ульяна Гавриловна, подавая расчерченную на мелкие квадратики карточку, попросила худенькую, остроносую продавщицу с усталыми, печальными глазами:

— Пожалуйста, дайте нам хлеба на два дня.

Продавщица, одетая в белый халат, натянутый на зимнее пальто, сунула озябшие пальцы, в кольца ножиц и аккуратно отрезала от карточки два квадрата.

— Сегодня что-то особенно холодно, — тщательно взвешивая хлеб, пожаловалась она и вздохнула: — Но здесь хоть крыша над головой, а на фронте и ее нет.

— Кто у тебя там? — бережно завертывая паек в газету, сочувственно спросила Ульяна Гавриловна.

Продавщица ответила неохотно:

— Много, — и, помолчав, добавила: — Муж, сын, двое братьев, сестра, зять... А потом участливо спросила: — Вы с вокзала? Тоже, видать, провожали.

— Провожали, — неопределенно повторила за ней Ульяна Гавриловна и, подхватив Вареньку на руки, поспешила к выходу.

«Эх, дочка, дочка, такое ты натворила, что людям в глаза смотреть стыдно», — с горечью думала она.

Затем бабушка и внучка побывали в продуктовом магазине, где им отпустили причитающееся количество крупы, масла и соли, и только потом направились домой.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Ульяна Гавриловна тяжело дышала и, хотя настроение было скверное, шутила с Варенькой:

— Будто и легка ты, а вот утомила бабу. Совсем задохлась я.

В коридоре их встретила Елизавета Васильевна. Невысокая, худенькая, она выглядела немногим моложе Ульяны Гавриловны, с которой около двадцати лет работала на одной фабрике.

— Проводила, значит? — участливо спросила она.

— Что ж делать, раз такое получилось? — вздохнула Ульяна Гавриловна, опуская Вареньку на пол. — А у Частухиных как? — поинтересовалась она, косясь на дверь, за которой лежала больная. — Был врач?

— Только что ушел. Долго, говорит, проболееет.

— Трудно придется Владимиру Григорьевичу.

— Так ведь жена — не гусли, поиграв — не бросишь.

— Еще как бросают, — горько усмехнулась Ульяна Гавриловна.

— Случается, конечно, — чувствуя, что сказала невпопад, поторопилась согласиться соседка.

Ульяна Гавриловна открыла дверь в свою комнату.

— Мне сегодня в ночную. Может, присмотришь за внучкой? — обратилась она с порога к Елизавете Васильевне.

— Почему ж не присмотреть? — охотно отозвалась та. — Давай свою красавицу, вместе веселее будет.

— Чайку попьем и приведу, — удовлетворенно кивнула головой Ульяна Гавриловна. — На следующей неделе я утро работаю, а там и мать вернется...

Однако через неделю Катюша не вернулась.

Не приехала она и через две недели, и через месяц. Вначале, как она писала, ее не устроила предложенная работа, а когда Ульяна Гавриловна нашла подходящую ей должность в конторе фабрики, заявила, что намерена более надежно обеспечить свое будущее. При этом она намекнула, что встретила одного весьма положительного человека, которому очень понравилась. Но, видимо, задуманный план давался нелегко, потому что время шло, а Катя ничего определенного сообщить не могла.

Пришлось Ульяне Гавриловне устроить Вареньку в детский сад.

Девочка отправилась туда неохотно.

— Зачем в сад? — недоумевала она. — Скоро мама придет...

Однако среди сверстниц она быстро нашла подруг, в обществе которых легче забывала о том, что давно не виделась с мамой.

Отца она вспоминала реже. Ведь с матерью Варенька раньше никогда не расставалась, а отец уезжал в командировки, иногда довольно длительные. Так что к временному отсутствию его она успела привыкнуть. К тому же у большинства подружек папы воевали, и то, что их не было дома, казалось делом обычным...

В саду было много игрушек, забавные игры сменялись интересными представлениями. Варенька не участвовала в сценках, но смотрела их с удовольствием и обязательно сопровождала своими замечаниями:

— Все это нарочно, а как будто правда...

Сценой служило место у стены между чахлым фикусом и пышной пальмой. На большом мягком ковре удобно расселись нетерпеливые зрители. Они дружно хлопали в ладоши, что не ускоряло, а скорее мешало начать действие.

Когда это занятие всем надоело, в зале наступила тишина.

Из-за кадки с фикусом на сцену выбежали восемь подружек. Выстроившись в два ряда, они, взмахивая

голубыми шарфиками, принялись старательно изображать бушующие волны. При этом все восемь усердно шипели, что должно было создать иллюзию морского прибоя и яростного свиста ветра. Затем появилась девятая. Захватив кончиками пальцев подол своего белоснежного платица, она, плавно покачиваясь, неторопливо прошла среди волн-подружек.

— Света, — узнала девочку Варенька.

— Нет, это кораблик, — с серьезным видом пояснила более сведущая соседка.

— А разве у кораблика такое платье бывает? — возразила Варенька.

На сцену вышла еще одна участница спектакля.

Поднявшись на табурет, она заговорила вдохновенно и немного волнуясь:

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

Тут подружки-волны зашипели особенно старательно, а кораблик-Света помчался в одну, в другую сторону.

Вслед за словами: «Пушки с пристани палят, кораблю пристать велят» — зрители и артисты, к обоюдному удовольствию, громко закричали:

— Бух!.. Бух!.. Бубух!

Представление окончилось.

Его повторили раз, затем начали еще, но в самом интересном месте ведущая, забыв о своей роли, соскочила с табуретки и бросилась к дверям с радостным криком:

— Мама!..

В комнате сразу стало шумно. Все забыли о театре, игрушках и поспешили к матерям, которые обычно приходили в одно время, как только кончалась смена.

Варенька, сразу заскучав, медленно пробиралась в противоположную от двери сторону.

В общей радостной спешке кто-то неосторожно толкнул Вареньку и вышиб из ее рук медвежонка.

Оставшись одна, девочка подняла игрушку и неторопливо понесла ее к табурету, вокруг которого в беспорядке валялись голубые шарфики, недавно служившие волнами. Варенька старалась не слушать того, что происходило в соседней комнате...

А там мамы, одевая детей, не упускали удобного случая лишний раз поцеловать их в лоб или щеку. Мамы ведь тоже соскучились!

— Потом мы завод строили, высокий-превысокий! — натягивая шапку на голову, спешил сообщить своей матери круглолицый крепыш. — Трубу со стула клали.

— Смотри, свалишься когда-нибудь, — предупредила мать.

— Нет. А потом, со стула совсем не больно.

Одинокая, грустная, Варенька бережно усаживала медвежонка на табурет, когда донеслось от двери:

— Внученька!

Девочка быстро оглянулась, вскочила на ноги и, подбегая к бабушке, закрыла свое лицо в складках ее платья.

— Что ты, родненькая? — забеспокоилась бабушка, наклоняясь к ней.

Но девочка, не в силах сдержать слезы, только обвила руками ее шею.

Ульяна Гавриловна не стала допытываться ответа. Без всяких слов ей было понятно, что творилось в душе ребенка, давно не видавшего мать...

Бабушка оказалась совсем не такой строгой и сердитой, как представилась Вареньке в день приезда. Она умела заранее угадывать все нехитрые желания своей маленькой внучки. А какие чудесные сказки она рассказывала!

— А кто кушал из моей тарелки? — подражая страшному сказочному медведю, басовито спрашивала Ульяна Гавриловна и продолжала тоненьким голоском, какой под стать мышке: — Это я, Михаил Потапыч, попробовала.

Крепко уцепившись за бабушкин локоть и прижавшись к нему щекой, Варенька внимательно слушает сказку. Когда начинает одолевать страх, она, приподняв лицо, встречается взглядом с добрыми бабушкиными глазами, ласково глядящими сквозь очки, и облегченно улыбается. Если бабушка дома, да еще рядом, Варенька ничего не боится! Но в темный угол за шкафом, куда тусклый свет от лампы почти не достигает, девочка все же поглядывает с опаской и ближе придвигается к бабушке.

— Однако медведь не поверил, — продолжает Ульяна Гавриловна, — полез под лавку и нашел там сиротку. «Если ты к утру тыщу блинов не спечешь мне, я тебя съем», — сказал он и лег спать.

Вареньке не терпится узнать, что было дальше.

— Сиротка убежала? — допытывается она.

— Нет. Медведь был хитрый, запер дверь.

— А я бы в окно...

— А он запер и окна, — говорит бабушка и вздыхает. — Закручинилась сиротушка, а мышка ее успокаивает: «Одной тебе, конечно, не осилить, а вдвоем мы к сроку справимся». Утерла девочка слезоньки и принялась за работу. Утром медведь проснулся, а на столе вся тысяча блинов выставлена. Подивился Михаил Потапыч, однако поблагодарил сиротку и наделил ее богатыми дарами.

Варенька довольна, что сказка так благополучно кончилась. Она улыбается, закрывает глаза, сладко потягивается и тут же засыпает.

Долго и задумчиво глядит Ульяна Гавриловна на свою внучку и будто спрашивает: «Что ждет тебя, родимая?..»

V

Наступил памятный всем май...

В это утро Елизавета Васильевна возвращалась со смены словно на крыльях. По ступенькам лестницы, освещенной сквозь высокие окна яркими лучами весеннего солнца, она поднималась не по годам быстро. Повернув ключ в замке, отперла дверь, в коридоре метнулась к своей комнате, но тут же свернула к комнате Ульяны Гавриловны и вбежала, не спрашивая разрешения.

— Война кончилась! — возбужденная радостью, сообщила она и, пробежав мимо Ульяны Гавриловны, помогающей Вареньке одеваться, широко распахнула окно.

Комната сразу наполнилась веселыми голосами, смехом и песнями. Откуда-то издали доносился ухающий басами и барабаном марш.

Кое-как потянув платье, Варенька взобралась на подоконник.

Внизу по улице шли оживленные толпы людей. Они заполнили тротуары и дорогу, по которой, стиснутый со

всех сторон людским потоком, непрерывно сигналив, пробирався грузовик.

— Бабушка, это опять Первое мая? — припомнив недавнюю демонстрацию, спросила Варенька.

— Нет, внученька, это праздник Победы, — смеясь и в то же время глотая слезы, ответила Ульяна Гавриловна.

— Победы? — не поняла девочка. — Какой победы?

— Нашей! — Ульяна Гавриловна сняла внучку с подоконника и сказала: — Давай быстренько покушаем и пойдем посмотрим, что делается в городе.

Такое предложение Вареньку вполне устраивало. Через полчаса они уже были на площади. Молодежь танцевала здесь веселую полечку. Ухарски играл на гармошке паренек с веснушчатым лицом.

Спустя несколько дней бабушка повела Вареньку на станцию.

К перрону, заполненному народом, медленно приближался железнодорожный состав, украшенный плещущимися на ветру красными флагами и свежими зелеными ветками. На могучей груди паровоза четко выделялась крупная надпись, начертанная на гладко растянutom кумаче:

«Слава советским воинам-победителям! Миру—мир!»

Мир!.. Это слово слышалось всюду, много раз повторялось каждым. Оно выражало самые лучшие, самые сокровенные надежды людей и поэтому произносилось всегда трепетно, с любовью.

Поезд еще не остановился, но из вагонов начали выскакивать солдаты и офицеры. К ним бросились встречающие. Ах, сколько здесь было волнующих сердце встреч! Крики, смех, рыдания, говор, музыка, свистки паровозов слились в одну мощную торжественно-радостную симфонию. Улавливались только отдельные выкрики.

— Васенька! Васенька! — всхлипывала женщина, одетая в серую вязаную кофточку, и, судорожно схватив руками голову мужа, осыпала поцелуями его загорелое лицо.

А рядом, припав к груди сына, громко плакала счастливая мать.

— Сыночек мой! Сыночек!..

Роняя цветы на перрон, стремительно бежала девочка, вытянув руки навстречу торопящемуся отцу:

— Папа-а!..

Пожилой рабочий, поцеловав сына, отстранил его от себя, с гордостью полюбовался длинным рядом орденов и медалей, украшавших широкую грудь воина, и, довольный, поправил седой ус:

— Знай наших!..

Остроносая продавщица, у которой Ульяна Гавриловна в день отъезда Катюши покупала хлеб, встречала сразу двоих: мужа и сына. Маленькая, худенькая, с растерянным от радости лицом, она крепко держала обоих за руки, словно боялась, что родные ей люди снова уйдут, если она хоть на миг разожмет свои пальцы.

Варенька все время ждала, что вот-вот появится из какого-нибудь вагона мама. Ей хотелось первой увидеть ее. Но мамы нигде не было, и потому, нетерпеливо дернув бабушкину юбку, девочка спросила:

— А мама где?

Лицо Ульяны Гавриловны сразу посуровело.

— Поезд не с той стороны пришел, — поднимая на руки внучку, сухо проговорила она и направилась к выходу.

— А когда поезд придет с другой стороны? — допытывалась девочка.

— Когда придет, тогда и будет, — втайне возмущаясь поведением дочери, сердито ответила Ульяна Гавриловна. Мысленно она уже ругала себя за то, что привела Вареньку на вокзал, который сразу напомнил девочке прощание с матерью.

На площади, где недавно веснушчатый паренек наигрывал на гармошке полечку, бравый на вид сержант лихо растягивал трофейный аккордеон. Замысловатую кадрили танцевали девушки с солдатами, на груди которых в такт танцу глухо позвякивали ордена и медали.

— Ишь, как хорошо пляшут, — сказала Ульяна Гавриловна, чтобы занять внимание внучки.

С каждым днем становилось труднее объяснять Вареньке причину долгого отсутствия ее матери. Девочка хотя и не проявляла большого беспокойства, но забыть своих родителей не могла. А о том, что их нет рядом, напоминало многое и почти каждый день.

Пошла как-то Ульяна Гавриловна с Варенькой посидеть в скверике, где под бдительным наблюдением мам и бабушек детвора неумоимо воздвигала замки из песка. А там двое малышей завели между собой серьезную беседу:

— Твoй папа вернулся с войны?

— Вернулся. А твой?

— И мой. Лошадь мне привез.

— А у твоего папы сколько медалей?

Варенька случайно услышала этот разговор. Этого было достаточно, чтобы она тут же перестала насыпать песок в ведро и побежала к сидящей на скамье бабушке.

— А почему, — спросила она, — ко всем папы возвращаются, а ко мне нет?

— Задержался, видно, — неопределенно ответила Ульяна Гавриловна и подумала: «А что другое я могу ей сказать? Правды она не поймет, ну, а что лгать ей, я и сама не знаю. Да, может, и они еще там одумаются...»

Слабая надежда на благополучное завершение ссоры между дочерью и ее мужем никогда не покидала Ульяну Гавриловну.

«Не может быть, чтоб это навсегда, — думала она. — Звери и те не бросают своих детенышей, пока они не окрепнут, не научатся жить».

Вернувшись домой, Ульяна Гавриловна сразу же принялась за стирку. Это было много раз проверенное ею средство быстро восстанавливать душевное равновесие. Занятая трудом, в котором всегда находила удовлетворение, она постепенно забывалась и успокаивалась.

Рядом на табуретке пристроилась Варенька. Сегодня и у нес «большая стирка». Подражая бабушке, с которой она крепко сдружилась, Варенька с озабоченным видом усердно полоскала в старой эмалированной миске пестрые лоскутки.

— Ах, озорница. — Бабушка устало разгибается, чтобы положить выстиранную вещь в таз, с любовью смотрит на внучку и улыбается.

Но Варенька даже бровью не ведет. И это понятно: когда занят настоящим делом, отвлекаться от него не следует.

И вдруг раздается настойчивый, с неровными паузами звонок.

— Ой! — радостно вскрикивает девочка и, забыв обо всем на свете, бросается в коридор.

Но там ее уже опередила Елизавета Васильевна, она успела открыть входную дверь.

— Письмо и «Правда», — подавая конверт и газету, говорит ей почтальон.

— От мамы! — радуется Варенька. Она научилась узнавать ее почерк.

— Неси бабушке, прочитает, — отдавая ей письмо, улыбается Елизавета Васильевна.

— Бабушка! — С письмом в руках Варенька мчится назад в комнату.

Из дальней двери выглянул Владимир Григорьевич Частухин. За последние полгода он сгорбил, стал меньше ростом и сделался каким-то очень тихим. Казалось, будто он все время к чему-то прислушивается или чего-то напряженно ждет. Знакомые без слов понимали его. Не хотело смириться с бедой отцовское сердце. И хотя надежда давно иссякла, в душе все еще теплилась искорка: «А вдруг там ошибка случилась, и сын жив...» На звонок почтальона Владимир Григорьевич обязательно выходил.

— Мне ничего? — почти шепотом спросил он.

— Газета вот, — запирая входную дверь, ответила Елизавета Васильевна.

— Хорошо, — разочарованно кивнул головой Частухин и, взяв газету, поблагодарил: — Спасибо.

Прижимая к груди конверт, Варенька останавливается перед бабушкой и, волнуясь, едва переводит дыхание:

— От мамы!

Ульяна Гавриловна вытирает руки фартуком и устало опускается на стул. Ей тоже не терпится узнать, что пишет дочь, но она старается не подавать виду. Ведь Варенька не должна понять, что затянувшееся отсутствие ее матери тревожит и бабушку.

— Где мои очки? — ровно спрашивает она.

Варенька бежит к буфету, быстро находит на нем очки и приносит их. Конверт она все время прижимает к груди и отдает его только тогда, когда бабушка, надев очки, говорит:

— Давай почитаем, что тут нового.

Варенька с беспокойством следит, как бабушка небрежно рвет конверт и, вынув листки, бросает его на пол.

Обиженно посмотрев на бабушку, девочка поднимает конверт, кладет его на стол, разглаживает и любовно прикрывает своей маленькой ладошкой.

Ульяна Гавриловна все это видит, но ничего не говорит внучке.

— Дорогие мои мамочка и дочурка Варенька, — читает она.

Услыхав свое имя, девочка встрепенулась. Ее личико будто посветлело, заискрились надеждою глазенки.

— Я жива и здорова, чего и вам желаю, родные мои, — продолжала читать бабушка. — Страшно хочется вас увидеть, но дела мои... — дальше она забормотала что-то совсем непонятно.

— Мама скоро приедет? — не дождавшись, пока бабушка дочитает письмо, спросила Варенька.

— Задерживается, — с глубоким вздохом ответила Ульяна Гавриловна и, сердито швырнув письмо на стол, вернулась к корыту.

Варенька разочарованно посмотрела на бабушку, будто та была в чем-то виновата, но потом взяла письмо и направилась в угол, где чинно сидели куклы, и там таинственно сообщила им:

— От мамы.

В комнату вошла Елизавета Васильевна.

— Ну как? — заботливо осведомилась она.

— Музыканта какого-то нашла и с ним подалась куда-то, — с досадой ответила Ульяна Гавриловна.

— Значит, опять мимо. — Соседка укоризненно качала головой и посмотрела в угол.

Там Варенька, надев на нос бумажные очки, читала кулкам полученное от матери письмо:

— Дорогая моя дочурка Варенька! — старательно, с большим чувством выговаривала она. — Я очень, очень, очень по тебе соскучилась. Я очень, очень, очень скоро к тебе приеду. Жди меня каждый день, потому что я приеду скоро. И когда я приеду, я поцелую тебя очень, очень крепко и много раз и никуда от тебя не уеду. И мы будем жить все вместе с бабушкой...

— Послушала б, может, по-другому жизнь повернулась бы, — негодуя проговорила Ульяна Гавриловна. Она жалела дочь и в то же время сердилась на нее. Как это можно за счет ребенка свое счастье устраивать?

Старая мать смахнула прилипнувшие к вспотевшему

лбу волосы и с ожесточением принялась тереть белье о стиральную доску, точно оно было повинно в неудачно сложившейся судьбе дочери.

А Варенька бережно вложила письмо в конверт и спрятала его в шкатулку, где уже хранилась довольно большая стопка посланий от мамы.

— Скоро я в школу пойду, — мечтала девочка, — выучу там буквы и тогда каждый день буду писать маме длинные письма...

VI

Тот день, когда Варенька первый раз направилась в школу, запомнился ей надолго.

Одетая в форменное коричневое платье с белым кружевным воротничком, в белом хорошо отутюженном переднике, с пышным бантом в волосах, в одной руке она несла желтый портфель, в другой — букет цветов. Шла очень чинно, рядом с бабушкой.

Большинство прохожих тепло поглядывали на девочку, некоторые ласково улыбались ей и Ульяне Гавриловне, как, впрочем, и другой такой же паре, идущей немного впереди.

Чем ближе подходили к школе, тем больше встречали первоклассников, сопровождаемых своими мамами. И трудно было угадать, кто волновался больше: мамы или их малыши.

В стороне от газона, разбитого перед школой, под старой, покосившейся набок липой, бабушка остановила Вареньку и поцеловала ее в голову.

— Иди, родная, в добрый час, — тихо напутствовала она внучку.

Варенька нерешительно отошла от бабушки и оглянулась. Не так-то просто отказаться от привычной, заботливой опеки.

Подбадривая внучку, Ульяна Гавриловна приветливо кивнула ей головой и чуть слышно прошептала:

— Иди, милая, иди.

Варенька скорее догадалась, нежели услышала произнесенные бабушкой слова, но свой путь продолжала смелей. Она легко взбежала по широкой лестнице на крыльцо. Прежде чем скрыться за дверью, девочка оглянулась и, прощаясь, взмахнула букетом.

— Счастливейший путь, внученька! — улынулась Ульяна Гавриловна и подумала: «Эх, Катерина, посмотрела бы ты сейчас на свою дочку, поняла бы, какой радости лишаешь себя!..»

Когда за девочкой закрылась дверь, она выпрямилась, гордо вскинула голову и, пригладив на виске седую прядь, облегченно и счастливо вздохнула. Настроение было приподнятое, праздничное, такое, будто Ульяна Гавриловна только что успешно закончила особенно тяжелую часть трудной работы и теперь могла минутку передохнуть, полюбоваться тем, что сделала...

В школе Вареньке понравилось. В просторном классе было светло, чисто, пахло свежей краской.

Соседкой по парте оказалась скромная, милая девочка с чуть вздернутым носом. Звали ее Ниной Березиной. По возрасту она была старше Вареньки и немного выше ростом.

— Чего ж ты раньше в школу не пошла? — едва познакомившись, осведомилась Варенька. — Не хотела?

— Мне нельзя было. Я долго болела, — пояснила Нина.

С первого взгляда полюбились учительница. В новом сиреновом платье, с гладко зачесанными за уши темными волосами, она стояла за столом и, разглядывая своих новых питомцев, ласково улыбалась.

Особенно запечатлелось в памяти, когда она, мелом написав на классной доске букву, сказала:

— Запомните, дети, это буква — А.

В окно заглядывало веселое солнце. Лучи его ярко освещали нижний угол доски, и казалось, что белая буква на густом черном фоне светилась.

Варенька ближе придвинулась к своей соседке по парте.

— Когда буду знать все буквы, я напишу письмо маме, — тихонько доверила она ей свою мечту.

— Письмо маме? — Нина удивленно расширила свои голубые глаза. — Разве она не живет с тобой?

Варенька смутилась.

— Ее нет здесь.

— Почему?

— Ну... не приехала.

— А почему?

— И чего ты започемукала? — рассердилась Варенька.

— Дети, в классе шуметь нельзя, — вмешалась учительница. — Что тебе, Заречная?

Варенька насупилась.

— Ничего.

Как она могла сказать учительнице, что поссорилась со своей первой школьной подругой потому, что не смогла объяснить ей, почему до сих пор не приехала мама. Ничего она не сказала и бабушке, которая уже давно не могла ответить на этот вопрос.

Хотя Варенька и старательно училась, но заветное письмо не скоро решилась написать. В нем она сообщила:

«Дорогая мамочка, я перешла во второй класс».

Перо цеплялось за бумагу, разбрызгивало чернила, буквы плясали, однако Варенька была довольна тем, что теперь могла самостоятельно обращаться к матери. Она не сомневалась в том, что мама, прочитав письмо, тут же захочет увидеть свою дочку.

Примерно так Екатерина Ивановна и написала в своем ответном письме. Она поздравила дочурку с успехами в учебе, пожелала доброго здоровья, но не приехала. Вместо себя она прислала посылку, большую, щедрую, которая, однако, не обрадовала ни Вареньку, ни бабушку. Не посылку они ждали...

Первое лето после учебы бабушка никуда не отпустила от себя Вареньку, но второе и третье девочка отдыхала в пионерском лагере.

Находился он в стороне от большой дороги, среди леса, на высоком холме, вершина которого была расчищена от деревьев ровно настолько, чтобы на ней могли разместиться необходимые постройки и спортивные площадки.

Вареньку очень забавляло, что за окном, у которого стояла ее кровать, сразу же начинался густой, древний лес. Вначале она даже немного побаивалась его, ночью просыпалась и со страхом прислушивалась к едва уловимому шелесту листьев осины, росшей у самого входа в спальню. Но потом ко всему привыкла и когда приехала второй раз, то чувствовала себя здесь старожилкой. Еще бы! Новичкам она могла точно указать грибные места, просеку, где водилась земляника, гнездо синицы, дупло, в котором белочка жила.

От фабричного клуба, который служил местом общего сбора, до лагеря дети ехали в открытых машинах и всю дорогу без усталости пели. Припоминались все, какие кто знал, песни, но особенно приподнято звенело:

Спой нам, ветер, про чащи лесные,
Про звериный запутанный след...

Как нельзя кстати приходились эти слова. Могучие, вековые сосны, вскинув высоко к небу зеленые кроны и заслонив собой солнце, с обеих сторон подступали к самой дороге. В прохладной тени особенно остро пахло травой, грибами и догнивающей на земле хвоей. За каждым кустом орешника чудился притаившийся, никому еще не ведомый зверь...

С натужным ревом, преодолев довольно крутой подъем, автомашины затем нырнули под ажурную арку с прикрепленной сверху надписью: «Добро пожаловать» и направились к центральному павильону лагеря. Со всех сторон сюда же торопились приехавшие немногим раньше пионеры. Прибежал и добрый лагерный пес Полкан. Большой, кудлатый, рыжий, он, усиленно виляя хвостом, ласкался ко всем без разбора и удивленно глядел, если кто-нибудь его пугался или отгонял от себя.

Вареньку радостно встретили подружки по классу Нина Березина и Люся Гаврилова.

Девочки бросились друг к другу, засмеялись, обнялись и закуружились.

— Пойдем, мы тебе ежа покажем, — предложила вдруг Нина.

— Его только сегодня поймали, — пояснила Люся, поправляя алый галстук.

— Пошли, — охотно согласилась Варенька.

Девочки побежали.

Вперед вырвалась Нина.

— Догоняйте!

Старше и рослее своих подруг, она бежала значительно быстрее их, легко размахивая руками.

Запыхавшись, девочки остановились у небольшого фанерного ящика, в углу которого сидел еж. Он боязливо водил острой мордочкой с крохотными, словно бусинки, глазами.

— Бедненький, — пожалела его Варенька.

— Давайте его выпустим, — заволновавшись, неожиданно предложила Люся. На ее нежных, розовых щеках,

еще не тронутых загаром, ярче проступили редкие веснушки.

— Мальчишки рассердятся, — возразила Нина, но таким тоном, который явно свидетельствовал, что она полностью согласна с предложением.

— А мы перевернем клетку на бок, будто ежишка сам это сделал, — лукаво подмигнула Варенька и, толкнув ногой, опрокинула ящик. — Ну, беги, — нагнувшись над колючим зверьком, засмеялась она и бросилась догонять удирающих подруг.

Хотя это происшествие заняло немного времени, но к распределению мест в спальне Варенька едва поспела.

Ей досталась вторая кровать от входа.

«Ну что ж, неплохо, — подумала она, поправляя пухлую подушку в белоснежной наволочке, и довольно улыбнулась: — Зато зверюха сейчас себя героем чувствует!..»

Утром разбудил хриловатый, но громкий горн. С непривычки не хотелось сразу вставать, но торопили дежурные:

— Подъем! Койки быстро заправить! На физзарядку марш!..

Началась интересная лагерная жизнь. Игры, смотры, состязания, походы, конкурсы, каждый день что-нибудь новое, занимательное.

Неожиданно для самой Вареньки у нее обнаружился хороший, звонкий голос. Самостоятельно выступать она стеснялась, но в хоре запевала:

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!..

И солнце будто слушалось девочку, весь день старательно светило и пекло. За несколько дней лица ребят загорели, а у некоторых даже носы облупились. Приключилось это и с Варенькой. Пришлось наклеить на нос лист подорожника, выгнутый козырьком.

Постоянным и неослабным вниманием ребят пользовался поделочный цех, громко именуемый «Пионерской фабрикой». Они готовы были проводить в нем весь день. Под руководством опытных преподавателей молодые мастера учились здесь искусству владеть слесарным и столярным инструментом. Озабоченно хмурия брови, мальчики пилили доски, ремонтировали скамейки, ско-

лачивали ящики для цветов, строили модели самолетов.

Девочки увлекались кройкой и шитьем.

Особым прилежанием отличалась Нина. Худенькая, стройная, ловкая, она с волнением садилась за швейную машину и старательно подрубала полотенца для лагера.

Нина была не только старше, но и серьезнее своих школьных подруг. Ее отец, тяжело раненный в бою, долго болел и умер спустя два года после войны. Мать работала на фабрике ткачихой. Нелегко было ей одной воспитывать троих ребят. Нина это хорошо понимала.

— Ей очень трудно с нами, — говорила она подругам. — Но мама нас сильно любит. И мы ее любим за это еще крепче. Да и как же иначе? Жаль, помочь ей не можем. Вот я и учусь на машине. Глядишь, что-то и смогу за маму сделать.

Закинув руки за голову, Варенька мечтательно прищурилась.

— А это, наверное, очень приятно, когда можешь маме помочь, — тихо проговорила она. — Мне кажется, я бы даже не уставала...

В лагере Варенька чувствовала себя прекрасно. Вместе с подругами она часто посещала «Пионерскую фабрику», где занималась выпиливанием из фанеры.

— Хочу сделать красивую рамку для бабушкиной фотографии, — заявила она.

Но дело вначале подвигалось довольно туго, тонкие пилки часто ломались, резали не там, где следовало.

— А ты не торопись, — советовал преподаватель. — Пилу держи ровнее.

Постепенно девочка научилась управлять лобзиком не хуже других. На выставке поделок ее рамка получила четвертую премию!

По воскресеньям в лагерь приезжали родители. И хотя отлично знали, что их детей здесь кормят хорошо, являлись они с корзинками и авоськами, до предела наполненными банками, свертками и кулками.

К Вареньке бабушка приехала только в первый выходной день. Потом она сообщила, что немного захворала, однако не забывала посылать гостинцы. Каждое воскресенье кто-нибудь из знакомых привозил Вареньке привет от бабушки.

— Как она там? — забеспокоилась девочка.

— Известно, старый болезней не ищет, они сами его находят, — отвечали ей. — Годы свое берут.

— А не опасно?

— Так ведь не угадаешь. Дуплистое дерево скрипит, да стоит, а крепкое, глядишь, валится. Всяко бывает.

Подобные ответы, конечно, не могли успокоить Вареньку, но среди подруг тревога притуплялась, а подчас и вовсе забывалась. Пионерский лагерь — не место для печальных дум.

Немного взгрустнулось всем, когда пришло время расставаться.

Вечером в лагере был зажжен большой костер. Жарко бушевало пламя, освещая загорелые, будто повзрослевшие лица ребят, высоко установленный портрет Владимира Ильича Ленина и протянувшуюся под ним надпись:

«Спасибо родной Коммунистической партии за наше счастливое детство».

Мальчики обменивались памятными подарками. В этот прощальный вечер не жалко было отдать другу ревностно хранимый перочинный ножик с единственным уцелевшим лезвием или найденную на дороге и продырявившую карман гайку от неизвестно какой машины.

Три подружки сидели рядом и в перерывах между хороводами и песнями договаривались о встречах в городе.

— Вы приходите ко мне, когда хотите, — гостеприимно приглашала Люся. — Мама у меня добрая, она будет рада вам.

— Я не знаю, когда смогу прийти, — вздыхала Нина. — Мама на работе, а мне в детский сад за братишкой нужно сбегать и по дому забота. Но я обязательно выберу время.

— А я приду, как только поправится бабушка, — пообещала Варенька.

На следующее утро она поднялась задолго до горна и на заранее облюбованной полянке собрала красивый букет полевых цветов...

— Значит, не забыла бабушку, — принимая цветы, улыбнулась Ульяна Гавриловна. — Спасибо, родная.

Она сидела в своем любимом и единственном в комнате кресле с потертой обивкой на подлокотниках.

Дышала Ульяна Гавриловна часто и тяжело.

— Что с тобой? — тревожно спросила Варенька, прижимая ее припухнувшую руку к своей щеке.

— Воздуха что-то не хватает, — пояснила бабушка и попросила: — Ты уж сама поставь цветы в воду, а то я как начну двигаться, так совсем задохнусь.

Она хотела сказать что-то еще, но сразу не смогла это сделать. Ей нужно было отдышаться.

Вареньку это очень испугало. Под предлогом набрать воды для цветов она поспешила на кухню.

— Что с бабушкой? — не скрывая волнения, обратилась она к находившейся там Елизавете Васильевне.

— Сама видишь, не маленькая, — грустно ответила она. — Когда сердце сдает, тут все может случиться. Я уж было собралась тебя вызвать. Матери твоей написала, поторопись, мол, Екатерина Ивановна...

Варенька ткнулась лицом в ладони и заплакала.

— Ну, это уж зря, — пыталась успокоить ее Елизавета Васильевна. — Сколько на свете людей с больными сердцами, а ничего, живут...

Бабушка умерла под утро.

VII

Екатерина Ивановна приехала в день похорон.

Смерть бабушки так потрясла Вареньку, что к приезду матери она отнеслась почти безразлично.

— Отвыкла, — заключила Елизавета Васильевна. — И то сказать, почти восемь лет не виделись.

Екатерина Ивановна старалась приласкать дочку, но, не зная ее, делала это неловко, и потому казалось — неискренне. Самые задушевные, от сердца идущие слова звучали неубедительно и, главное, фальшиво. Девочку это оскорбляло, она чуждалась матери и старалась находиться подальше от нее. К тому же на второй день после приезда выяснилось, что мать не собирается взять дочку к себе.

— Как это? — удивилась Елизавета Васильевна. Куда ж ей теперь?

— Ума не приложу, — сжимая пальцами виски, говорила Екатерина Ивановна.

За те годы, что отсутствовала в городе, она заметно похорошела. Черное, с глухим воротом, отлично скроенное платье, надетое по случаю траура, ей очень шло. Оно

выгодно подчеркивало стройную фигуру, удачно оттеняло нежную белизну лица. Темные волосы, гладко расчесанные на прямой пробор, были собраны на затылке в плотный узел. Говорила она негромко, двигалась неторопливо. Во всей манере держать себя чувствовалось что-то схожее с самолюбованием, присущим людям, твердо уверенным в своем внешнем совершенстве. Запоминались глаза. Большие, карие, не в меру спокойные. Они оставались холодными даже тогда, когда Екатерина Ивановна улыбалась, только немного приспускались длинные ресницы, словно для того, чтобы скрыть от постороннего взгляда глубоко затаенную грусть.

Наблюдательная Елизавета Васильевна вначале подумала, что это связано со смертью матери, но потом поняла: «Нет, тут печаль давняя. Красотой своей ки-чишься, а, видать, живешь-то ты невесело».

Продолжая разговор о Вареньке, она посоветовала:

— Если тебе нельзя взять ее к себе, определи в детский дом. Государство воспитает.

Отрицательно качнув головой, Екатерина Ивановна вздохнула.

— Это невозможно. Мой муж — известный композитор. О нем в газетах пишут, его произведения передают по радио. Вы представляете, что будет, если узнают, что дочь его жены воспитывается в детском доме? Нет, нет, Геннадий Ксенофонович на это не пойдет.

Елизавета Васильевна уже знала, что так зовут второго мужа Екатерины Ивановны.

— Тогда напиши отцу, — сказала она.

— Александру? Бесполезно. У него своя семья, два сына.

— Там, где двое, найдется место и третьему. Сейчас многие берут детей на воспитание, а тут родная...

— В этом вся и беда.

— Беда? — Елизавета Васильевна недовольно поджала губы. — Выходит, Вареньке при живых родителях хуже, чем круглой сироте. Не было бы вас, заботу о девочке приняло бы на себя государство, человека из нее сделало бы. А теперь что будет?..

И Елизавета Васильевна пристальнее всматривалась в красивые, но печальные глаза своей собеседницы.

«Что-то не ладно у тебя, — догадывалась умудренная

большим жизненным опытом ткачиха. — О своих детях матери не так пекутся».

Елизавета Васильевна судила по себе. Овдовела она рано, но сумела вырастить трех сыновей, которыми очень гордилась. Жили они в разных концах страны, имели свои семьи. Старший работал на уральском заводе, средний учительствовал на севере, а младший был партийным работником на Кубани. Все трое помогали матери и настойчиво просили, чтобы она переехала к ним на постоянное жительство. Сыновья и их жены старательно соблазняли отдельной комнатой и внуками, угощением и заботой, трудом и отдыхом. В общем, выбор представлялся большой и разнообразный. Елизавета Васильевна каждый год гостила у одного из сыновей, но от предложения навсегда остаться мягко отговаривалась:

— Пока ноги носят и сил хватает. Вот когда время придет и дело от рук отобьется, тогда сама к вам попрошусь.

Елизавета Васильевна была убеждена, что своим долгим присутствием стеснит сыновью семью, а этого делать она не хотела.

— У молодых свой запев, — утверждала она.

Пожилая ткачиха твердо верила, что ее сыновья — люди глубоко честные, трудолюбивые и не свернут, как говорится, с правильной дороги. Однако всегда была готова немедленно отправиться на помощь к любому из трех сыновей.

— Мало ли что в жизни может случиться, — рассуждала она.

Для этой цели у нее всегда за фабрикой десяток «заработанных» дней числился. И достаточно было ей получить, скажем, в прошлом году весть от среднего, что его жена после неудачных родов заболела, как тут же, первым поездом, помчалась на север.

— Мать — это должность без выходных и на всю жизнь, — убежденно заявляла Елизавета Васильевна.

Поэтому отношение Екатерины Ивановны к своей дочке она осуждала решительно и этого не скрывала.

— Умела родить, умеи и воспитать, — резко, с рабочей прямоотой сказала она. — Думаи не только о себе, но и о своем ребенке.

— Ах, Елизавета Васильевна, не расстраивайте хоть вы меня, — всплеснула руками Екатерина Ивановна.

— Подумаешь, барыня! — рассердилась Елизавета Васильевна. Она сидела в комнате, в которой ежедневно бывала по несколько раз. И хотя все вещи находились на своих привычных местах, в комнате стало пусто. Не хватало близкого сердцу человека. — Эх, Ульяна, Ульяна, кого ты вырастила!

Вспыхнув, Екатерина Ивановна передернула плечами, гневно вскинула красивую голову, но смолчала.

— Я напишу родителям Александра, — после некоторого раздумья, заявила она. — У меня где-то сохранился их адрес.

— Делай как знаешь, но чтоб ребенку не во вред было. Об этом думай, — раздраженно сказала Елизавета Васильевна и ушла, хлопнув за собой дверь.

Екатерина Ивановна презрительно скривила губы.

— Можно подумать, что моя дочь ей роднее.

Письмо, которое собиралась послать родным своего первого мужа, она не написала. Все решилось просто, быстро и самым неожиданным образом.

Обхватив локти руками, Екатерина Ивановна стояла у открытого окна и с высоты второго этажа рассеянно смотрела на проходивших мимо пешеходов. До отъезда оставались сутки, а она еще не решила, как быть с Варенькой. Те немногие варианты, которые приходили в голову ночью в часы бессонницы, утром оказывались нелепыми или трудно выполнимыми. А что-то нужно было решить немедленно, сегодня. Взять Вареньку с собой, зная характер мужа, она не решалась. Хорошо было бы отвезти ее хотя бы на время к знакомым. Но сразу возникал вопрос: к кому? Да и как это сделать, не списавшись предварительно? Могут ведь не принять, обидеться. Что тогда? А тут еще Варенька, узнав, что мать не берет ее с собой, категорически заявила:

— Я никуда не поеду.

Девочка уходила утром, где-то проводила весь день и возвращалась только поздно вечером. С матерью она почти не говорила. На ее вопросы отвечала коротко: «Да», «Нет», «Не знаю».

Екатерина Ивановна старалась привлечь ее к себе лаской, но из этого ничего не получалось, девочка стала дичиться еще больше. Тогда мать попыталась объяснить ей, как сложно бывает ввести в дом ребенка, родного только одному из супругов. Варенька сидела, точно ока-

менев, опутив голову, потупив глаза и, казалось, совершенно безразличная к тому, что говорилось. Екатерину Ивановну это взорвало, она повысила голос, что делала очень редко. Варенька лишь немного приподняла голову, но не проронила ни слова.

«Что делать? Что делать?» — чувствуя пробегающий по спине лихорадочный озноб, думала Екатерина Ивановна и плотнее сжимала руками локти. Взгляд ее скользил по незнакомым лицам прохожих, ни на ком долго не задерживаясь.

И вдруг с улицы донеслось:

— Катя!

Екатерина Ивановна удивленно посмотрела на остановившуюся под окном женщину и с трудом узнала в ней свою двоюродную сестру Капитолину Николаевну Амелину.

— Какими судьбами? — запрокинув голову, спрашивала та. — Надолго к нам?

Екатерина Ивановна всегда недолюбливала свою родственницу, но сейчас поспешила изобразить на лице приятное изумление, соответствующее случаю.

— Я рада тебя видеть, — улыбнулась она. Увидев, что Амелина с явным намерением продолжить разговор оставалась на месте, пригласила: — Заходи. Ты помнишь?.. Второй подъезд, двенадцатая квартира.

— Бегу! — Капитолина Николаевна картинно взмахнула сумочкой. Натыкаясь на прохожих, лавируя между ними, она рванулась к воротам.

«Вот уж кто совсем некстати, — отходя от окна, с досадой подумала Екатерина Ивановна. — Начнет тут трещать без умолку, как сорока».

На ходу глянув в зеркало и пригладив ладонью выбившуюся прядку волос, она пошла открывать входную дверь.

Двоюродные сестры встретились на лестничной площадке, обнялись так, чтобы не помять друг другу платья, коснулись щеками и довольно засмеялись.

— Сколько лет! — воскликнула Капитолина Николаевна.

Высокая, подтянутая, не в меру накрашенная, она была одета несколько крикливо. По перелицованному и перекроенному костюму легко угадывалось, что живет она небогато. Искусственно обесцвеченные, потерявшие

свой блеск волосы падали на худенькие плечи жиденькими волнами. В зеленовато-серых глазах, над которыми вызывающе выгнулись крутыми дугами иссиня-черные брови, таилось что-то жалкое, забитое и заискивающее, хотя Амелина и пыталась держаться с некоторым высокомерием. У нее на пальцах, в ушах, на груди блестели цветными стекляшками дешевенькие украшения.

— А я, представь, и не знала, что ты вернулась, — следуя за хозяйкой в комнату, продолжала щебетать она.

— Мама умерла, — тихо сообщила Екатерина Ивановна.

— Ах, — скорбно сдвинула брови гостя, — горе какое! — Она немного помолчала, успев за это время безошибочно определить качество и стоимость траурного платья двоюродной сестры, и продолжала прежним тоном: — А ты выглядишь чудесно!.. Платье купила, конечно, в столице? — будто вскользь спросила она.

— Нет, оно у меня было.

— Хороший фасон. А я тебя сразу узнала.

— И я тебя, — солгала Екатерина Ивановна. — Ты почти не изменилась.

— Полно тебе, — отмахнулась Капитолина Николаевна, хотя по глазам было видно, что слова собеседницы пришлись ей по душе — годы свое берут. Мы ведь, кажется, ровесницы.

— На одной парте сидели. Забыла?

— Конечно, нет. Мне только пришлось мало учиться.

Капитолина Николаевна училась мало и плохо. Росла она единственной дочкой в семье главного бухгалтера областной конторы кинопроката. Папина любимица, она, пользуясь его служебным положением, с детских лет насмотрелась разных, порой для ее возраста вредных фильмов, прельстилась их показной роскошью и, повзрослев, твердо решила стать киноактрисой. Подруги учились, работали на фабриках, сдавали экзамены в институты, а она, недурная собой, часами засиживалась перед зеркалом, научилась закатывать глаза, водить бровями, презрительно кривить усмешкой губы. Она воображала себя то в роли кинутой и обманутой, то, наоборот, в роли кидаящей и обманывающей.

В театре, куда она обратилась за советом, режиссер сказал, что у нее очень мало артистических данных, но их можно развить, если она будет долго и упорно тру-

диться и, главное, учиться. Такая перспектива Линочку не устраивала. Ей хотелось, как на экране, сверкать в обществе, постоянно находиться в центре внимания, но чтоб это пришло само собой. Словом, Линочка стремилась к победе большой, но легкой. Однако такой победы не получилось. Тогда она задумала исправить дело выгодным замужеством. Благо в зарубежных фильмах миллиардеры, как правило, выбирали себе подруг жизни среди простых и бедных девушек.

Время шло, но богатых претендентов на руку не находилось, и это страшно злило. Из Лины она превратилась в Капу, затем опять в Лину, но ничего не помогало. Характер непоправимо портился, становился эгоистичным.

Лина завидовала всем, в том числе и Кате Кашинцевой, которая «высочила за архитектора». Когда Екатерина Ивановна разошлась с мужем, Амелина ликовала, словно от этого развода что-то выигрывала.

Потом двоюродные сестры потеряли друг друга из виду и вот вдруг встретились.

— Ну как ты здесь живешь? — усадив гостью в кресло, спросила Екатерина Ивановна.

Капитолина Николаевна иронически скривила губы.

— А как здесь можно жить? — Она порылась в сумочке и достала папиросу. — Ты разрешишь?

— Кури, пожалуйста. — Екатерина Ивановна придвинула свой стул к креслу. — Ну, рассказывай. Замужем? Кто муж?

Для Капитолины Николаевны это был самый больной вопрос.

— Сватается один. — Она чиркнула спичкой и поднесла огонь к папиросе. — Очень солидный, — продолжала Амелина, попыхивая дымком. — Правда, он был уже женат, но что-то там... в общем — вполне приличный, представительный и, конечно, с положением.

— Как ты счастлива, что у тебя нет детей, — вздохнула Екатерина Ивановна.

— Счастлива? — Высоко поднятые брови Капитолины Николаевны взвились еще выше. Ей давно уже никто не завидовал.

— Я вот не знаю теперь, как быть с дочкой.

— А что?

— Я не могу взять ее к себе.

— У мужа характер? — понимающе кивнула головой Капитолина Николаевна. — Но, кажется, в прошлом ты не уступала...

— То все прошло. Молоды были, глупы.

— Но, как я понимаю, — Капитолина Николаевна снова скользнула взглядом по понравившемуся ей черному платью, — ты не прогадала. — И опять, будто между прочим, спросила: — Материал, конечно, заграничный?

— Нет, наш.

— Скажи пожалуйста! Вот бы не подумала, — удивилась гостя и тут же осведомилась: — А дочь у тебя большая?

— Одиннадцатый год, в четвертый класс пойдет.

— О-о, большая девочка. И тебе не с кем ее оставить?

— Голова идет кругом.

— Понимаю.

Двоюродные сестры поговорили еще немного, вспомнили прошлое, общих знакомых. Капитолина Николаевна собралась проститься, но вдруг заинтересовалась:

— А квартира остается за вами?

— Да. Но зачем она теперь?

— Хорошая комната. — Капитолина Николаевна прошла по диагонали, остановилась у окна, потрогала отопительную батарею. — Светлая, второй этаж, паровое отопление, недалеко от центра. Требуется, конечно, ремонт, но небольшой.

Екатерина Ивачовна с недоумением посмотрела на сестру.

— Я, кажется, могу тебе помочь, — заявила та. — После смерти стариков я уезжала и теперь живу у одних. Но мне там не нравится. Если бы ты меня прописала, я бы могла поселиться здесь с твоей дочуркой. Как ее зовут? Варенька? Так, кажется?

— Да, — подтвердила Екатерина Ивановна, — Варенька.

Предложение было неожиданным. Она знала свою двоюродную сестру раньше, да и теперь видела, что это совсем не тот человек, которому можно спокойно доверить своего ребенка. Но другого, лучшего выхода из создавшегося положения до сих пор не нашла. И потому, сразу решив, что оставляет Вареньку на попечение сестры только временно, она, уже боясь, как бы та не передумала, робко спросила: — Ты серьезно?

Нетвердые нотки, прозвучавшие в голосе хозяйки Капитолина Николаевна моментально уловила и разговор уже продолжала чуть свысока:

— Вполне. Понятно, если на содержание дочки...

— Отец деньги посылает аккуратно, — поспешила заверить Екатерина Ивановна. — Я выдам тебе доверенность, а иногда и сама кое-что подброшу...

Так за несколько минут была решена судьба Вареньки.

Ее воспитанием занялась тетя Лина.

VIII

К своим обязанностям Капитолина Николаевна приступила на второй день после отъезда Екатерины Ивановны. Начала она с того, что привела с Сенного рынка нелегального перекупщика и предложила ему приобрести всю обстановку.

В халате, с папиросой в зубах, с множеством бигуди в волосах, она стояла посередине комнаты и, предлагая очередную вещь, спрашивала:

— Сколько?

Скупщик, коренастый мужчина с лоснящимся, слегка припухшим от пьянства лицом, щурился заплывшими, сонными глазками, чесал за ухом и называл цену.

Спор разгорелся из-за скатерти.

— Сколько? — переспросила Амелина.

Скупщик повертел в руках скатерть, подергал ее, посмотрел на свет и вяло произнес:

— Три.

— С ума сошел, — возмутилась Капитолина Николаевна. — Она почти новая. Сорок!

— Пять, — совершенно спокойно проговорил скупщик.

— Ды ты что, дурой меня считаешь? Тридцать!

— Семь.

— Нет, так мы не договоримся, — тяжело переводя дыхание подбоченилась тетя Лина. — Двадцать пять — и ни копейки меньше.

— Десять.

— Нет.

Со скужающим выражением лица скупщик отвернулся от скатерти.

— Черт с тобой! — взъерилась Амелина. — Подавись ею, иуда!

Она швырнула скатерть в покупателя. Тот, сразу воспрянув, на лету схватил ее, свернул и, бережно положив на уже сторгованные вещи, придавил сверху своей толстой ладонью с широко растопыренными короткими пальцами.

Прижавшись щекой к косяку двери, Варенька с грустью наблюдала за распродажей вещей, к которым она привыкла.

— Кресло возьмешь? — спросила Капитолина Николаевна.

Скупщик неторопливо повернулся и, по-медвежьи переваливаясь с боку на бок, двинулся с места.

Варенька бросилась вперед и заслонила собой кресло.

— Это бабушкино, — запротестовала она.

— Отойди, деточка, не мешай, — с досадой отстранила ее тетя Лина. — Бабушке кресло уже не нужно. А в наше время таким старьем нельзя со вкусом обставить квартиру.

В последующие дни в комнате скребли, шпаклевали, мазали, красили. В результате пол стал багрово-красным, а стены ядовито-желтыми. На окнах появились «стильные» светло-васильковые гардины с огненно-рыжими молниями и синевато-холодными квадратами и ромбами. Над столом, глянцеви́то поблескивающим гладко отполированной сиреневой поверхностью, повисла новая неопределенной формы люстра из гнутых тонких трубок. Четыре зеленоватых рожка, насаженных на их концы, будто еще не уяснив своего назначения, с наивной робостью торчали в разные стороны.

Чтобы все устроить побыстрее и соответственно своему вкусу, Капитолина Николаевна в артели, где по штатной ведомости числилась калькулятором, но выполняла работу машинистки, взяла отпуск на несколько дней «за свой счет».

С утра и до ночи, громко шлепая домашними, изрядно истоптанными туфлями, она носилась по комнате, наводя порядок, и при этом без устали напевала:

Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои...

Дальше, видимо, забыв слова и мотив романса, она что-то невнятно бормотала, но затем продолжала призывно и с упреком:

Вы всё не шли, вы всё не шли...

Над кроватью она приколотила по дешевке приобретенный в скупочном магазине тусклый, будто закопченный узенький коврик с рогатым оленем. Высоко вскинув голову, поджарое животное испуганно таращилось на водяную мельницу, густо заросшую кряжистыми дубами.

— Немецкий гобелен! — гордилась приобретением тетя Лина и, чтобы повысить в чужих глазах значение своей покупки, с напускной скорбью добавляла: — У нас таких еще не научились делать.

На стол она поставила тощего мопса, вырезанного, согнутого и склеенного из белого пластика с легкой позолотой.

— Синтетика! — Капитолина Николаевна с придыханием произносила это очень модное слово, смысл которого понимала довольно смутно.

Впрочем, это нисколько не смущало ее. Наоборот. Капитолина Николаевна любила такие слова и старалась почаще ими пользоваться, считая, что их загадочность придает ей самой весомую значимость, показывает ее в лучшем, выгодном для нее свете.

На самую верхнюю полку подчеркнуто асимметричной этажерки она водрузила в штампованной пластмассовой рамке портрет мужчины с тоненькими усиками и блудливыми глазами.

К вам одному неслись мечты мои...

У Капитолины Николаевны слегка кружилась голова. Разбуженное воображение, в каких-то неясных, быстро сменяющихся и путаных сочетаниях ярких красок, смеха, музыки и острого запаха вина, создавало ощущение стремительно несущегося навстречу ей счастья, в котором главенствовало что-то волнующее от мужчины, сильное, сокрушительное, захлестывающее дух. Казалось, распахни дверь — и все это неудержимо ворвется в комнату, наполнит ее до предела. Только бы потом не выпустить ни капельки. А потому нужно чистить, мыть, натирать, торопиться. Капитолина Николаевна трудилась не жалея сил.

Самой большой удачей она считала покупку по сходной цене небольшого шкафа с раздвижными стеклами, вместо дверок. Поставила она его на самом видном месте, возле стены напротив входной двери, и тут же нарекла:

— Сservант!..

Вареньке до боли было жалко исчезнувшей вдруг уютной комнаты, в которой она почти десять лет прожила с бабушкой. Девочка глотнула горький комочек, подкативший к горлу, а потом кинулась к двери.

В коридоре она чуть не столкнулась с Частухиным, который нес из кухни чашку с бульоном.

— Варенька, ну что ж ты, осторожнее надо, — упрекнул он девочку, но, когда она, круто повернув, выбежала на лестницу, подумал: «Что это с ней?»

— С Варенькой нашей что-то неладное творится, убежала, — озабоченно сказал он жене.

— Куда это на ночь-то?.. — встревожилась та. Здоровье ее восстанавливалось медленно, с трудом двигалась она по комнате, говорила с напряжением, заикаясь.

Поставив чашку на стол, Владимир Григорьевич подошел к окну, по которому дружно барабанили крупные дождевые капли.

— Дождь начинается, — недовольно хмыкнул он и повернулся к жене. — Пожалуй, выглянуть надо. Девочка в одном платье выскочила.

— Ну, конечно, Володя, — поддержала жена. — Иди

Когда чьи-то руки легли на плечи прижавшейся к дереву Вареньки, она вздрогнула и, как дикий звереныш, готовая к сопротивлению, быстро повернулась. Но перед нею стояла Елизавета Васильевна, и девочка сразу обмякла, застенчиво потупилась.

— Ты что здесь делаешь? — пристально вглядываясь в ее лицо, спросила Елизавета Васильевна.

— Плачу, — тихо, откровенно и как-то очень уж просто произнесла девочка.

Ответ был столь прямой и в то же время потрясающий своей искренностью и горем, что Елизавета Васильевна испытала чувство, будто на какое-то мгновение дух перехватило. Стараясь не выдать себя, она накрыла девочку полкой плаща и, еще не уверенная в том, что справилась с собой, тихо проговорила:

— Пойдем домой.

— Не хочется, — призналась Варенька.

— Но здесь оставаться нельзя, простудишься.

Только теперь Варенька заметила, что на дворе шел дождь. Но под густой, развесистой липой, где она стояла, было еще сухо. От Елизаветы Васильевны едва уловим

пахло перегретым машинным маслом. Так пахло от бабушки, когда она возвращалась со смены. И девочка попросила:

— Постоим немножко.

По тому, как Варенька прильнула, Елизавета Васильевна угадала ее мысли и, чтобы девочка не тревожила себя напрасно тяжелыми воспоминаниями, сказала:

— Нет, нет, пойдем. Постоять мы сможем в другой раз, когда погода будет хорошая.

Поддав вздох сожаления, Варенька покорно двинулась к дому.

«Надо сказать Капитолине Николаевне, чтобы она повнимательнее относилась к племяннице, — подумала Елизавета Васильевна. — Не затосковала бы девочка».

На лестнице их встретил Владимир Григорьевич.

— А я за Варенькой собрался.

— А мы уже идем, — с напускным весельем отозвалась Елизавета Васильевна. — Опоздали, Владимир Григорьевич.

Зато для Капитолины Николаевны возвращение племянницы оказалось полной неожиданностью. Как выяснилось, до этого она даже не подозревала, что ее нет в квартире.

— Спасибо вам, — запахивая полы халата, поблагодарила она соседей и вскинула брови: — Эти дни я совсем закружилась, просто беда. И ты хороша, всю квартиру встревожила...

Она взяла Вареньку за руку, ввела ее в комнату и, плотно закрыв дверь, хлестко ударила девочку по лицу.

— Не позорь меня перед соседями, — зашипела она. — Ясно?

Вареньку ударили первый раз в жизни. Она не заплакала. Машинально схватившись за щеку, она, не моргая, смотрела на свою воспитательницу не обиженными, а, скорее, удивленными, сразу будто повзрослевшими, широко открытыми глазами.

— Ну, чего уставилась? — еще более разозлилась Капитолина Николаевна. — Подотри пол, вон сколько грязи натоптала!

Варенька беспрекословно выполнила распоряжение. Она вышла в коридор, взяла там тряпку, вернулась в комнату и принялась тщательно вытирать набежавшие с туфель лужицы.

— Так-то оно лучше будет, — уже спокойнее проговорила Капитолина Николаевна. Она была довольна собой. До сих пор, правда, не очень, но все же ее беспокоил вопрос, как удастся справиться с Варенькой. Теперь эта проблема больше не тревожила. Ей казалось, что она нашла надежный способ воздействия на свою воспитанницу. А бить ее Капитолина Николаевна могла столько, сколько потребуется. «И хорошо, что не ревет, соседи не услышат», — про себя отметила она.

Смерть бабушки, отъезд матери, появление тети Лины в роли воспитательницы, полное разорение привычного, обжитого гнезда — события, хотя и разные по своей значимости, но все внезапные и страшно горькие. Они следовали одно за другим без перерывов, ошеломляя, ужасая, до предела напрягая нервы одинокой, беспомощной девочки. Той самой каплей, которая вдруг переполняет чашу, оказался удар, так легко нанесенный Капитолиной Николаевной.

Ночью у Вареньки поднялась температура.

Тетя Лина проснулась оттого, что Варенька громко бредила:

— Бабушка, не уходи... Бабушка, миленькая, не оставляй меня, — задыхаясь, бормотала она.

Перепуганная Капитолина Николаевна вскочила с постели и включила свет. Девочка металась в жару по своей кровати, ловила что-то руками в воздухе и настойчиво просила бабушку не покидать ее.

— Варя! — истерично крикнула Капитолина Николаевна, но девочка не отозвалась. Растерявшаяся Амелина бросилась к Елизавете Васильевне.

— Варенька заболела. Простудилась, наверное.

Елизавета Васильевна тотчас поспешила к Вареньке. С первого взгляда она определила:

— Нет, это не простуда.

Она разбудила Владимира Григорьевича и попросила его сходить в соседний подъезд, где имелся телефон, и оттуда позвонить на станцию скорой помощи. В ожидании врача она намочила водой полотенце и положила его на голову больной. Девочке немного полегчало, постепенно она успокоилась, затихла.

— Да, — вздохнула Елизавета Васильевна, — на нее такое вдруг навалилось, что не всякому взрослому справиться.

Около двух недель проболела Варенька, но и поправившись, она выглядела уже не такой здоровой и бодрой, как прежде. Казалось, что-то надломилось у нее внутри. Щеки опали, лицо вытянулось и будто заострилось, сухие, неподвижные глаза потемнели и прищурились. Под тонкой прозрачной кожей на висках проступили голубые жилки. Заметнее стало ее внешнее сходство с матерью. Говорунья, непоседа, а при случае и веселая озорница, она теперь могла часами сидеть без дела, никуда не стремясь, ничем не интересуясь. Позовут — подойдет, спросят — ответит, что-то поручат — выполнит.

— Это еще при матери началось, — сокрушалась Елизавета Васильевна. — Но будем надеяться на лучшее, может, молодость свое возьмет.

Ее горечи Амелина не разделяла.

«Девчонку, конечно, жалко, — думала она, — но с такой, как она сейчас, спокойнее».

Вареньку ждали трудные испытания.

IX

Чтобы приработать, как выражалась Капитолина Николаевна, корреспонденцию артели она отправляла в конвертах, которые сама клеила. При несложных комбинациях с казенной бумагой, клеем и записями в реестре отправляемых писем это приносило ей, правда, не очень большой, но все же дополнительный доход. Изготовлением конвертов она занималась дома. И здесь ей пришла мысль обучить этому делу Вареньку, благо та не противилась.

Вначале девочке даже понравилось возиться с клеем и бумагой, но, когда она пошла в школу, времени для этого занятия стало не хватать. Однако Капитолина Николаевна уже, как говорится, вошла во вкус. Для Вареньки стало постоянной обязанностью, вернувшись из школы, тут же садиться за изготовление конвертов.

Зимние дни короткие, в четыре уже звезды на небе загораются. Девочка старалась и с конвертами справиться, и уроки выучить, но это ей не всегда удавалось.

В восьмом часу являлась Капитолина Николаевна и, подойдя к столу, указывала на стопку приготовленных конвертов:

— Это все?

— Все, — тихо отвечала девочка.

— Скажешь, уроки готовила, — покосившись на раскрытую книгу, лежащую рядом с локтем Вареньки, усмехалась тетя Лина и холодно заканчивала: — Ну что ж, останешься и сегодня без обеда. А за уроки сядешь, когда выполнишь работу.

Теперь Капитолина Николаевна больше не рисковала ее бить, а наказывала голодом. В зависимости от настроения она лишала ее обеда, ужина или одного из блюд.

Утром Варенька неохотно отправлялась в школу. Ей неловко было приходиться туда, не выучив уроки, чего раньше с ней никогда не случалось.

Еще не старая, но довольно опытная, пользующаяся в школе большим уважением, учительница Нина Алексеевна Кедрова сразу заметила происшедшие с Варенькой изменения. Вначале она, как и другие, объясняла это внезапной смертью бабушки, но время шло, а состояние девочки продолжало ухудшаться. Она похудела, пожелтела, сторонилась подруг, не участвовала в их играх.

«Здесь что-то другое, — решила Нина Алексеевна. — Надо разобраться, не было бы поздно».

На уроке географии она вызвала Вареньку к карте.

— В какое море впадает река Волга?

Вопрос был простой, и Варенька ответила.

Взяв указку, она провела ею по карте.

— Хорошо, — похвалила Нина Алексеевна. — А теперь определи по карте, какие города стоят на правом берегу Волги и какие — на левом.

Этот вопрос был из заданного на дом урока. Варенька беспомощно вскинула глаза, но тут же потупилась и медленно опустила указку.

— Вопрос тебе понятен? — спросила учительница.

Варенька едва заметно кивнула головой.

— На правом берегу, — едва слышно зашептал один из учеников, но учительница, даже не глянув в сторону подсказчика, прервала его:

— Не надо, Миша. — И обратилась к Вареньке: — На каком берегу стоит город Саратов, на правом или на левом?

Варенька опустила голову еще ниже.

— Ты не выучила урок? — спросила Нина Алексеевна.

Девочка тяжело вздохнула.

Учительница подошла и ласково подняла ее голову.

— Что с тобой, Варенька?

Глазами, полными слез, девочка посмотрела на учительницу, затем бросилась к своей парте и, уткнувшись в согнутые руки, заплакала.

В учительскую Нина Алексеевна вернулась расстроенная. Бросив книги на стол, она села и, уставившись куда-то между письменным прибором и стоявшим рядом с ним пресс-папье, задумалась.

— Неприятности? — поинтересовался седой учитель, немногим раньше вошедший в комнату.

— Трудный случай.

— У вас? Любопытно...

— Варенька Заречная. В прошлом году училась очень хорошо, а нынче слова не добьюсь.

— Бывает, переходный возраст, — продув мундштук, сказал учитель.

— Это, Валентин Арсеньевич, разговоры.

— Да? — учитель удивленно повернулся к Нине Алексеевне, но она уже шла к двери.

В коридоре она остановила бегущего ученика.

— Олег, ты не видел Варю Заречную?

Голубоглазый, вихрастый мальчуган, собираясь с мыслями, смешно оттопырил губы.

Но ответить ему не пришлось.

Три ученицы, услышав вопрос, перебивая друг друга, сообщили:

— Нина Алексеевна, Заречная в классе. Позвать?

— Нет, не надо, — улыбнулась учительница готовым сорваться с места подружкам и мягко сказала: — Идите, отдыхайте.

Нина Алексеевна прошла по коридору и остановилась у открытой двери в классную комнату.

Там находилось только двое. Склонясь над учебником, Варенька сидела на своем месте. Перед ней стояла ее соседка по парте Нина Березина и, настойчиво уговаривая, совала ей в руки пирожок. Варенька, покачивая головой, нерешительно отказывалась, причем старалась не глядеть на угощение и делала вид, что увлечена чтением.

«Да ведь она голодная!..»

Страшная догадка заставила учительницу вздрогнуть.

Чтобы не смутить подруг, она поспешила отойти от двери, вернулась в учительскую и тут же позвонила Амелиной на работу.

Капитолина Николаевна пришла на следующий день.

— Что-нибудь с Варей? — не забыв любезно поздороваться, встревоженно осведомилась она.

Нина Алексеевна начала разговор осторожно, издала. Вспомнила, как Варенька училась в первом классе, во втором, в третьем, показала классные журналы.

— А в нынешнем году просто не узнаю ее, — в заключение сказала она. — Будто подменили девочку.

Капитолина Николаевна заметно нервничала.

— Неожиданная смерть бабушки страшно отразилась на Вареньке, — сокрушенно произнесла она давно приготовленную фразу.

И это было ее просчетом. Кедрова ведь знала и другое: девочка была голодна.

— Да, и я так подумала, — сдержанно произнесла она и спросила: — Вы кем ей доводитеесь? Тетей?

— Да, то есть нет, — смутилась Амелина, — не родная. Мы с ее матерью двоюродные сестры.

— Понимаю. — Расспрашивать, почему Варенька не живет у матери, Нина Алексеевна не стала — это ей было известно. Сейчас следовало добиться другого, и она сказала: — За последнее время девочка почему-то начала заметно худеть.

— Разве? — растерялась Капитолина Николаевна, но тут же спохватилась: — Да, да. Не знаю, что делать. Почти совсем не ест. Хочу сводить к врачу, может, он что-нибудь посоветует.

— К врачу, это, конечно, не помешает, — согласилась учительница, сразу учуяв в словах Амелиной ложь, но продолжала прежним тоном: — Возможно, ей следует давать деньги, чтобы она могла покушать в школе. Цены в буфете очень невысокие. Здесь, вместе с ребятами, все кажется вкуснее. А я прослежу.

Умная учительница сразу отрезала пути к отступлению Амелиной, и та это отлично поняла.

— Проследите? Так... — Капитолина Николаевна на какое-то мгновение помрачнела. — Спасибо, — притворно улыбнулась она. — Я почему-то сама не додумалась.

— А дома ей ничего не мешает готовиться к урокам? — наступала учительница.

— Что вы! Нас только двое.

— На дом мы задаем много.

— Училась когда-то, знаю.

Поговорив еще немного, они расстались как добрые знакомые.

— Благодарю вас за заботу о племяннице, — направляясь к дверям учительской, сказала Капитолина Николаевна. — Может, я еще что-то не так делаю, не знаю. Чужого ребенка очень трудно воспитывать.

— Не говорите Вареньке, что вы были у нас, — просила Нина Алексеевна и предупредила: — На днях я зайду к вам.

— Пожалуйста, — улыбнулась Амалина, а переступив порог, испуганно подумала: «Вот беда-то еще, давать деньги на завтраки в школе!..»

От Варенькиного папы тетя Лина ежемесячно получала довольно крупную сумму, однако на нее были расчеты особые. Амалина в уме прикинула: если ничего в ее жизни не изменится, то через несколько лет она станет «не только подходящей, но и выгодной невестой». Расходы на завтраки, конечно, были невелики, но Капитолина Николаевна чувствовала себя так, словно ее пытались обокрасть.

Явившись домой, она, как всегда, повесила в углу шубку, перед зеркалом поправила волосы и остановилась у стола, на котором лежали только что изготовленные конверты.

— На весь город срамишь! — со злостью крикнула она. — Что в школе приключилось? Говори, дрянная девчонка!

Испуганная неожиданной бранью, Варенька со страхом смотрела на свою разгневанную воспитательницу и, растопырив измазанные клеем пальцы, старалась собрать конверты в одну кучу.

— Чего молчишь? Думаешь, не знаю? — бушевала Капитолина Николаевна. — Бросай к черту конверты, будем заниматься!

Девочка, сомневаясь, так ли поняла тетку, неуверенно вышла из-за стола.

— И за что мне такое наказание? — причитала Амалина. — Родная мать отказалась...

Слова хлестнули сильнее удара ладонью. Пораженная услышанным, Варенька с ужасом глядела на свою

воспитательницу, которая, ничего не замечая, продолжала.

— А я пожалуйста, должна возиться! Из-за чего, спрашивается. Из-за этой паршивой комнаты. И главное, все вмешиваются, здесь — соседи, там — школа!.. Ну чего, чего глаза таращишь? — наконец повернулась она к девочке. — Покажи, что ты там не выучила.

Варенька достала из портфеля учебник географии.

— Где? Здесь?.. — нетерпеливо листая книгу, спросила Капитолина Николаевна. — Я наверняка с ума сойду с тобой. Ты доведешь! Садись и учи, — швырнув учебник на стол, приказала она.

Варенька боязливо направилась к столу, но тетка остановила ее:

— погоди. Отправляйся на кухню, там в кастрюле щи. Поешь.

Девочка повернула к двери.

— Но прежде сбегай в булочную за хлебом. Вот деньги. Сдачу не потеряй. И не забудь помыть посуду, — вслед уходящей из комнаты Вареньке закончила она и, закатив глаза, вздохнула: — Ох, сил моих нет!..

Поздним вечером, усталая, Варенька добралась-таки со своим портфельчиком до стола.

— Пол на кухне подмела? — сердито спросила Капитолина Николаевна, накручивая волосы на бигуди.

— Подмела.

— Ну садись, садись, а то завтра опять меня опозоришь.

Варенька открыла книгу, прочитала: «По нашей обширной стране протекает много рек» — и остановилась. В ушах назойливо на разные лады звучала одна и та же фраза: «Мать родная отказалась!..»

Пытаясь сосредоточиться, девочка еще раз прочла строку, зажала ладонями уши, но голоса не исчезли, они только глуше стали.

Не было такого дня, чтобы Варенька не вспомнила свою мамочку. Много в их отношениях для девочки оставалось непонятным, но она не осуждала мать и с детской чистотой и непосредственностью продолжала любить ее. Чувство огорчения, связанное с тем, что мама не взяла дочку с собой, со временем притупилось. Варенька в душе полностью ее оправдывала. Если мама так поступила, значит, так и надо было сделать. Что-то

мешало ей поступить иначе. И потому девочка часто жалела свою маму больше, чем себя. Не раз ей даже виделось во сне, что мать сидит в высоком тереме и, удерживаемая на месте длиннородым злым колдуном, горько оплакивает свою разлуку с любимой дочуркой.

И вдруг:

— Мать родная отказалась!..

Девочка смотрела в книгу и ничего не видела.

Неожиданно из коридора донесся стук во входную дверь. Стучали тихо, но настойчиво.

— Кого еще леший принес? — удивилась Капитолина Николаевна и остановила поднявшуюся из-за стола Вареньку: — Ладно уж, учи, сама открою.

Она вышла за дверь и через минуту возвратилась в сопровождении немного подвыпившего розовощекого мужчины в длиннополном пальто с серым каракулевым воротником и в серой высокой папаше.

— А я увидел огонек в окне и подумал: «Дай-ка зайду, авось не выгонит начальство», — смеясь, заговорил он и обратился к Вареньке: — Ага, грызем? И правильно, ученье, брат, — свет, а неученье — тьма! Потемки! Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Варенькой.

— А что? Имя что надо. А меня — Сергей Аркадьевич Левкоев. Дядя Сережа, значит. Не плохо?

Он довольно захохотал, достал из кармана бутылку, поставил, не замечая того, на Варенькину тетрадь, лезавшую на столе, и торжественно объявил:

— Дамское!

Рядом с бутылкой красного вина он поместил бутылку с водкой.

— Мужское.

Самоуверенному Левкоеву показалось, что он сказал что-то очень остроумное и потому захохотал еще громче.

Потише ему вторила Капитолина Николаевна, поспешно освобождая волосы от натятанных в них жестянок и украдкой убрав с верхней полки этажерки портрет мужчины с блудливыми глазами.

— Сергей Аркадьевич, раздевайтесь, пожалуйста, вешалка в углу, — сказала она и ласково улыбнулась Вареньке: — Деточка, тебе пора спать.

— Правильно, бай-бай пора. Уроки нужно учить

днем, — шумел Левкоев, вытаскивая из карманов свертки. — А стол нужен для более существенных дел. — И он решительным жестом отодвинул книги в сторону.

— Ах, как трудно воспитывать чужого ребенка, — жаловалась Капитолина Николаевна и, помогая Вареньке, чтобы та скорее разделась, говорила ей: — Да ты не стесняйся, глупышка. Дядя на нас не смотрит.

— Не смотрю, — подтвердил Левкоев. — Дома у меня трое таких.

— С родными, конечно, проще, — продолжала Капитолина Николаевна. — Но что поделаешь? Приходится мириться.

— Золотое сердце! — восхитился Левкоев.

— Чтоб не мешал свет, деточка, повернись лицом к стенке, — укладывая в постель Вареньку, посоветовала Капитолина Николаевна. — Вот так. Спокойной ночи, умница. — Она поцеловала девочку в голову.

— Бриллиант! Чистейшей воды бриллиант! — продолжал восторгаться Левкоев. Двигаясь округлым брюшком вперед, он ринулся к Амелиной. — Разрешите к ручке приложиться.

— Ну что вы, Сергей Аркадьевич, — кокетничая, потупилась она. — Руководитель такой солидной... фирмы.

— Насчет фирмы ты не сомневайся. — Многозначительно подмигнув, он бесцеремонно обнял ее. — До тех пор, пока находятся такие, которые верят, что наша артель только и делает, что щетки стрижет, мы не пропадем. Ты меня держись.

— Я и так стараюсь.

— И правильно делаешь. Я ведь знаю, ты баба не дура. Пардон-с, но об этом цыц. Стакашки найдутся?

— Но вы меня не отпускаете.

— Разве? — удивился Левкоев. — Хотя стакашки потом. — Он сильнее стиснул Амелину в объятиях и чмокнул ее в щеку.

— Нехороший, — укоризненно заворковала женщина. — Брр, какой нетерпеливый.

— Прений открывать не будем, — усаживая ее на диван, заметил он.

— Но так нельзя, — возмутилась она и мягче добавила: — Пусть хоть ребенок уснет...

С этого вечера Левкоев стал частым гостем в квартире.

Х

Одного взгляда на обстановку комнаты было достаточно, чтобы Нина Алексеевна поняла, в каких условиях находилась Варенька дома.

— Все делаю, чтобы создать настоящий уют, — подчеркивая слово «настоящий», заявила Капитолина Николаевна.

Но золоченый мопс, испуганный олень на коврике и голубые гардины с крупными аппликациями сказали опытной учительнице совсем другое.

Крикливое убранство здесь прикрывало душевную нищету.

— Хорошо бы выделить Вареньке место, — начала она, но Амелина возмущенно перебила:

— Зачем? В ее распоряжении вся комната! Пожалуйста, где нравится, там пусть и занимается. Мне она никак помешать не может.

— Но помешать можете вы, — напомнила учительница.

— Я? — Глаза Капитолины Николаевны округлились, и, выдержав небольшую паузу, она сухо закончила: — Этого не может случиться.

«К сожалению, это уже есть, — мысленно возразила ей Кедрова и решила: — Надо что-то придумать для Вареньки».

— А деньги на завтрак я даю, — прощаясь, не забыла сообщить Амелина.

— Я это заметила, — подтвердила учительница. — Мы с вами точно угадали, девочка в буфете ест весьма охотно.

«Не упустила случая уколоть», — про себя сердито отметила Амелина.

На другой день Нина Алексеевна вызвала в учительскую Вареньку и Люсю Гаврилову.

Люся училась хорошо, в классе считалась лучшей ученицей.

— Ты знаешь, — обратилась к ней учительница, — у Вареньки случилось большое горе, умерла бабушка, и потому она отстала в учебе. Девочка она хорошая, способная. Но сейчас ей нужно немного помочь. Вы дружите много лет. И мне думается, Люся, ты должна поддержать свою подругу в трудное для нее время.

— Если она согласится, — польщенная ответственным поручением, Люся одернула свой чистенький, отлично выглаженный фартук и неуверенно посмотрела на подругу.

— Что скажешь, Варя? — спросила Нина Алексеевна и обняла вспыхнувшую девочку. — Да ты не смущайся. Все ведь знают: беда не легко проходит. Но поддаваться ей негоже, особенно нам, советским людям. А ты ведь пионерка, красный галстук носишь.

Учительница старалась подбодрить девочку, дать ей возможность оправиться, с мыслями собраться.

— А где заниматься будем? — наконец промолвила та нерешительно.

— У тебя, кажется, неудобно? — проверяя сложившееся собственное мнение, осведомилась Нина Алексеевна.

Девочка замялась.

— Не знаю... у нас... одна комната.

— У нас две, — воскликнула Люся, обрадованная тем, что Варенька, видимо, не собиралась отказываться от ее помощи.

— А мама разрешит? — поинтересовалась Нина Алексеевна.

— Ой, — серые глаза девочки потеплели, и она, сжав руки на груди, прошептала: — Она у меня... очень хорошая.

— Знаю, — мягко улыбнулась учительница. — Значит, так и сделаем.

Она тут же позвонила Амелиной и попросила ее разрешить Вареньке посещать Люсю Гаврилову, которая согласилась помочь своей подружке готовить уроки.

Капитолине Николаевне ничего другого не оставалось, как еще раз поблагодарить учительницу за проявленную заботу.

Мать Люси Анастасия Михайловна, худенькая женщина с приветливым лицом, радушно приняла Вареньку. Накормив девочек обедом, она подробно расспросила гостью, кто она, где и с кем живет.

Оказалось, Анастасия Михайловна хорошо знала бабушку Ульяну Гавриловну.

— С ее легкой руки сама ткачихой стала, — тепло сообщила она и, улыбувшись, добавила: — Да и Елизавете Васильевне я очень многим обязана.

После того как со стола была убрана посуда, подружки отправились готовить уроки.

Вареньке очень понравилось у Гавриловых. Всюду чисто, все на месте, будто хозяева к празднику убрались. Во второй комнате, которая была значительно меньше первой, в углу стоял небольшой столик, покрытый светлой, кое-где забрызганной фиолетовыми чернилами клеенкой. Над столиком аккуратная полочка с книгами, под столиком куклы.

— Ой, какие! — радостно всплеснула руками Варенька. На нее словно повеяло чем-то давно забытым, но все еще дорогим, близким. Сразу вспомнилась бабушка, и так ясно, будто она только что рядом шла. Девочка остановилась, грустно улыбнулась и тихо сказала:

— А мои игрушки почти все тетя Лина выбросила.

— Зачем? — удивилась Люся. — Мама говорит, мы будем хранить их всегда. Вот знакомься. — И молодая хозяйка представила своих кукол, не забыв при этом отметить особенности характера каждой. — Только теперь я редко с ними играю, — в заключение призналась она.

Девочки сели за стол, включили настольную лампу.

— Это мне ее папа устроил, — с гордостью сообщила Люся — Правда, хорошая? Он и полочку сделал. Тебе нравится? Он на фабрике работает и все, все может. Про него даже в газетах печатают, и с портретом, и по радио...

— Люся, — донесся из соседней комнаты недовольный голос Анастасии Михайловны, — перестань хвастать. — И пошутила: — На языке типун вскочит.

Хихикнув, девочки склонились над столом и притихли.

— Про нее тоже в газетах печатали, — дыша прямо в ухо Вареньке, едва слышно прошептала Люся. — Она план на сто сорок три и восемь десятых процента выполнила, отстающим бригадам помогала. За это ей грамоту дали. Я тебе потом покажу. И на Доску почета фотографию повесили, в самом центре. Я сама видела. Такая красивая, белый воротничок... А теперь ее секретарем парткома выбрали. Ага, она у меня партийная...

— Людмила, перестань, — уже строже произнесла Анастасия Михайловна.

Подружки переглянулись, заговорщицки улыбнулись друг другу и раскрыли учебники.

Начать решили с самого трудного — с задачи. Когда после настойчивых усилий удалось все же определить, сколько килограммов винограда собрали рабочие совхоза за день и найденный результат сошелся с ответом, помещенным в конце задачника, перешли к русскому языку.

Прошло еще несколько минут, и Варенька свободно декламировала:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...

В соседней комнате, штопая дочкины чулки, Анастасия Михайловна с удовольствием слушала чудесные стихи.

— Как ты хорошо читаешь, — восторженно сказала Люся, когда умолкла подруга. — И очень быстро запомнила. У меня так никогда не получается. Я должна много раз прочитать, чтобы выучить наизусть.

— А я сразу запоминаю, — засмеялась Варенька. — Бывало, бабушка сказку расскажет, и я тут же почти слово в слово ее повторяю.

— Научи меня, — попросила Люся.

— Как? — растерялась Варенька, но быстро нашлась. — Давай вместе.

— Давай.

И девочки принялись читать в два голоса.

Анастасия Михайловна не мешала. Она вошла к ним, когда все уроки были сделаны и ученицы вспомнили, что под столом их ждут куклы.

— Я давно с ними не разговаривала, и они на меня немного сердятся, — обеспокоенно сообщила Люся. — Вот особенно Женья.

Она взяла в руки большую куклу в нарядном платье, но в это время заговорила Анастасия Михайловна:

— Этим вы займетесь в другой раз. Вареньке пора домой, а то тетя Лина начнет беспокоиться.

Девочке не хотелось уходить из теплой, уютной комнаты.

— Нет, тетя Лина никогда обо мне не беспокоится, — поспешила заверить она.

Но Анастасия Михайловна возразила:

— Это тебе только кажется так.

— Ой, да нет же!

— Ну, не будем спорить.

Варенька едва сдержалась, чтобы громким вздохом не выдать своей досады. Помрачнев и немного насупившись, она с явной неохотой начала собирать в портфельчик тетради и книжки.

Прежде чем отпустить гостью, Анастасия Михайловна напоила девочек чаем, накормила вкусными пирогами.

— Сегодня вы их заработали, — шутила она, — усердно занимались.

Затем мать и дочь проводили Вареньку до дому.

— Вы не беспокойтесь, я сама дорогу найду, — уверяла Варенька, тронутая заботой.

Но Анастасия Михайловна осталась непреклонной.

— Одно дело днем, а сейчас время позднее, — твердо заявила она и улыбнулась: — Да и нам с Люсей перед сном неплохо прогуляться. Верно, дочка?

— Конечно, верно, — охотно подтвердила Люся.

Подружки расстались у ворот дома, в котором жила Варенька.

— Завтра опять вместе? — спросила Люся, прощаясь.

— Ну, а как же! — счастливо засмеялась Варенька. — Обязательно.

Через двор она проскакала сперва на одной ноге, потом на другой, не останавливаясь, взбежала по лестнице, завертелась вьюном перед дверью и, подпрыгнув, крутнула звонок.

Дверь открыла мрачная и злая тетя Лина.

— Наконец-то, — закусив папиросу, сердито буркнула она.

Чудесное настроение Вареньки бесследно исчезло.

Потупившись, она неслышно вошла в коридор.

— Ноги!.. Ноги! — брезгливо морщась, завопила Капитолина Николаевна. — Ну что за ребенок!..

Варенька старательно вытерла ботинки о половичок и направилась в комнату следом за своей наставницей.

— До чего дошла. — Тетя Лина, отгоняя рукой от своего лица табачный дым, уставилась тяжелым, прерзательным взглядом на племянницу. — Без посторонней помощи уроков выучить не можешь!

У Вареньки перехватило дыхание.

— Нет, я сама...

— Мне хоть не ври, — оборвала ее Капитолина Николаевна. — Явилась-то ведь откуда? На буксире тянули!

— Мы вместе...

— А сама уже ничего не можешь? — иронически усмехнулась тетка. — Срам какой! Учительница посторонних людей просит: помогите, с целым классом справляюсь, а с этой никак!

Варенька с ужасом слушала свою воспитательницу. Она не думала, что горячо любимая учительница подведет ее под такую неприятность, что совместные занятия с Люсей Гавриловой можно так неверно истолковать.

— Нет! — крикнула она.

— Как это нет? — возмутилась тетка. — Разве это я выдумала, чтоб ты по чужим домам бегала? Из-за тебя что обо мне люди подумают? Скажут, не умеет воспитывать, к другим посылает. А что я могу, если у самих педагогов руки опускаются...

XI

Нина Алексеевна вызвала Вареньку к доске.

— Прочитай «У лукоморья...»

Девочка тяжело поднялась из-за парты.

— Я не знаю. Не выучила.

Класс притих.

И в этой напряженной тишине послышался вначале негромкий шепот:

— Варенька... Варя...

А затем Люся, обращаясь уже к учительнице, громко выкрикнула:

— Она знает. Она очень хорошо знает!

— Молчи ты! — неожиданно огрызнулась на нее Варенька.

Но Люся вскочила со своего места и подбежала к ней.

— Ты ведь вчера читала... Нина Алексеевна, спросите маму, она слыхала...

— Люся Гаврилова, сядь на место, — приказала учительница.

— Ну как же это? — возвращаясь к своей парте, волновалась Люся. — Она все знает. Честное пионерское...

— Ты, Заречная, тоже садись, — внешне совершенно спокойно продолжала Нина Алексеевна. — Мы сейчас вспомним еще одно, уже знакомое нам стихотворение Пушкина. Кто скажет, как оно называется?

Опытная учительница повела урок так, будто ничего

особенного в классе не произошло. Но в первую же перемену она позвонила на фабрику Анастасии Михайловне.

— Не понимаю, что могло случиться, — выслушав рассказ учительницы, удивилась Анастасия Михайловна. — Вчера они были очень дружны. Вместе учили стихотворение. Варенька его хорошо читала. Может, сегодня повздорили!..

— Не похоже.

— Странно, — в раздумье произнесла Анастасия Михайловна и торопливо добавила: — У меня тут небольшое совещание. Оно скоро кончится, и я тотчас приеду в школу.

— Об этом я и хотела вас просить...

Через час Анастасия Михайловна входила в учительскую.

Нина Алексеевна поспешила ей навстречу. Она успела уже поговорить со своими учениками.

— Варенька отказывается от какой бы то ни было помощи, — сообщила учительница. — Она твердит: к урокам буду готовиться одна.

— Почему одна?

— Не говорит.

— А Люся?

— Расстроена. Уверяет, что с Варенькой не ссорилась. Заречная с утра явилась в школу не в духе.

— Значит, что-то произошло дома, — заключила Анастасия Михайловна. — Возможно, тетка запретила ей ходить к нам?

— Я заранее договорилась с ней. И сегодня звонила. К сожалению, прийти она не может, там у них какая-то проверка кассы взаимопомощи. Но Амелина подтвердила, что она ничего не имеет против того, чтобы ее племянница готовилась к урокам вместе с Люсей.

— Чем же она объясняет поведение Вареньки?

— Ее трудным характером.

— Характером? — Анастасия Михайловна задумалась. — Нет, здесь что-то другое.

— Я тоже так думаю, — согласилась Нина Алексеевна. — В беседе Амелина всегда подчеркивает, что чужого ребенка очень трудно воспитывать.

— Если взялась, какая разница — свой или чужой? — пожала плечами Анастасия Михайловна. — За всех мы в ответе. Вы ведь знаете, Люся тоже... неродная мне.

Да, Нина Алексеевна это знала...

...Шел тяжелый 1942 год. Из осажденного врагами Ленинграда — через полыньи на катерах, а дальше по непрерывно обстреливаемой гитлеровцами Ладожской ледовой «трассе жизни» — один за другим следовали эшелоны автомашин с ребятами.

С одним из них покинула родной город и Люся.

Бешено мчится автомашина. Вокруг рвутся снаряды — ближе, дальше. Все грохочет, содрогается. Водяные столбы взмывают вверх и оттуда со страшным шумом рушатся. Лед колетса и дыбитса. Кажется, само небо обрывается.

Девочке страшно. Она жметса к перепуганным подружкам, хочет позвать маму.

Но мамы нет здесь. Она осталась дома, какая-то странная, непохожая, холодная. Она даже не шевельнулась на кровати, где лежала, когда незнакомые тети в серых солдатских шинелях пришли в комнату, чтобы увести с собой ее горько рыдающую дочурку. Ни одного слова не проронила на прощание.

А машина несется дальше. За ней неотступно следуют другие. Начался самый опасный участок дороги. На счету каждый метр, каждая доля секунды.

Но вот и берег. Недалеко лесок. Машины торопятся укрыться в нем. Однако поздно: в воздухе режут фашистские стервятники с хищно изогнутыми крестами на крыльях.

Они строчат из пулеметов, сбрасывают бомбы на колонну грузовиков, в кузовах которых плачут беззащитные, беспомощные малыши.

Сотрясая воздух, грохнул взрыв. Раненная осколком в правую ручонку, Люся свалилась в снег и потеряла сознание.

Очнувшись она в больнице. В палате тихо, бело и чисто, пахнет лекарствами. На стеклах больших, светлых окон наклеены полосы бумаги. Раненая, больная, ослабевшая от длительной голодовки девочка хотела подняться — и не смогла. К ней поспешила сиделка в белом халате.

— Проснулась? Молодец, — ласково улыбнулась она. — Но только ты лежи, вставать тебе нельзя.

Люся обвела беспокойным взглядом комнату, в которой стояло еще несколько кроватей, на них лежали

незнакомые женщины, и уставилась на полуоткрытую дверь.

— Ты чего? — спросила сиделка. — Хочешь кушать?

— Мама, — пробормотала девочка, не отрывая взгляда от двери.

— Мама там нет, она осталась в Ленинграде, — как можно мягче произнесла сиделка.

Люся сердито посмотрела ей в лицо и отвернулась. Так продолжала она лежать и потом, безучастная ко всему, что происходило в палате, не жалуясь на боль, не отвечая на вопросы врача. Голода она уже не ощущала и потому от пищи отказывалась, но пила часто и много. Пользуясь этим, вместо воды ей давали питательные бульоны, но силы ребенка быстро иссякали, девочка будто угасала. Все чаще и чаще она впадала в полубезбытие.

В один из этих решающих для Люси дней, выполняя обязанности депутата городского Совета, в больницу пришла Анастасия Михайловна Гаврилова. Она бывала во многих палатах, зашла и в ту комнату, где лежала Люся.

Увидев Анастасию Михайловну, девочка заволновалась. Округлившиеся, глубоко запавшие глазенки беспокойно заматались. На бледном личике вспыхнули розовато-желтые пятна. Она рванулась, чтобы оторвать голову от подушки, но только слабо застонала.

— Безнадежная, — негромко пояснила сиделка.

— Да, — подтвердила женщина-врач. — Из Ленинграда. К нам ее с поезда доставили, боялись, не довезут до места назначения. Но, к сожалению, и нам ничего не удалось сделать.

Анастасия Михайловна почти не слышала их слов. Она не могла оторвать взгляда от глаз девочки. В них было недоумение, испуг, сомнение и как будто радость, неуверенная, трепетная.

Возбуждение, охватившее ребенка, удивило врача.

— Что с ней? — озабоченно произнесла она и спросила Анастасию Михайловну: — Девочка никогда не видела вас раньше?

— Нет, — тихо ответила она. Но добрым, отзывчивым сердцем женщина уже поняла умирающего ребенка. Она вдруг решительно подошла к кровати и, нагнувшись, шепнула:

— Я твоя мама.

Девочка встрепенулась, обхватила здоровой ручонкой шею Анастасии Михайловны и прижалась к ней хуленьким, будто лишенным веса тельцем.

— Что ж ты так долго не приходила? — заплетающимся от счастья языком слегка укорила она. — Я тебя ждала-ждала. — И, радостная, спрятала свое лицо на груди женщины.

Пришлось Анастасии Михайловне задержаться в палате. Трудно было отказать ребенку в последней для него ласке. На прощание она пообещала:

— Я к тебе скоро приду.

С этого дня, к удивлению врачей, Люся начала быстро выздоравливать. В канун Нового года ее выписали из больницы в детский дом.

Но девочка вдруг заупрячилась:

— Не пойду. Ко мне придет моя мама.

— Когда она придет, мы позовем тебя, — обещали воспитательницы детского дома. — У нас весело. Елка!

Но Люся твердо стояла на своем:

— Нет. Я буду ждать.

— Девочка впечатлительная, опять бы не заболела, — забеспокоились врачи и решили: — Пусть еще день-другой пробудет здесь.

Вечером коридоры опустели. И только у крайнего окна углового коридора виднелась гладко причесанная русая головка маленькой девочки. Сквозь незамерзшее в углах стекло она с неослабевающей надеждой вглядывалась в лицо каждого прохожего. Людей на улице было много, но все они проходили мимо, не останавливаясь.

Люся затосковала.

Дежурная, которой была известна история чудесного выздоровления девочки, позвонила по телефону Анастасии Михайловне на фабрику.

Четверть часа спустя Гаврилова была уже в больнице.

Люся, едва услышала в коридоре ее голос, бросилась навстречу.

— Мама! Мамочка!..

Анастасия Михайловна обняла девочку, поцеловала и прижала к себе.

— Я за тобой, пришла, доченька.

Дома дверь открыл папа. Для Люси это было при-

ятной неожиданностью. Однако еще большим сюрпризом оказалась елка, которую папа успел купить, успел привязать к стулу, но не успел нарядить.

Девочка переступила порог квартиры, посмотрела на папу, на елку, оглянулась на маму и счастливо засмеялась. Наконец-то она опять дома!

Так Люся навсегда вошла в семью Гавриловых...

— Может, мне поговорить с Амелиной? — предложила Анастасия Михайловна.

— Я думаю, это не помешало бы делу, — согласилась Нина Алексеевна. — Когда вы собираетесь пойти?

— Сегодня.

— Очень хорошо. Вареньку я задержу в школе. У меня тут найдутся для нее кое-какие поручения.

— Ну, а я пойду, — поднялась Анастасия Михайловна...

Нежданную посетительницу Капитолина Николаевна встретила с откровенным изумлением.

— Вы, наверное, из родительского совета? — поинтересовалась она.

— Нет, я немного знакома с вашей племянницей, — ответила Анастасия Михайловна.

— И только? — удивилась Амелина.

— Разве этого мало?

— Как бы вам сказать, — начала было с иронией Капитолина Николаевна, но тут же спохватилась: — Конечно, конечно, я понимаю вас.

Анастасия Михайловна коротко изложила причину своего посещения.

— У меня руки опускаются, — страдальчески проговорила Капитолина Николаевна. — Верите? Не знаю, что делать. Ну чего ей еще здесь не хватает? — Она широко повела рукой, как бы приглашая гостью осмотреть пестрое убранство комнаты.

— Может, ей кто-то мешает?

— Кто? Нас только двое.

— Но ведь девочка отлично училась.

— И все теперь думают: в том, что она отстаёт, виновата я.

— Возможно, так и не думают, но какая-то причина должна быть.

— Но у нее такое горе. Она очень любила свою бабушку.

— Да, это, конечно, серьезно, — согласилась Анастасия Михайловна. — Но девочка приходит в школу, не подготовив уроков. А у нее чудесная память, вчера я в этом сама убедилась. Она очень быстро выучила стихотворение. А сегодня вдруг отказалась отвечать.

Капитолина Николаевна сразу перешла от обороны к наступлению.

— Вот видите! — торжествующе воскликнула она. — То же самое и я говорю: может, а не хочет! А все характер. Слова не скажи. Была б она родная, так я как-нибудь нашла бы... как с ней договориться, — она выразительно потрясла в воздухе ладонью с широко растопыренными пальцами, — и никто бы мне слова не сказал. А тут ведь такого наговорят, что потом век не оправдаешься.

— А не написать ли нам матери?

— Пишу! — Чтобы придать своим словам большую убедительность, Капитолина Николаевна плотно прижала ладонь к своей груди. — Очень часто пишу. Но мать там, а дочка здесь.

— Вы можете дать мне адрес?

— Пожалуйста. — Амелина собралась продиктовать то, что от нее требовалось, но потом взяла с этажерки использованный конверт и подала его. — Вот здесь внизу ее обратный адрес.

Провожая гостью, она огорченно вздыхала:

— Очень трудный ребенок. Спасибо, что зашли...

Но, закрыв за Анастасией Михайловной дверь, Амелина раздраженно стиснула зубы:

— Черт знает, что это такое! Все лезут. Соседи, школа, теперь, видите ли... общественности! «Я немного знакома с вашей племянницей», — передразнила она свою недавнюю собеседницу и гневно сжала кулаки: — Какое им всем дело до этой дрянной девчонки?

Она быстро вошла в комнату, остановилась посередине и, грозно подбоченясь, прошипела:

— Ну, пусть она придет, сегодня я с нею поговорю по-своему...

На полное тревоги письмо Анастасии Михайловны, которое она написала в тот же день, когда получила адрес, Екатерина Ивановна не ответила.

Не ответила она и Нине Алексеевне.

Но Аmeliной она написала:

«Пожалуйста, Линнок, очень тебя прошу, сделай все, что нужно, для того, чтобы мне больше не писали доносов. Я очень боюсь, чтобы письма не попали Геннадию Ксенофонтовичу. Он очень мнителен и будет недоволен. Посылаю двести рублей, через пятнадцать дней вышлю еще...»

Прочитав письмо, Капитолина Николаевна довольно усмехнулась:

— Ну что ж, нет худа без добра. Двести рублей тоже деньги...

А Варенька училась все хуже и хуже.

От какой бы то ни было помощи она продолжала категорически отказываться:

— Сама справлюсь...

Перестала разговаривать с Люсей, начала дичиться подруг, из-за пустяка поссорилась с Ниной и ушла от нее на заднюю парту. Девочка замкнулась в себе. Любое проявление сочувствия ее раздражало.

На Капитолину Николаевну не жаловалась.

«Ну что с того, если я скажу? — рассуждала она. — Ну, вызовут ее, поговорят. А потом она будет кричать на меня. Я написала маме. А она ответила: «Слушайся, Варенька, тетю Лину». Ну, а разве я ее не слушаюсь? Просто я не успеваю всего делать. Вот если бы я не училась, тогда тетя Лина, может, была бы мною довольна...»

На очередном сборе пионерской дружины она неожиданно заявила:

— Не хочу учиться!

Вся школа всполошилась:

— Как это можно? Да ты понимаешь, что ты говоришь? Кто в наше время не учится?

Вареньку вызвала к себе директор школы, молодая женщина с голубыми добрыми глазами.

— Что с тобой, милая? — озабоченно спросила она.

— Ничего, — грустно ответила девочка.

— Садись, поговорим.

Варенька села. На вопросы отвечала вяло и неохотно. Но к концу беседы пообещала, что школу она не оставит и постарается подтянуться в учебе...

— Ну вот, пожалуйста. — Капитолина Николаевна скорбногнула крашенные брови. — Теперь, надеюсь, поймут, каких трудов мне стоит воспитывать ее.

В четвертом классе Варенька осталась на второй год.

Лето Варенька провела дома. Утром девочка убирала комнату, затем садилась пороть теткинo платье, которое раньше было подогнуто повыше, а теперь, в связи с изменившейся модой, его следовало удлинить. Потом Варенька ходила в булочную, клеила конверты, чистила картошку, мыла посуду. День проходил в непрерывных хлопотах. Девочка очень уставала, но держалась стойко и никаких признаков недовольства не проявляла.

Но, когда пришла осень и наступило время учебы, она категорически отказалась идти в школу.

Измученная и уже всерьез растерявшаяся Капитолина Николаевна обратилась за помощью к соседке.

— Елизавета Васильевна, голубушка, повлияйте хоть вы. У родителей характерец, но у нее похлеще будет!

— Ну, это вы зря, — возразила Елизавета Васильевна и пошла к Вареньке.

— Страшное дело — воспитывать чужого ребенка, — идя следом, жаловалась Амелина. — Была бы моя, я не знаю что сделала бы с нею. А эту пальцем не тронь. Сразу обвинят: не так воспитываешь, не так относишься, не жалеешь!

Варенька лежала на кровати и плакала.

— Ну успокойся. — Подсев к ней, Елизавета Васильевна положила руку на ее голову. — Перестань.

— Я уже тысячу раз ей говорила это. — Капитолина Николаевна со злостью зажгла спичку и поднесла ее к зажатой в зубах папирoсе. — Уперлась, хоть кол на голове теши. Нет больше моих сил. Брошу все к черту и уеду. Пусть как хотят. Зачем мне нервничать из-за чужого ребенка? В конце концов и у меня есть первы!

Елизавета Васильевна с досадой посмотрела на Амелину, ласково повернула голову Вареньки и заглянула ей в глаза:

— Ты чего бастуешь? Почему не хочешь учиться?

— Я хочу, — еще горше заплакала девочка.

— А в школу идти отказываешься. Как это понять?

— Мне стыдно, — после небольшого колебания призналась Варенька, прижавшись мокрой щекой к шее Елизаветы Васильевны.

— Подумаешь, мимоза нашлась! — возмутилась тетя Лина, но ее оборвала Елизавета Васильевна:

— Ни к чему это. — И мягко обратилась к Вареньке: — Насчет стыда ты это правильно.

Девочка насторожилась, а Елизавета Васильевна продолжала:

— Вот у меня недавно подплетина получилась. Ну, брак такой в нашей работе случается, слыхала, чай, от бабушки-то. Я уж краснела, краснела, а потом сказала: давно, мол, у меня брака не бывало, не будет его и теперь. И как пообещала, так сразу на душе легче стало. Вижу, люди мне верят, потому как знают, что словом своим я зря кидаться не стану.

Прислушиваясь к спокойной, рассудительной речи, Варенька начала понемногу затихать.

— После того случая, — говорила пожилая ткачиха, — я, конечно, к работе стала относиться куда внимательнее. Брака нового не появлялось, а старое забылось. А тут вот совсем на днях помощник мастера приводит ко мне одну красавицу и говорит: «Принимай, Васильевна, ученицу. Опыт у тебя большой, так ты Расскажи ей, как и что нужно». Вот ведь куда повернуло. Ну, я ему, конечно, отвечаю: не одну, мол, выучила, давай и эту.

Варенька вздохнула и, немного откинувшись назад, положила голову на плечо Елизаветы Васильевны, которая будто и не заметила этого.

— Так и у тебя может случиться, — тем же спокойным голосом продолжала она. — Конечно то, что ты на второй год осталась, — плохо. Но если хорошенько приналяжешь, то своих подружек догонишь, а там, может, и перегонишь. А учиться надо, время теперь такое. Я вот старуха — и то при Советской власти грамоту одолела. теперь газеты читаю, книжки разные. Пойдем, я провожу тебя до школы, — предложила она вдруг. — Мне как раз в ту сторону.

— Как бабушка? — встrepенулась девочка.

— Можно и как бабушка, — улыбнулась Елизавета Васильевна.

— Я сейчас. — Девочка соскочила с кровати. — Вы подождите меня.

— Слава богу, — облегченно передохнула Капитолина Николаевна. — Я уже боялась, что нам не удастся сломить ее.

— А ее ломать не надо, — возразила Елизавета Васильевна. — Бывает, ласка кулак пересиливает.

— Я так и знала. — Капитолина Николаевна капризно вздернула подбородок. — Виноватой во всем сделают меня. Что за народ, право? Нет чтобы посочувствовать. Ведь с чужим ребенком вожусь! Нет, обязательно осудят.

— А ты бы не бралась за то, к чему не лежит душа, — резонно заметила ей Елизавета Васильевна.

К школе Варенька и Елизавета Васильевна шли той же дорогой, по которой четыре года назад Ульяна Гавриловна вела свою внучку на первый урок. И как тогда, Варенька остановилась возле старой, покосившейся набок липы.

— Елизавета Васильевна, — заговорила она несмело, — можно, я буду вас называть... бабушкой?

— Называй, если есть охота, — согласилась та.

— Спасибо... бабушка, — тихо прошептала Варенька, но не ушла.

Поняв девочку, Елизавета Васильевна поцеловала ее в лоб.

— Спасибо, бабушка, — счастливо сверкнув глазами, еще раз прошептала Варенька и побежала к крыльцу.

Следя за ней взглядом, Елизавета Васильевна с грустью подумала: «По ласке-то как стосковалась...».

С этого дня между пожилой ткачихой и школьницей завязалась крепкая дружба. К урокам Варенька готовилась в комнате своей новой бабушки. Здесь же она проводила и то время, когда в квартире появлялся Левкоев. Это обстоятельство особенно устраивало Капитолину Николаевну. Едва ее гость появлялся на пороге, она тут же обращалась к своей воспитаннице:

— Варенька, миленькая, побудь у бабушки, пока мы тут поговорим.

— Верно, — поддерживал ее Левкоев, извлекая из карманов бутылки. — Разговор у нас серьезный будет. Ты крой отсюда...

Девочка стала лучше учиться.

Нина Алексеевна вела теперь первый класс, но за своей бывшей ученицей продолжала следить и радовалась ее успехам. Она постаралась поближе узнать Елизавету Васильевну, которая стала подписывать даже Варенькин дневник.

— В прошлом году нам не удалось помочь ей, — сокрушалась учительница, — но в этом году, благодаря вам, все идет благополучно.

— А я вовремя не догадалась, — призналась Елизавета Васильевна. — Вижу, девочка в школу ходит, ну и ладно. Конечно, с теткой ей нелегко, знаю, но так мать распорядилась.

— Я пробовала писать Екатерине Ивановне, но ответа не получила.

— Я тоже ей писала. А толк какой? Она мои письма Капитолине переслала, та надулась на меня, с месяц не разговаривали. Вот и все.

— Это хорошо, что вы девочку приветили.

— Да мне и самой веселее с ней, — призналась Елизавета Васильевна...

Электрическая лампочка под матовым абажуром мягко освещает комнату.

Только изредка заглядывая в книгу, Варенька читает стихи:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

За окном шумит дождь, злится осенний ветер. Елизавета Васильевна прислушивается к ветру, дождю, к Вареньке и в это же время думает о своих сыновьях, в уме перебирает строки их писем. И причин будто нет, а материнское сердце тревожится.

Из коридора вдруг доносится шум.

Елизавета Васильевна встает с дивана и выглядывает за дверь.

Там Капитолина Николаевна провожает пьяного Левкоева.

— Елизавета Васильевна, золотко, мы тихо, — хихикает она.

— Ш-ш! — Левкоев прикладывает палец к губам и, довольный собой, смеется.

Елизавета Васильевна сердито закрывает дверь...

— Бабушка, а правда, что от меня мама отказалась? — спросила как-то Варенька.

— Кто же от родного дитя отказывается? — возразила Елизавета Васильевна. — К тому ж у тебя, кроме матери, отец есть.

— Папа? А где он живет? .

— Вот этого я не знаю.

— Поехать бы к нему, — мечтательно вздохнула девочка и нерешительно спросила: — Ты как думаешь, бабушка, он бы от меня не отказался?

— С чего б это? — Делая удивленное лицо, Елизавета Васильевна дернула правым плечом и для пушней убедительности добавила: — Отец обрадовался бы, увидев тебя.

— Правда? — зарделась Варенька.

В эту ночь ей снился чудесный сон. Она снова была в пионерском лагере и собирали цветы на лужайке, но не для бабушки, как раньше, а для папы. Его Варенька не видела, однако знала, что он где-то совсем рядом. Достаточно было оглянуться, чтобы его увидеть. Но девочка не оглядывалась, этого требовало условие новой, очень интересной игры, которую она придумала с папой.

Когда цветов набралось столько, что Варенька едва могла удержать их в руках, она побежала по мягкой зеленой траве. Ноги оторвались от земли, и Варенька начала парить в воздухе, потом удобно уселась на ветке мощного дуба и засмеялась.

— Это мой папа! — обрадованно закричала она.

Дерево ласково зашумело листьями, а Варенька, вдруг очутившись на качелях, взлетела на облако, которое ее нежно окутало. Девочке очень хорошо.

— Это мой папа! — от избытка нахлынувших чувств громко вскрикнула она, оглянувшись, чтобы увидеть папу, но совсем неожиданно услышала голос тети Лины:

— Кого это черти притащили в такую рань?

Варенька удивленно открыла глаза и увидела Капитолину Николаевну, которая, натягивая на себя халат, шла в коридор, чтобы там открыть кому-то входную дверь. Девочка повернулась к стене, плотно закрыв глаза, натянула на плечо одеяло, но сон не вернулся.

— Получите деньги, — донеслось из коридора.

«Почтальон пришел», — в полудремоте отметила Варенька.

Голос тети Лины сразу подобрел.

— Входите, пожалуйста. Сюда. Здесь еще не все в порядке, извините, но сегодня выходной, и я позволила себе лишний часок вздремнуть.

— Распишитесь вот тут, — уже в комнате заговорил почтальон. — Сумму прописью и дату.

На столе звякнула консервная банка о пустую бутылку. Капитолина Николаевна не успела убрать их после вчерашней встречи с Левковым, и теперь они мешали.

Пока тетя Лина шелестела деньгами, почтальон спросил:

— На нее получаете?

— Да. Племянница. Воспитываю, — поплеывая на кончики пальцев, ответила Капитолина Николаевна.

— От отца, значит, — заключил почтальон.

— Все правильно, спасибо, — сказала Капитолина Николаевна и зашаркала туфлями, провожая его.

Варенька перекатилась на другой бок и, находясь еще под впечатлением только что увиденного сна, с удовольствием подумала:

«Мой папа хороший, он помнит меня, каждый месяц деньги посылает».

Девочка тихо засмеялась. Прищуренные глаза ее скользнули по солнечному лучу, пробившемуся в щель между гардинами и остановились на небольшом прямоугольнике сероватой бумаги. Случайно оброненный или небрежно брошенный, он лежал недалеко от ножки стола.

«Отрезной талон», — сразу догадалась Варенька. Это была маленькая весточка от отца, подтверждающая, что он существует, что он помнит свою дочку.

Варенька вскочила с постели, подняла с пола бумажку и как что-то очень дорогое прижала к учащенно забившемуся сердцу.

В коридоре зашлепали туфли возвращающейся тети Лины.

Не выпуская из рук своей находки, девочка юркнула под одеяло.

Пока Капитолина Николаевна умывалась на кухне, Варенька успела разглядеть отрезной талон денежного почтового перевода, прочитать на нем имя, отчество и фамилию отца, название города, улицы, номер дома и даже номер квартиры, в которой он жил.

Так Варенька узнала папин адрес.

В юной головке сразу созрел дерзновенный план.

В тот же день, воспользовавшись тем, что нужно было сходить в булочную за хлебом, девочка отправилась на станцию.

С любопытством разглядывала она торопливо снующих по вокзалу пассажиров. Особенно суматошно было у двери, ведущей на перрон.

Вместе с другими к выходу спешила женщина, у ко-

торой в правой руке был чемодан, а на левой, засунув большой палец в рот, важно восседал пухлощекий малыш. За женщиной следовало двое ребят постарше: один держался за ее юбку, другой — за чемодан.

— Эдик, не отставай. Рюрик, торопись, — командовала она.

Идущий впереди мужчина вежливо уступил ей дорогу.

— Спасибо. Рюрик, не отставай. Эдик, торопись.

Статный майор бережно и не без гордости нес завернутого в одеяльце ребенка. Но идущая сзади молодая женщина, видимо мать ребенка, волновалась:

— Осторожнее, Леня, пожалуйста, не оступись.

Здесь находились и другие пассажиры, но Вареньке бросилось в глаза то, что ей было ближе к сердцу. Лишенная отцовской и материнской ласки, она всегда со скрытой завистью наблюдала за тем, как относились родители к своим детям.

В ярко освещенном люстрами зале девочка подошла к очереди, выстроившейся перед небольшим окошком кассы.

— Это за билетами? — спросила она стоявшего последним толстяка с зеленым саквояжем.

— За билетами, — охотно отозвался он.

— А сколько стоит билет?

— А тебе куда?

Варенька ответила.

Толстяк наморщил лоб, пожевал губами, тряхнул саквояжем, а потом сказал:

— Вон видишь табличку? Длинная, красная. Там все цены указаны.

Девочка поблагодарила, подошла к застекленной таблице и ужаснулась. Против названия города, в котором жил папа, стояла трехзначная цифра!..

И все же, начиная с этого дня, Варенька терпеливо принялась копить деньги. Больших источников дохода у нее, понятно, не было. Пришлось отказаться от школьных завтраков. Несколько рублей она получила от продажи случайно сохранившихся игрушек. Правда, расставаться с ними было нелегко, их когда-то дарила бабушка, но Варенька решила и на это. Небольшую сумму она выручила от сдачи в утиль железного лома, который собрала во дворе. Все это Варенька проделывала

тайно, а сбережения хранила за подкладкой своего портфельчика. Там они были в полной безопасности, потому что тетя Лина никогда портфель в руки не брала, а в школе в чужие парты никто не лазил. Однако, при всех стараниях нужная сумма не набиралась.

Неожиданно выручила Нина. Девочки теперь учились в разных классах, встречались реже. Но однажды, выйдя из школы, они по старой привычке пошли по улице вместе.

— Ты чего такая бледная? — спросила Нина, обеспокоенно вглядываясь в похудевшее лицо подружки.

Варенька уныло махнула рукой.

— Болееешь? — допытывалась Нина.

— Нет, — качнула головой Варенька. — Я здорова.

— Что же тогда? — не унималась подружка и, глянув по сторонам, понизила голос до шепота: — Тетя Лина?

Варенька повела заострившимися плечами, но ничего не ответила.

Нина обиженно насупилась.

— Не веришь мне? Подругой больше не считаешь?

— Ну что ты! — схватив ее руку, воскликнула Варенька. — Как ты могла подумать такое?

И она рассказала все, что задумала.

— Ну и правильно, — поддержала ее Нина, — давно пора. Чего это ты почти полтора года мучаешься тут? На твоём месте я бы сразу поехала. Папы — они... очень хорошие. Сильные. Мой вот болел, а ты знаешь, как высоко меня поднимал? С папами ничего не страшно.

— И я так думаю, — призналась Варенька. — Но на билет нужны деньги. Я собрала, но мало.

— А сколько не хватает? — поинтересовалась Нина.

Варенька назвала сумму.

— Да, — вздохнула старшая подружка. — Много. — Но, пройдя несколько шагов, она остановилась и не совсем решительно сказала: — Знаешь что? Я попрошу у мамы.

— Как можно! — запротестовала Варенька. Она знала, что в многодетной семье Березиных, в которой работала только мать, лишних денег никогда не бывало.

Но Нина заговорила настойчивее:

— Мама не откажет. Она говорила, ей премиальные причитаются.

— Нет, нет, не надо, — возразила Варенька и пошла вперед.

— Тогда возьми мон, — следуя за ней, предложила Нина.

— Откуда у тебя могут быть деньги? — Варенька недоверчиво покосилась на подругу.

— А я собираю, чтоб в будущем году форменное платье купить.

— Но если отдашь деньги, у тебя не будет платья, — заметила Варенька.

— Ну и что? — Нина пренебрежительно скривила губы. — Можно старое покрасить, подол выпустить, а рукава наставить. Сделаем манжеты пошире, и получится очень красиво...

Доброта подруги тронула Вареньку. Она замедлила шаги, взяла Нину под руку и неуверенно спросила:

— А может, мне не надо ехать?

— Как это не надо? — удивилась Нина. — Ты ж к папе. Обязательно поезжай...

На следующий день Нина принесла свои сбережения. Их оказалось не очень много. Но до нужной суммы теперь не хватало нескольких рублей.

— Ничего, — успокоила подругу Нина. — Теперь вместе собирать будем.

Приближались каникулы, когда Варенька, подсчитав свой капитал, убедилась:

— Хватит!

Она тут же поделилась своей радостью с Ниной.

— Ну, и когда ты решила? — взволнованно спросила та.

— Завтра.

— Правильно. Зачем откладывать?

— Только ты никому ни слова.

— Честное пионерское.

Прощаясь, подруги крепко обнялись...

Утром Елизавета Васильевна уходила на работу. Варенька, вскочив с постели, выбежала в коридор.

— Бабушка, ты на фабрику?

— Денная у меня сегодня, — подтвердила та.

Варенька проводила Елизавету Васильевну до двери и там попросила:

— Поцелуй меня, бабушка.

— Ишь, баловница, — улыбнулась Елизавета Васильевна, поцеловала девочку, но по тому, как та крепко обхватила ее шею, насторожилась: — Ты что?

— Ничего, бабушка, — засмеялась Варенька. — Просто мне хотелось, чтобы ты знала, что я тебя очень люблю, ну... как настоящую, — тихо добавила она.

— Спасибо, внученька. Только ты беги в кровать, и рано еще, да и от двери тянет, простудишься.

В этот день, вместо того чтобы пойти в школу, Варенька поехала на вокзал. Время отправления нужного ей поезда она узнала раньше.

Перед кассой народу толпилось немного. Сообразив, что ей не дотянуться до окошка кассы, Варенька, когда подошла ее очередь, попросила взять билет женщину, которая стояла за ней.

Та неожиданно рассердилась.

— Очень нехорошо, девочка, обременять просьбами старших. Ты уже не маленькая, — выпалила она, однако деньги у Вареньки взяла и купила ей билет.

Варенька почувствовала себя виноватой.

«Конечно, беспокоить никого не следовало, — подумала она. — Просто надо было подняться на носки и самой подать деньги».

Поэтому, когда, приближаясь к вагону, Варенька снова увидела женщину, купившую ей билет, она сочла нужным извиниться перед ней.

— Успокойся, пожалуйста, я ничего дурного тебе не сказала, — в той же резкой манере ответила она и подала билет проводнице: — Вагон, надеюсь, для некурящих?

— Для некурящих, — подтвердила проводница.

— Ну то-то, — с оттенком угрозы сказала женщина и быстро поднялась в вагон.

Следующая очередь была Варенькина, и она протянула свой билет. Однако проводница не стала проверять его.

— Ладно, — улыбнулась она и легонько подтолкнула девочку к лесенке. — Иди, а то от своей строгой мамы отстанешь.

Варенька хотела пояснить, что женщина вовсе не ее мама, но к вагону подошли другие пассажиры, и проводница занялась ими.

ХIII

С портфельчиком в руке Варенька вошла в вагон и, не зная, можно ли ей где-нибудь сесть, нерешительно двинулась по проходу.

— Вы кого ищете, красавица? — обратился к ней добродушный на вид старичок с седой бородкой.

— Я? — слегка растерялась девочка. — Я — никого.

— А разрешите полюбопытствовать, с кем вы путь держите? — Он приподнял на лоб очки в светлой оправе.

— Ни с кем.

— О-о! — удивился старик и кивнул на свободное место рядом с собой: — Тогда прошу оказать честь!

Опасаясь, чтобы никто не опередил, Варенька поспешно села.

— Спасибо.

— Не понимаю родителей, как можно такую девочку отпустить одну? — возмутилась соседка по купе, пожилая, немного грузноватая женщина.

— А почему бы и нет? — Выпячивая узкую грудь, старик задиристо повернулся к ней. — Что у нас — Америка, гангстеры?.. Да она, наверное, и едет недалеко. Угадал? — обратился он к Вареньке.

Девочка утвердительно кивнула головой.

— Как видите, все объясняется просто. — Довольный своей проницательностью, старик мягко улыбнулся соседке.

— Но я бы не пустила, — сухо произнесла она. Давая понять, что не желает дальше вести на эту тему разговор, женщина сложила руки на груди и с недовольным видом отвернулась.

— Мы скоро поедem? — спросила Варенька. Она побаивалась, не появилась бы случайно на вокзале тетя Лина. Не видеть тогда папы!

Старик широким жестом указал на окно, мимо которого медленно пополз перрон.

— Пожалуйста, как в сказке! По твоему хотению, по моему прошению.

— Ой, как интересно! — обрадовалась Варенька.

— А ты что, первый раз в поезде? — удивился старик.

— Нет, я ездила, но тогда была совсем маленькой, — не отрывая взгляда от уплывающего вокзала, ответила девочка.

— Ну вот вам, — не выдержала спутница. — Разве так заботливые родители поступают?

Старик, видимо, не привык менять своего мнения.

— И ничего особенного я в этом не вижу, — возразил

он, но уже без прежней уверенности. — Теперь дети быстро самостоятельными становятся. Вот у меня внук в детский садик ходит. Знаете, какие конструкции создает? Мы в семье диву даемся. А у нас четыре инженера! Один лауреат! Ты знаешь, где тебе сходить? — спросил он Вареньку.

— Знаю.

— Вот и все, что требуется. — Он пересел на другую скамью, ближе к своей собеседнице. — Можно с уверенностью сказать, что у нас в дороге всегда найдутся люди, которые по собственной инициативе присмотрят за любым ребенком, не позволят ему сделать то, что не надо или опасно. Таков у нас склад характера. Мы не зря называемся советскими.

И хотя соседка не возражала, он еще долго говорил о детях, которых бережно и с любовью растит страна.

— Да я не о том, — наконец прервала его женщина. — То, что ее отпустили в дорогу одну, считаю, — не порядок. И вы зря спорите. Есть у нас еще такие, кто к детям относится плохо.

— А я и не спорю. В семье, как говорят, не без уroda.

Варенька под села к окну. Мимо проносились густой стеной выстроившиеся деревья. На земле лежал глубокий снег, и на его фоне стволы лесных великанов казались черными. Осанистые ели словно дремали, накинув на плечи пушистые белые шубы, а оголенные березки, закоченев от покачивающего их холодного ветра, тянулись ветками друг к другу.

Постепенно веки отяжелели, опустились, и девочка не заметила, как задремала под мерный стук колес. Проснулась она оттого, что кто-то тряс ее за плечо.

— Ты где сходишь? Не проспай, — улыбнулся ей старик. Он, очевидно, собираясь выходить, был уже в пальто, в шапке и без очков.

— Нет, я не просплю, мне на юг, — ответила Варенька.

— На какой юг?

— Вот. — Девочка показала свой билет.

Старик подслеповато прищурился на него и конфузливо покосился в сторону, где раньше сидела пожилая спутница. Теперь это место занимал молодой человек в коричневом костюме.

— Но ты мне говорила, что тебе недалеко, — озабо-

ченно произнес старик и остановил проходившую мимо проводницу. — Здесь девочка одна едет.

— Она не одна. Иди к маме, она на двадцать шестом месте. — Проводница подмигнула Вареньке, как старой знакомой, и пошла дальше.

— Так ты вот какая шутница, — с напускной строгостью упрекнул старик девочку. — А мы тут из-за тебя чуть не поссорились!

— А там не моя мама, — откровенно призналась она.

— Ну, шалишь, второй раз не обманешь, — весело засмеялся он и потряс Варенькину руку. — До свидания. Счастливого тебе пути, озорница.

Он взял с полки чемодан и пошел к выходу.

Паровоз засвистел и уменьшил бег. Колеса часто и глухо застучали на стрелках.

Когда поезд снова тронулся, присутствие Вареньки в вагоне никого не удивляло. Одни слышали, что ее мама занимает двадцать шестое место, а другие, вошедшие позднее, считали ее дочкой кого-то из пассажиров.

То, что девочка едет одна, выяснилось только на конечной остановке.

— Ты чего от мамы отстала? — удивилась проводница. — Влетит тебе за это.

— Она не моя мама, — поняв, о ком идет речь, ответила девочка.

— Как не твоя? Вы же вместе сиделись...

— Вместе. Только она не моя мама.

— Интересно.

— Она брала мне билет, — пояснила Варенька и, разжав кулак, показала аккуратный прямоугольник из серого картона. — Вот он.

Проводница прочла название станции, четко отпечатанное на билете, и слегка присвистнула.

— Ой, так тебе, оказывается, еще ехать и ехать!

— На юг, — не без гордости подтвердила Варенька.

— Пересадку сумеешь сделать?

— Пересадку? — стараясь вникнуть в смысл непонятого слова, произнесла Варенька и передернула плечами: — Не знаю.

— А ты почему одна? Где мама?

— Нет мамы.

— А папа?

— Я к нему еду.

— С кем же ты жила?

— С тетей Линой.

— Что же мне с тобой делать? — озабоченно вздохнула проводница. — Ах, как нехорошо получилось. Не посмотрела твой билет раньше, можно было бы пассажиров попросить. А ведь такие были, в ту сторону ехали. Товарищ сержант! — вдруг окликнула она проходившего мимо милиционера.

Он подошел и козырнул.

— Слушаю вас.

— Девочка к отцу едет, пересадка у нее здесь. Как бы не заплуталась.

— Ясно. — Сержант сдвинул назад кобуру и улыбнулся Вареньке: — Где ваши вещи, товарищ пассажир?

— Вот. — Варенька показала свой портфельчик с книгами.

— Немного. Ну, если это все, пойдем, — сказал он и снова козырнул проводнице: — Не беспокойтесь, доставим в полной сохранности.

Для старшего лейтенанта Степана Васильевича Мохового достаточно было пяти минут, чтобы разобраться во всех Варенькиных делах. Сидя за столом, он, к большому ее удивлению, разговаривал так, словно абсолютно все знал.

— Так, значит, — говорил он, — вместо того чтобы идти в школу, ты купила билет и поехала?

— Ага, — подтвердила девочка.

— Надо было предупредить тетю Лину о своем отъезде. Она беспокоиться будет.

— Нет, — горячо заверила Варенька. — А бабушке я написала и записку под дверь подсунула.

— Это какая же бабушка?

— Елизавета Васильевна. Мы с ней договорились, что она моей бабушкой будет. Я у нее уроки готовила и спала часто.

— Тетя Лина отпускала?

— Да.

— А на юг, значит, к папе?

— К папе.

— А может, тебе в море покупаться захотелось, дельфинов посмотреть?

— Я их на картинке видела, они мне не понравились.

— А как ты папу там найдешь?

— А у меня адрес есть. — Варенька достала из портфельчика отрезной талон и не без колебания отдала его Моховому.

Что это был за денежный перевод, Степан Васильевич сразу догадался. Он посмотрел на сумму, указанную на талоне, и окинул взглядом девочку.

«Да, — мысленно прикинул он, — за такие деньги можно было бы одеть тебя, как говорится, с иголочки».

На Вареньке было старое, короткое пальтишко с обтрепанными рукавами, побитая молюю синяя бархатная шапочка, поношенные черные ботинки и желтые чулки. Дыра на одном из них была тщательно заштопана белой ниткой, покрашенной потом фиолетовым карандашом.

— Чулки сама ремонтировала? — спросил Степан Васильевич. Но дожидаясь ответа, сочувственно качнул головой и потер на макушке свои русые, подстриженные бобриком волосы.

Варенька конфузливо потупилась.

Ласковые, внимательные глаза Мохового остановились на ее не по возрасту широких, огрубевших ладонях.

— Ты говоришь, тетя Лина машинисткой работает?

— Машинисткой.

«Ну, тут, кажется, все ясно. У одной маникюр, значит, другой — всю грязь вымывать», — подумал он и спросил:

— Ну, а на дорогу почему ты себе покушать ничего не припасла? Денег ведь у тебя нет?

— А мне ничего не надо. Я терпеливая.

У Мохового заскребло на сердце.

«По всему видно, не зря ты сбежала», — мелькнула горькая мысль.

— А я вот терпеть не научился, — улыбнулся он, достал из стола небольшой сверток, развернул его и положил перед Варенькой бутерброд с колбасой: — Может, поделимся?

Варенька голодно посмотрела на еду.

— Вы думаете, я не вытерплю?

— А я ничего не думаю, — усаживая Вареньку рядом с собой на стул, сказал Степан Васильевич. — Просто мне тут одному многовато. Если ты поможешь, как раз хорошо будет. Товарищ Самойлов, — обратился он к сержанту, — налейте нам, пожалуйста, стаканчик чаю.

Неожиданно распахнулась дверь. В сопровождении

милиционера в комнату шумно вошли нагруженные чемоданами и сумками мужчина и женщина.

— Это безобразие! Я буду жаловаться. Министру напишу! — возмущалась женщина.

— Пиши! Куда душа желает, пиши! — с небольшим грузинским акцентом возбужденно отвечал мужчина.

— Спокойно, граждане, — призвал их к порядку милиционер и доложил: — Товарищ старший лейтенант, в очереди возле кассы расскандалились.

Задержанные одновременно рванулись вперед. Обоим хотелось поскорее высказаться. Но старший лейтенант остановил их. Он хорошо знал, что людям иногда нужно дать небольшую передышку, чтобы они могли прийти в себя и в запальчивости не наговорить лишнего.

— Минутку. — Он взял у сержанта стакан с чаем и поставил его перед Варенькой. — Пей.

— Документы, — понизив голос, потребовал милиционер.

— Нет документов, — огрызнулся мужчина.

— Какой дурак берет в дорогу документы, — воскликнула женщина. — Их украдут, а потом сто рублей плати.

Моховой будто ничего не слышал.

— Девочка без папы и мамы растет, — как бы извиняясь, пояснил он.

— Сиротка, — сразу смягчилась женщина.

— Да нет, видимо... родители характерами не сошлись.

— Если такой характер! — Усмехнувшись, мужчина покосился на свою противницу.

— У вас золотой, — парировала она и обратилась к Вареньке: — А почему ты без сахара пьешь?

— Из дому не захватил. Не думал, что у меня сегодня будет такая гостья, — пояснил Моховой.

— У меня найдется. Подержите. — Женщина неожиданно отдала сумку своему изумленному противнику, нашла в авоське сахар и положила его перед Варенькой — Пей, детка. Дома меня двое таких дожидаются. А тут по милициям пришлось расхаживать.

— К отцу едет, — невозмутимо произнес Моховой и показал билет. — На юг.

— Так нам по дороге, — взглянув на билет, воскликнул мужчина.

— И мне туда же, — вставила женщина.

— Так я и говорю, нам по дороге. Мы можем при-
смотреть. — Мужчина быстро достал из кармана пас-
порт. — Пожалуйста. Абахидзе Константин Ираклиевич.

— О, и документ нашелся, — улыбнулся Моховой.

Абахидзе вскинул руку с широко разведенными
пальцами.

— Такой случай, товарищ старший лейтенант.

Он участливо повел черными глазами в сторону при-
горюнившейся Вареньки.

— А я правду говорю, не взяла документы, — сокру-
шалась женщина. — Но вот конверты, тут написано.
Я — Вера Михайловна Буданова.

— Не надо волноваться, товарищ Вера Михайлов-
на, — улыбнулся вдруг ей Абахидзе. — Одного паспорта
на этот случай хватит.

Степан Васильевич Моховой даже бровью не повел.
Хорошо он знал людей.

«Ну что ж, — думал он, пусть девочка едет к отцу.
Может, так-то к лучшему для нее повернется».

XIV

Южный город с ярким солнцем и густыми зарослями
удивительных растений произвел на Вареньку ошелом-
ляющее впечатление. Она сидела рядом с шофером так-
си, быстро несущегося по асфальту широкого проспекта,
и вертела во все стороны головой. Все было ново, инте-
ресно, необычно. Запах бензина, которым тянуло от мо-
тора, не мог забить аромата ранних цветов. Пахло мо-
рем.

Сзади в машине помещались Константин Ираклие-
вич и Вера Михайловна. Забыв о прежних распрях, оба,
влюбленные в свой город, наперебой давали пояснения.

— Нравится? — указав на прозрачную струю высоко
бьющего фонтана, спросил Абахидзе.

— Очень! — захлопала в ладоши Варенька. — У нас
холодно, снег, а здесь, будто лето, пальмы. А кусты!
Смотрите, они совсем как кубики. Это настоящие?

— Здесь фальшивых не бывает. — Щелкнув языком,
Абахидзе крутнул растопыренными пальцами над своим
ухом.

— А вот школа. — Вера Михайловна указала в окно
налево.

— Институт! — Константин Ираклиевич ткнул большим пальцем вправо.

— Дом отдыха, — проехав немного дальше, заметила она.

— Санаторий! — почти тотчас сообщил он.

— Спортплощадка.

— За угол повернешь, три квартала пройдешь — стадион!..

Такси остановилось возле подъезда большого многоквартирного дома.

— Подожди нас, пожалуйста, — выходя первым на тротуар, попросил шофера Абахидзе.

За ним из машины вышли Варенька и Вера Михайловна.

— Ты, помнится, говорила — четырнадцатая квартира? — спросила она девочку.

— Да, — подтвердила Варенька.

Втроем они поднялись по широкой лестнице на просторную площадку, покрытую крупной метлахской плиткой, и остановились перед дверью, к которой была прикреплена небольшая эмалевая табличка с голубенькой цифрой «14».

— Ну, вот она. — Вера Михайловна заботливо поправила на Вареньке платье, откинула спустившиеся на лоб волосы, взяла ее пальто и, чтобы подбодрить девочку, улыбнулась. Заметно волновался и Абахидзе.

— Ну как, можно? — понизив голос до шепота, спросил он и, когда Буданова, выпрямившись, вздохнула, нажал кнопку электрического звонка. — Все будет хорошо, Варенька, вот увидишь.

Дверь открыла молодая, очень миловидная женщина с немного загорелым лицом.

— Товарищ Заречный Александр Константинович здесь живет? — спросил Абахидзе.

— Здесь, — подтвердила женщина. — Входите, — отступая от порога, пригласила она и, оглянувшись, позвала: — Шура, к тебе.

Абахидзе и Буданова переглянулись, но с места не двинулись.

— Здравствуйте. — В дверях появился одетый в пижаму большой, широкоплечий мужчина с небрежно зачесанными назад светлыми вьющимися волосами. — Извините за мой наряд. Чем могу служить?

— Мы привезли вашу дочку, — кладя руку на плечо Вареньки, сказала Вера Михайловна.

Холеное лицо Заречного вытянулось от изумления. В сильном замешательстве он удивленно посмотрел на Вареньку, которая, затаив дыхание, не моргая, глядела ему в глаза.

— Варя, — едва выдавил он.

Девочка не ответила. Совсем не такой представлялась ей первая встреча с отцом.

— Благодарю вас, — будто очнувшись, растерянно поклонился он Вере Михайловне и оглянулся на жену, словно хотел узнать у нее, что ему следует дальше делать. — Входи, — наконец сказал он дочке и, спохватившись, натянуто улыбнулся ее спутникам: — Пожалуйста, прошу.

— Домой торопимся, — отказалась Вера Михайловна. Она отдала Заречному Варенькино пальто и подвела ее к двери: — Ну, будь счастлива, девочка.

Варенька нерешительно переступила порог отцовского дома.

— Привет, — попрощался Абахидзе.

— Всего хорошего, — поклонился Заречный, для приличия подождал, пока нежданные посетители спустятся с первой лестницы, и закрыл дверь.

— Принял, — усаживаясь на свое место в машине, облегченно перевела дух Вера Михайловна.

Повесив Варенькино пальто на вешалку в передней, Александр Константинович ввел дочку в большую, со вкусом обставленную комнату.

— Как же ты нашла меня? — прежде всего поинтересовался он.

Девочка достала из портфельчика отрезной талон и застенчиво показала его.

— Ясно. А дома знают, куда ты уехала?

Варенька виновато опустила голову.

— Тоже ясно, — улыбнулся он.

Присев на край кресла, Александр Константинович взял дочку за руки и с ласковым любопытством посмотрел на нее.

— Выросла как! Боже, совсем большая! Варька, моя Варька! — Он вдруг громко засмеялся, порывисто обнял дочку и поцеловал ее. — Что скажешь, Танюша? — обратился он к жене.

Очевидно, еще не зная, как отнестись к непредвиденному приезду Вареньки, Татьяна Дмитриевна довольно сдержанно, если не сказать холодно, смотрела на мужа и его дочь. Однако простота, непосредственность и, пожалуй, больше всего, беззащитность хрупкой, будто проовечивающей насквозь, девочки тронули ее. И не злая по натуре женщина неуверенно улыбнулась.

Неожиданно в комнату вбежали сыновья. Увидев в объятиях отца незнакомую девочку, они оба изумленно остановились. На добром лице матери сразу появилась тень беспокойства.

А отец вел себя уже так, словно ничего особенного не случилось.

— А, братья-разбойники! — увидев сыновей, зарокотал он своим зычным голосом. — Идите-ка сюда. Знакомьтесь. Это — Коля и Вова. А это... ваша сестра Варенька!

Мальчики с недоумением поглядели друг на друга, на девочку, затем на мать. Они никогда не слышали, что у них где-то есть сестра.

Чтобы разрядить обстановку и хоть немного ослабить общее возбуждение от внезапного появления Вареньки в доме, Татьяна Дмитриевна быстро подошла к ней и взяла за руку.

— Прежде всего с дороги ей нужно помыться, — заявила она и увела с собой девочку.

Таким образом, отцу была предоставлена возможность, не торопясь, объяснить сыновьям, откуда вдруг появилась у них сестра и почему она к ним прехала.

Александру Константиновичу пришлось мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы, не задев острых углов весьма щекотливого вопроса, удовлетворить любопытство сыновей.

А в это время Варенька с удовольствием мылась в ванне. Татьяна Дмитриевна заботливо помогала ей и командовала:

— Еще раз намыль голову. Потри хорошенько колени. Полощи волосы лучше. — И, не выдержав, засучила рукава: — Ну-ка, давай я смою.

Когда купанье закончилось, она принесла свой новый халат, в котором, очень довольная, но еще не смело улыбающаяся Варенька снова появилась перед отцом и братьями.

Они уже завтракали.

— Ты опоздаешь, Шура, — сказала мужу Татьяна Дмитриевна и приказала сыновьям: — Ребята, скорее, пора в школу.

Мальчики энергичнее задвигали челюстями.

— Мне к десяти, — пояснил Александр Константинович и обратился к старшему сыну: — Коля, переседай дальше. — Когда тот передвинулся на соседний стул, освободившееся рядом с собой место он предложил Вареньке: — Садись, дочка.

Татьяна Дмитриевна слегка нахмурилась и, будто защищая сына, нежно прикрыла его голову ладонями, но ничего не сказала.

Девочка села на стул и, наконец почувствовав себя по-настоящему дома, негромко заемялась.

Насупившись, мальчики украдкой наблюдали за сестрой, перед которой мама поставила тарелку с пухлыми сосисками.

— В каком классе учишься? — осведомился отец.

— В... в четвертом, — смутившись, ответила дочка.

— А Колька в третьем, — ломая ледок отчуждения, заявил вдруг Вова.

— Не Колька, а Коля, — поправила мать.

— А я так и говорю, что он в третьем, — схитрил сын.

— И очень хорошо, вместе в школу будете ходить, — решил отец.

— А по арифметике умножение многозначных чисел проходила? — строго спросил Коля.

— Разговаривать будете после завтрака, — прервала беседу мать, в душе довольная тем, что ребята заговорили между собой. — Сейчас кушайте. Вова, ты как вилку держишь?

Позавтракав, Александр Константинович первым поднялся из-за стола. За ним хотела встать и Варенька, но он удержал ее на стуле.

— Ты кушай.

В прихожей Татьяна Дмитриевна подошла к мужу и будто вскользь спросила:

— Она к нам надолго?

Заречный удивленно посмотрел на жену.

— Куда ж ей?

— Ну да, конечно, — неопределенно произнесла она и поторопила: — Иди. Опоздаешь.

Он улыбнулся.

— Мне ведь к десяти. До работы я хочу заглянуть к Леониду Петровичу. Что-то у него здоровье пошаливает.

Оставшись за столом одни, дети быстро познакомились. Вначале они отвернулись в разные стороны, затем, поглядев друга на друга, хихикнули раз, второй, и это послужило достаточным основанием для сближения. Когда мать, проводив Александра Константиновича, возвратилась, братья уже показывали Вареньке свою комнату.

— Здесь мы спим, — пояснил Вова.

— И уроки делаем, — добавил Коля.

Варенька с изумлением подошла к стене, возле которой на разостланный ковер было навалено множество игрушек. Столько их девочка видела лишь в детском саду. Став на колени, она подняла слона, тронула пальцем зеленого крокодила.

— А у тебя самосвал есть? — спросил Вова.

— Нет, — ответила Варенька.

— Возьми мой, — предложил мальчик.

Неожиданно подпрыгнула механическая лягушка.

Девочка испуганно вскрикнула, под дружный смех братьев отпрянула назад, но тут же, поняв, что страх ее напрасен, весело расхохоталась.

— Коля, Вова, в школу, — напомнила мама.

— Успеем, — недовольно поморщились братья.

Сегодня им особенно не хотелось уходить из дому.

Для Вареньки началось удивительное время. Несколько дней подряд она ходила с Татьяной Дмитриевной по магазинам. Невысокого роста, в меру полная, белокурая, внимательная и заботливая женщина сразу расположила к себе сердце девочки. Варенька была почти влюблена в нее и, после того как подсказал отец, охотно стала называть ее мамой Таней.

Новая мама не жалела денег на покупку Вареньке платьев, белья, обуви. Летнее пальто из красивой светло-оливковой ткани заказали в ателье. Старый, потрепанный портфель для книг был заменен новым, причем точно таким, какие имелись у братьев. Вообще Татьяна Дмитриевна старалась относиться ко всем детям одинаково, но порой казалось, что она отдает Вареньке предпочтение. Это обстоятельство особенно радовало отца.

Спала Варенька на диване в небольшой комнате с балконом, которую все в доме называли папиным кабинетом. Ночью, когда оставляли форточку открытой, сюда явственно доносился шум моря. Прислушиваясь к нему, девочка думала, что было бы очень хорошо, если бы сюда вдруг приехала бабушка Елизавета Васильевна. О тете Лине она почти не вспоминала.

Вареньку определили в одну школу с братьями. Ее поездка почти не отразилась на учебе, во всяком случае новая ученица в знаниях не отставала от своих одноклассников.

В свободное от занятий время Варенька помогала маме Тане по хозяйству. Поручались ей работы легкие и небольшие. Покончив с домашними делами, они обе садились за пяльцы. Татьяна Дмитриевна чудесно вышивала шелком и старательно передавала это умение своей новой дочке, с которой постепенно завязывалась хорошая дружба.

В выходные дни вся семья отправлялась в кино или в театр.

Большое впечатление на Вареньку произвел цирк, в котором она никогда раньше не бывала. Страшно волнуясь, чуть дыша, смотрела она, как под самым куполом на трапециях кувыркались воздушные гимнасты. Один из них, сильно раскачавшись, вдруг оторвался от перекладины. Варенька громко вскрикнула, но уже в следующее мгновение засмеялась. Гимнаст успел ловко ухватиться за руки, вовремя протянутые его партнером.

Скоро темноволосую, кареглазую, скромную девочку заметили соседи по дому. Она была со всеми одинаково приветлива, со старшими всегда здоровалась, внимательно относилась к малышам. Заплачет какой-нибудь, она тотчас к нему, быстро найдет нужные слова, успокоит.

— Хорошая девочка, — единодушно решили соседи.

— Я очень довольна ею, — откровенно признавалась Татьяна Дмитриевна. — В нашей квартире появилась вторая хозяйка.

— Ну как же, давно известно, дочка — мамина помощница, — было общим мнением.

И все же стряслась беда над Варенькой. И началось это с небольшого.

Окруженная заботой, Варенька быстро окрепла, посвежела, похорошела.

— Красавица дочка растет, — любясь ею, восхищался отец и однажды добавил: — Вся в мать!

Сорвалось нечаянное слово.

Александр Константинович моментально понял, какую неосторожность он допустил. Вспыхнув весь, метнул взгляд в сторону, где у окна сидела за вышивкой жена. Она, видимо, это почувствовала и, нагнув голову ниже к пальцам, отвернулась к свету. Варенька тоже глянула на нее, потом на отца и, неслышно ступая по ковру, направилась в соседнюю комнату, где что-то мастерили братья.

Чтобы как-то нарушить ставшее вдруг нестерпимым молчание, Александр Константинович шумно поднялся с дивана, на котором сидел. Подбоченьясь, прошелся несколько раз по комнате, насвистывая бравурный марш, но это не ослабило напряженности. Тогда он заговорил о своем проекте постройки детского санатория на берегу Черного моря. В семье эта тема была излюбленной. Даже самый маленький, Вова, который только в этом году начал посещать школу, и тот проявлял к ней интерес. Правда, его занимали главным образом некоторые частности планируемого огромного сооружения: будет ли мраморная лестница спускаться до самого моря, не оборвется ли трос фуникулера.

Заречный говорил громко, убедительно, вдохновенно, но фразы будто падали в пустоту, не вызывая никаких отзвуков. Словно он один находился в комнате. Растерявшись под конец, Александр Константинович умолк и, немного помедлив, подошел к жене.

— Танюша, я не то хотел сказать.

Она не спеша подняла совершенно спокойное лицо. Голубые глаза смотрели немного удивленно.

— Ты о чем?

— Да вот я тут... ну, насчет Варенькиной матери...

Александр Константинович легко разгадал незамысловатое лукавство жены. Ей было обидно, но показать это она не хотела.

— А-а, — словно только теперь поняв, о чем шел разговор, сдержанно улыбнулась она и с жертвенной по-

корностью продолжала: — Ведь давно известно, первая любовь самая сильная, она никогда не забывается.

Так на нечаянно оброненное слово оскробленная женщина ответила ударом. Ну, а затем все точно под горку покатилося, чем дальше, тем быстрее. События будто нанизывались одно на другое, готовя неотвратимую развязку.

Вечером в детской комнате за столом сидели Коля и Варенька. Несколько поодаль от них Вова усердно выписывал буквы.

— Ну как ты не поймешь? — обращаясь к брату, досадовала Варенька. — Ну, смотри, чтобы умножить на трехзначное число, нужно вначале умножить на единицы, потом на десятки, а потом на сотни. Ты так и делай.

— Как тут у вас, разбойники? — открыв дверь, спросил отец.

— Учимся, — старательно занимаясь своим делом, ответил Вова.

— А вы? — Отец подошел к старшим. — Двести четырнадцать на триста двадцать восемь, — заглянув в тетрадь, усмехнулся он. — Что, не получается?

Сын, закусив кончик карандаша, усиленно засопел. Полный, медлительный, очень покладистый мальчик не отличался большой сообразительностью. Учеба давалась ему с трудом. И хотя он старался подтянуться, дневник пестрел двойками.

— Ну-ну, дочка, учи его, дурака, — сказал отец и направился к двери.

Находясь в соседней комнате, Татьяна Дмитриевна услышала слова мужа. Чуть не заплакав от обиды, она схватила со стола чашку и быстро направилась в кухню.

Закрывая дверь в детскую, Александр Константинович успел заметить что-то неладное в поведении жены. На какое-то мгновение он, даже оторопев немного, задумался, но затем, решив, что это ему так показалось, спокойно последовал за ней.

Татьяна Дмитриевна стояла возле открытого холодильника и наливала молоко из кувшина в чашку.

— Присмотрел я сегодня в магазине велосипед Варюхе, — останавливаясь у кухонного стола, сообщил Александр Константинович.

— Конечно, теперь все для нее, — с подчеркнутой сдержанностью отозвалась жена.

Он развел руками.

— Ты что, Танюша?

— Ты просил холодного молока, — она протянула ему чашку как бы давая этим понять, что не желает продолжать начатый разговор.

— Спасибо. Но, прости, я не понимаю тебя.

— Ах, вот уже как? — иронически усмехнулась она. — Ну, что делать, если я и мои сыновья идиоты.

— Таня, — подступил к ней муж, но она уклонилась от его рук.

— Бывало, мы понимали друг друга с полуслова, — сказала она с горечью и быстро ушла.

Александр Константинович посмотрел ей вслед, вздохнул и поставил чашку на стол. Молока уже не хотелось.

Два дня спустя Варенька подбежала на улице к отцу.

— Ты откуда? — удивился он.

— Из Дворца пионеров, — ответила она. — Мы там концерт готовим.

— А я и не знал, что ты артистка, — пошутил отец.

— Я буду читать стихотворение.

— Послушаем, — улыбнулся он и предложил: — Зайдем на минутку в управление, а потом вместе отправимся домой.

В высоком и длинном коридоре, освещенном электрическими лампочками под белыми матовыми абажурами, отец сказал, чтобы Варенька подождала его, а сам поднялся по лестнице на второй этаж.

Девочка уселась на скамью, но, заметив наискосок от себя полуоткрытую дверь, осторожно подошла к ней. В это время дверь распахнулась, и в коридор вышел худощавый мужчина с желтоватым болезненным лицом.

— По делу или баловаться пришла? — заметив Вареньку, с нарочитой строгостью спросил он.

— Я с папой, — застыдилась она.

— А как тебя зовут?

— Варенька Заречная.

— Ах, Александра Константиновича дочурка! — приветливо воскликнул он. — Так вот ты какая!

Варенька стыдливо опустила голову и, чтобы скрыть свое смущение, сказала:

— А я вас знаю.

— Ошибаешься, мы не встречались.

— Ну и что? — немного осмелев, улыбнулась она. — Вы Леонид Петрович Логовской, — и тут же пояснила: — У нас есть фотография, вы там с папой на чертеж смотрите.

— Верно, было такое дело.

Леонид Петрович знал, что у Заречного от первого брака имелась дочь, и никогда не сомневался, что отец, аккуратно посылающий деньги на содержание девочки, позаботился также и о ее благополучии, сделал все, чтобы она получила надлежащее воспитание. Увидев теперь Вареньку чисто вымытой, недурно одетой, он тепло подумал о своем друге.

— Пала мне говорил, вы вместе работаете, — сказала Варенька.

— С твоим отцом мы не один пуд соли съели, — пошутил Леонид Петрович.

— Ой, как много, — засмеялась она. — И пить вам не захотелось?

— Ну, это так говорится, когда хотят сказать, что знают друг друга давно и очень хорошо, — улыбнулся он и взял Вареньку за руку: — Пойдем, я покажу тебе нашу чертежную мастерскую.

Они вошли в большой светлый зал, в котором в два ряда выстроились специальные станки с чертежными машинами.

— Нравится?

— Очень.

— Здесь начинается рождение замечательных домов, которые строят советские люди, чтобы таким курносым девочкам, как ты, счастливо жилось на свете.

Эти слова Леонида Петровича Варенька хорошо запомнила и за ужином повторила их, даже сохранив несколько приподнятый тон, каким они были произнесены старым архитектором. Получилось это очень удачно, и отец довольно засмеялся.

— А сыновья даже и не знают, на какой улице управление помещается, — обиженно сказала Татьяна Дмитриевна и, встав из-за стола, вышла из комнаты.

Отец прижал к себе дочку и озабоченно вздохнул. Он полностью отдавал себе отчет, к чему все это клонилось.

А события развивались.

В пятый класс Варенька перешла с похвальным лис-

том, а Коля, как назло, остался в третьем на второй год.

Огорченная мать отхлестала сына по щекам, чего раньше никогда себе не позволяла. Потом сама долго плакала, и Александру Константиновичу с трудом удалось ее успокоить.

Вареньку мама Таня поздравила только на второй день, причем торопливо и сдержанно:

— Молодец, Варя. Хвалю.

Но когда девочка тут же подошла, чтобы помочь ей после завтрака убрать со стола, она холодно отстранила ее:

— Не надо, я сама.

Вскоре девочка попросила объяснить, как вышивается узор, который она нашла в журнале. Обычно Татьяна Дмитриевна охотно делилась своими знаниями. Но тут коротко оборвала:

— Не знаю, думай сама.

Давно они уже не сидели, склонив головы над вышивкой, рядом у окна. Александр Константинович постоянно старался вновь сблизить их, но его попытки были безуспешны, случалось даже, что они вызвали серьезную размолвку с женой.

— Что ж мне ее на руках носить прикажешь? — раздраженно отвечала она на осторожные замечания мужа. — Я уж не знаю, как мне с ней держаться. Раньше ты не делал мне подобных упреков, а теперь все не так.

— Ты напрасно злишься.

— А я не злюсь. Просто с некоторых пор у меня открылись глаза. Я ведь не маленькая, меня трудно обмануть.

— Но тебя никто не собирается обманывать.

— Верно. Однако это случается и помимо желания.

Татьяна Дмитриевна ревновала мужа к прошлому, в котором никто не властен что-то изменить.

Воспользовавшись необходимостью еще раз осмотреть место, где намечалось строительство детского санатория, Александр Константинович предложил поехать туда всей семьей.

Предложение его было охотно принято.

Братья немедленно и рьяно занялись удочками, кукавами, сачками. Во дворе накопили червей для наживы и поместили их в железную банку из-под консервов. Споря, какую взять посуду под рыбу, дважды подра-

лись, но помирились, вспомнив про самое большое в квартире эмалированное ведро.

Татьяна Дмитриевна и Варенька опять дружно хлопотали на кухне над ватрушками, кулебяками и пирогами. Ехали на один день, а готовились—будто на неделю.

— На свежем воздухе всегда аппетит усиливается, — объяснила Татьяна Дмитриевна и с напускным беспокойством добавляла: — А у нас трое мужчин!

Радуюсь тому, что жена и дочка снова поладили, Александр Константинович для себя припас бутылочку красного вина, а «дамам и остальным мужчинам» — по бутылке лимонада.

День для поездки выдался чудесный.

В голубом, бездонно-прозрачном небе, только кое-где подернутом разорванной кисеей легких перистых облачков, окрашенных в едва уловимый розоватый цвет, раскинув крылья, скользила чайка. Просторно ей в небе. И она то стремительно неслась вперед, то плавно взмывала вверх, чтобы оттуда, высмотрев добычу, вдруг камнем упасть вниз.

Вдоль высокого обрыва, местами расщепленного распадаками, широкой золотистой лентой тянулся песчаный берег. Знойное солнце щедро заливало его своими палящими лучами. С легким шумом плескались манящие прохладой небольшие волны. С берега море казалось выпуклым; чуть подернутое сизоватой дымкой, оно сливалось вдаль с небом.

Быстро закончив свою работу, Александр Константинович присоединился к сыновьям, ловившим рыбу. Размахнувшись удилищем, он ловко закинул крючок далеко в море.

Татьяна Дмитриевна, накрыв голову мужниной рубашкой, сидела на камне, удобно вытянув ноги, и читала книгу.

Варенька охраняла улов.

Александр Константинович одну за другой быстро поймал четыре рыбешки.

— Принимай в компанию, Варвара! — весело смеялся он. — Всем в одной ухе кипеть!

Пару ротастых бычков поймал Вова.

— Ой какие безобразные! — Девочка с состраданием глядела на судорожно трепетавших рыб, однако дотронуться до них руками опасалась.

Зато Вова храбро снял с крючков свою добычу и с напускной небрежностью швырнул в ведро, наполненное морской водой.

Вильнув хвостами, рыбешки опустились на эмалированное дно.

Как всегда, не везло Коле. Он дергал лесу в одну, в другую сторону, но она не поддавалась.

— Что у тебя? — спросил отец.

— Крючки зацепились, — недовольно ответил сын.

Прежде чем Александр Константинович успел что-то посоветовать, вскочила Варенька.

— Я сейчас.

Она быстро сбросила с себя сарафанчик и, схватившись за лесу, решительно кинулась в воду.

Вова с восхищением следил за легко плывущей сестрой.

— Брассом кроет, — видимо подражая кому-то, авторитетно заявил он.

Отплыв недалеко, Варенька нырнула, спустя немного времени снова появилась на поверхности воды и, отдуваясь, крикнула:

— Коля, тащи!

— Эх ты, — начал было Вова трунить над братом, но отец прикрикнул на него и тревожно покосился в сторону жены.

Ее уже не было на камне. Опустив голову, она медленно удалялась.

Хорошо начавшаяся прогулка была непоправимо испорчена.

Поздно вечером в спальне, мягко освещенной ночником под голубым абажуром, между супругами произошло, ставшее наконец неизбежным, объяснение.

Татьяна Дмитриевна, запахнув халат, сидела на краю кровати, привалившись плечом к ее спинке. Александр Константинович курил у открытого окна.

— Я понимаю, — нарушая затянувшееся молчание, заговорила жена, — девочка ни в чем не виновата. Но я не могу к ней привыкнуть, хотя, как ты знаешь, я старалась это сделать. Она для меня больше, чем чужая.

— Она моя дочь, — напомнил он.

— В этом-то и горе! — вырвалось у нее.

— Но она неплохая девочка.

— А я ее не хаю, — ответила она и вдруг иронически добавила: — Наши сыновья, конечно, хуже.

— Для меня они все одинаковы.

— Я это вижу, — ревниво вспыхнула жена. — А для меня нет. Слышишь? Нет! Нет!

Она едва сдержала себя, чтобы не разрыдаться.

Рассердившись, Заречный повернулся, чтобы сказать что-то очень резкое, но вовремя спохватился.

— Когда она приехала, — заговорил он тихо, — на нее было страшно смотреть. Теперь девочку не узнать.

— Но почему я должна ее воспитывать? — упрямилась Татьяна Дмитриевна. — У нее жива мать.

Мать!.. О ней до сих пор не говорили, хотя все время помнили. Она будто незримо присутствовала при размолвке супругов, не давая им примириться.

Заречный подошел к жене и обнял ее за плечи.

— Танюша, ты ведь добрая, да и ребята привыкли к ней.

— Не уговаривай, Александр. Я наперед знаю все то, что ты сейчас скажешь, но я не могу, — заплакала она.

По всему было видно, что она действительно не в состоянии перебороть то чувство, которое ее терзало.

Она сама отлично понимала, что случилось самое страшное в ее положении. Она ревновала своего мужа к его первой жене, и поводом к этому послужила Варенька. Порой ей казалось, что он ласков с дочкой только потому, что она похожа на свою мать. Те же волосы, глаза, губы, нос... Татьяна Дмитриевна в первые недели знакомства с Заречным мельком видела у него фотографию, на которой он был снят с женой и дочкой, и еще тогда подумала: «Какая красивая женщина!»

«Что, если он в душе раскаивается в том, что разошелся с ней? — мучилась теперь она. — Конечно, он не скажет. Но что у него на сердце?» — И, уже вкладывая иной смысл в слова, она сквозь слезы продолжала твердить:

— Я не могу! Я не могу!

После этого вечера супруги несколько дней не разговаривали. Александр Константинович крепился и упорствовал. Всегда энергичный и рассудительный, он не находил нужного решения. Ему казалось: без жертв не обойтись, причем представлялся только один возможный

выход — Варенька должна уехать! И, чтобы в дом вернулся покой, Заречный уступил.

Разговор с дочкой состоялся в тот самый день, когда она принесла домой грамоту, которой ее наградили за успешное выступление в летнем концерте детской художественной самодеятельности.

Александр Константинович начал беседу осторожно, исподволь, но, как только дошел до главного, Варенька сразу категорически заявила:

— Я никуда не поеду. Мне здесь хорошо. Я не хочу обратно к тете Лине.

— Ты можешь поехать к маме, — продолжал отец.

— И к маме не хочу.

— Но это нехорошо, она может обидеться.

— И пусть. Я не поеду к ней. Я не поеду, — зарыдала девочка.

Но ехать все же пришлось.

Спустя неделю Александр Константинович нашел знакомого, который направлялся в командировку в тот город, где жила Екатерина Ивановна, и попросил его присмотреть в дороге за Варенькой.

XVI

Неожиданно прибывшую Вареньку Екатерина Ивановна встретила со слезами радости на глазах.

— Доченька дорогая моя, приехала, — обнимая, прошептала она.

За последние годы Екатерина Ивановна похудела, подурнела, на лице появились морщины, под глазами мешки, как у людей, которым приходится часто плакать.

— Большая какая выросла, совсем не узнать, — любясь дочкой, восторгалась она. — И нарядная...

— Это все мне папа купил, — похвалилась Варенька и указала на два больших чемодана: — У меня есть еще платья, и пальто, и ботинки. Папа у нас очень хороший. Правда, мамочка?

— Мы давно с ним не виделись, — уклонилась от ответа мать и прислушалась к звукам рояля, которые доносились из соседней комнаты.

— А почему вы давно не виделись?

— Когда вырастешь, сама узнаешь.

— Ему не хотелось, чтобы я уезжала, но он сказал:

ты обидишься, если я не приеду к тебе. — Александру Константиновичу удалось убедить в этом дочь. — У меня есть его карточка. Хочешь, покажу? — спросила она и, не дожидаясь ответа, достала из кармана фотокарточку.

Екатерина Ивановна, прикусив нижнюю губу, с грустью посмотрела на фотографию и тут же вернула ее дочке.

— Спрячь подальше, — приказала она и снова покосилась на дверь, из-за которой доносилась нестройная музыка. — Здесь у тебя другой отец.

— Я это только тебе показала, чтобы ты знала, какой у нас есть хороший папа, — понимающе кивнула головой девочка.

Мать вздохнула и усадила дочку в кресло, обтянутое бордовым плюшем.

— Посиди минутку здесь, только, пожалуйста, не шуми.

— Хорошо, — охотно согласилась дочка.

Геннадий Ксенофонтович, бледный худощавый мужчина с гладко выбритым подбородком и очень редкими, но аккуратно расчесанными светло-русыми волосами, производил неприятное впечатление сухого, замкнутого человека. Сидя за роялем, он нажимал клавиши пальцами левой руки, а правой записывал ноты на лист бумаги.

Когда за его спиной осторожно приоткрылась дверь и на пороге остановилась Екатерина Ивановна, он не оглянулся.

— Сколько раз просить, чтобы меня не беспокоили, когда я работаю, — совершенно ровным и бесстрастным голосом произнес он, продолжая записывать ноты.

— Знаю, — делая небольшой шаг вперед, виновато проговорила Екатерина Ивановна, — но там... Варенька приехала.

— Варенька? Что-то не помню. Кто такая? Из филармонии?

— Моя дочь, — несмело и еще тише пояснила Екатерина Ивановна.

Ни один мускул не дрогнул на холодном лице Геннадия Ксенофонтовича. Он спокойно отложил карандаш, проиграл несколько тактов и, собираясь опять что-то записать, безразлично сказал:

— Ну что ж, пусть погостит немного.

Радостная улыбка озарила лицо Екатерины Ивановны, и она облегченно перевела дыхание.

— Все? — спросил он.

— Да, — попятилась она к двери.

— Только предупреди, чтобы она не шумела, — добавил он и углубился в свою работу.

Екатерина Ивановна вернулась к дочке сияющая.

— Папа Геннадий Ксенофонтович разрешил тебе остаться.

— А разве он мог не разрешить?

— Не говори, пожалуйста, глупостей. И запомни: он композитор, ему нужна тишина. Не вздумай петь.

— А я не пою, я читаю. Мне даже грамоту во Дворце пионеров дали.

Мать увела дочку в кухню.

— Обедать будешь здесь, — объявила она. — Я и кровать-раскладушку тут тебе поставлю. Сюда папа Геннадий Ксенофонтович не заходит.

— Он очень сердитый? Ты его боишься?

— Ну, конечно, нет. Просто он много работает, устает, нервничает, — попыталась успокоить дочку мать, но в этот момент из комнаты донесся негромкий, однако властный голос Геннадия Ксенофонтовича: «Катя!» Она на бегу сорвала с себя передник, который только что надела, и выбежала за дверь, едва успев сказать Вареньке: — Побудь здесь, не выходи.

Боясь шевельнуться, девочка сидела на табуретке и украдкой водила глазами, осматривая кухню.

В прихожей слышались неторопливые шаги. Геннадий Ксенофонтович сказал: «Меня не жди, я поздно». Затем скрипнула входная дверь и щелкнул замок.

Подстрекаемая любопытством, Варенька на носках подкралась к окну и осторожно из-за занавески глянула во двор. По мокрому от недавнего дождя тротуару, старательно обходя лужи, неторопливо удалялся невысокого роста, узкоплечий, немного сутулящийся мужчина в синем осеннем пальто и зеленой велюровой шляпе. Неказистый вид его вызвал у Вареньки чувство пренебрежения.

«И его боится мама, — удивилась девочка и, представив мощную фигуру отца с его большой красивой головой, подумала: «Его она, наверное, боялась еще больше».

Проводив мужа, Екатерина Ивановна вернулась оживленная и повеселевшая.

— Папа Геннадий Ксенофонтович ушел и возвратится поздно ночью, когда мы будем спать, — громко сообщила она и засмеялась: — Теперь мы одни в квартире!

Мать и дочь вошли в комнату, где стояла мягкая мебель, обтянутая бордовым плюшем, и раздвинули тяжелые шторы на окнах. В комнате сразу посветлело и будто прибавилось воздуха.

Девочка посмотрела на оконные стекла, на которых вздрагивали от ветра не успевшие высохнуть дождевые капельки, и немного загрустила.

— Здесь на дворе пасмурно и сыро, а там, у папы, солнце и тепло, — вздохнула она...

И опять началась для Вареньки новая жизнь. Правда, здесь не было так весело, как у папы, но все же лучше, чем у тети Лины. Рядом находилась мама.

К своему месту на кухне девочка быстро привыкла, научилась говорить с матерью шепотом, понимать ее со взгляда. С этой необходимостью Варенька легко смирилась, но ее беспокоили вечные страхи, как бы не попасть на глаза Геннадию Ксенофонтовичу. Выручало то, что он большую часть суток проводил в театре, а когда бывал дома, работал в своей комнате и никогда не заглядывал на кухню, где девочка в эти часы отсиживалась. Возможно, он и сам избегал встречи с падчерицей, во всяком случае даже вида не подавал, что помнит о ее присутствии в квартире.

В большом жилом доме трудно укрыться от пытливых глаз соседей.

Скоро в центре двора, где под кособоким старым тополем стояла широкая зеленая скамья, на которой всезнающие пенсионеры любили в ясные дни коротать свой досуг, повелись разговоры:

— И чего Катерина держится за своего плешивого композитора? — поправляя на плечах клетчатый плед, возмущалась пожилая, рыхловатая женщина в желтой вязаной шапочке. — Да приведись на мой характер, — она грозно уперлась кулаками в полные бока, — я бы ему в момент показала, как со мной не считаться. Или я хозяйка, или вон из дому!

— Так то ж ты, Андриановна, — добродушно усмехнулся седоусый старик, несмотря на теплую погоду, обу-

тый в высокие серые валенки. — На тебя как на каменную гору положиться можно.

— А разве не правда? — вызывающе подняла она голову. — Рано овдовела, но одна шестерых выкормила.

— И я то ж говорю, — разводя пальцами концы длинных усов, согласно закивал старик. — Ты нашей, рабочей кости человек. Надежный. Самостоятельный.

— Так ведь и Катеринина мать не принцессой была, — заметила Андриановна.

— А принцессу воспитала, — продолжал старик, с трудом передвигая ноги, еще в молодости простуженные на торфяных работах. — С виду красивая, а для повседневных трудностей очень даже хлипкая. Сама ищет, на кого бы опереться. Вот попался ей этот лысый, она к нему. И, заметь, оторваться боится, чтоб, значит, без опоры не остаться. Потому как на свои руки-ноги полной надежды не имеет. Бывают, брат, такие. С детства родители к труду не приставят, вот и мается человек всю жизнь, находясь от другого в совершенной зависимости. Тут уж ни воли, ни доли, а про человеческую гордость и не спрашивай. Одно, можно сказать, унижение остается, потому как, значит, не на собственном иждивении находится, а из чужих рук хлебушек кушает.

— Но хотя бы о девчонке толком подумала, — продолжала возмущаться Андриановна.

— Это точно, — согласился старик. — Только куда ж ей, если ни права, ни голоса. А я так понимаю, у каждого человека нет на свете долга большего, чем правильно воспитать свое дитя. Тут никакие жертвы не дороги. Ежели жизнь того потребует, кусок сердца своего не жалей, а нужно будет, и все отдай.

Разговоры не проходили бесследно. Так уж повелось: за хорошее соседи, может, громко и не похвалят, но плохого никому не простят.

Екатерина Ивановна начала замечать, что знакомые ей женщины, встречаясь, разговаривали с ней не так приветливо, как прежде.

А прямая и честная Андриановна, остановив на пороге в магазин, сердито сказала:

— Дочку в обиду не давай.

— Как можно! — поспешила заверить Екатерина Ивановна, но пожилая женщина строго глянула в глаза, и она, смутившись, умолкла.

«Легко им рассуждать, — вздыхала про себя Екатерина Ивановна. — У одних пенсия, у других зарплата. Не начинать же мне все сначала!»

Ей казалось, что жизнь уже прожита и не было смысла пытаться что-то в ней изменить.

Геннадий Ксенофонтович ежедневно сердился.

— Черт знает что такое! Соседи отворачиваются, не здороваются. С чего бы это? — И догадывался: — Наверное, из-за этой противной девчонки... Однако нельзя же требовать от меня, чтобы я всех любил, а тем более — превращал свой дом в богадельню...

Варенька отлично помнила, что ей разрешено только погостить у матери. Однако Екатерине Ивановне, которой несладко жилось в доме, не хотелось расставаться с дочкой. Когда подошло время, она определила ее в школу. И теперь они обе жили в постоянной тревоге, как бы Геннадий Ксенофонтович не потребовал, чтобы девочка уехала.

Старательно хорила Варенька от отчима, и все же они встретились, да еще при самых неблагоприятных для обоих обстоятельствах.

Случилось это в начале зимы.

В комнате Геннадия Ксенофонтовича собрались актеры местного театра музыкальной комедии Гаспаров, Сорокин, и Грибовская — молодящаяся блондинка с бледно-розовым лицом и черными бровями, которую все в театре называли Мусей.

Сидя за роялем на круглом винтовом табурете, композитор исполнял свое произведение.

Актеры, расположившись в креслах, слушали и курили.

— Очень мило, очень. И кажется, во вкусе нашего главрежа, — растягивая слова, заговорила Грибовская. Она решительно подошла к роялю и, положив руку на плечо Геннадия Ксенофонтовича, небрежно взяла с пюпитра ноты. — Ну-ка, еще разок попробуем. Гаспарчик, подключись.

Гаспаров неохотно поднялся, подошел и стал за ее спиной так, чтобы видеть ноты.

— Прошу, маэстро, — улыбнулась она.

— Начинаете с затакта, — предупредил композитор и нажал клавиши.

— Ну как, Сорока? — спросила Грибовская после конца дуэта.

— Гром аплодисментов, — вяло ответил Сорокин. — Публика будет визжать и плакать.

— Я серьезно.

— А разве я шучу?

— Нет, с тобой нельзя говорить, — капризно надуплась она и вздрогнула, услышав стук чего-то упавшего за дверь: — Ай! Что там?

Геннадий Ксенофонтович недовольно поморщился и поднялся из-за роаяля.

А в соседней комнате, со страхом косясь на плотно закрытую дверь, Варенька, ползая на коленях, торопливо собирала разбросанные по полу книги. Вчера она оставила их здесь, сегодня зашла за ними, взяла и, случайно запнувшись за край ковра, упала. Ей бы вскочить и убежать, а она, растерявшись, принялась подбирать книги.

Дверь вдруг распахнулась, и в комнату вошел отчим.

С книгами в руках Варенька испуганно села на пол.

— Ах, это ты, — с досадой пробормотал он.

Не спуская глаз с его бледного, почти безбрового лица с тонкими губами и серыми глазами, она утвердительно кивнула головой.

— Не шуми, пожалуйста, — сказал он и хотел еще что-то добавить, но в комнате появилась Грибовская.

— Ах какой восхитительный ребенок! — воскликнула она. — Друзья, Гаспарчик, Сорока, пожалуйста сюда. Я покажу вам чудо! Как тебя зовут?

Девочка несмело назвала себя.

— Варенька? Ну что за прелесть! Вы не находите? — обратилась Грибовская к вошедшим в комнату артистам.

— Наша ведьма что-то надумала, — отлично зная ее характер, тихо шепнул Гаспаров своему коллеге.

— Мягко стелет, сейчас кусать начнет, — уверенно отозвался тот.

Взволнованная Екатерина Иванова быстро вошла в комнату, сразу поняла, что здесь произошло, и подбежала к Вареньке, все еще сидящей на полу.

— Ты чего здесь?

— Екатерина Ивановна, дорогая, не уводите от нас свою дочь, — умоляюще сложила руки Грибовская. —

Дайте нам полюбоваться вашим сокровищем. Девочка изумительно похожа на отца.

Гаспаров и Сорокин переглянулись, будто говоря друг другу: — «Вот оно!»

Между темноволосой, смуглой от сохранившегося еще южного загара Варенькой и белобрысым, светлокожим Геннадием Ксенофонтовичем не было никакого сходства.

— Зачем это? — удивился Гаспаров.

— Давние счеты, — тихо пояснил Сорокин.

В театре многие знали, что лет десять назад Муся рассчитывала выйти замуж за Геннадия Ксенофонтовича. Но тому вдруг приглянулась Екатерина Ивановна, на которой он и женился.

— Глядите, — продолжала актриса, — профиль, глаза, волосы точь-в-точь, как у тебя, Геннадий. Я, конечно, имею в виду не цвет. А уши!

— Варенька похожа на меня, — отлично поняв соперницу, сухо прервала ее Екатерина Ивановна.

— Ну, это бесспорно, — охотно подтвердила она. — То есть как две капли воды. Но что-то должно быть и от отца... — Прищулив левый глаз, она насмешливо посмотрела на смущенно переминавшегося композитора.

Сорокин и Гаспаров опять переглянулись.

— Вот ведьма!

— Здорово грызет...

— Геннадий Ксенофонтович — неродной отец Вареньки, — так же сухо произнесла Екатерина Ивановна. — И вы это отлично знаете.

— Первый раз слышу. — Приложив руки к груди, актриса широко открыла глаза и вдруг засмеялась: — Ах, понимаю. Это, значит, вроде похмелья в чужом пиру.

— Простите, я тороплюсь. — Не выдержав издевки над несчастной матерью, Гаспаров поклонился хозяевам и торопливо пошел к двери.

За ним последовал Сорокин.

Грибовская немного задержалась.

— Я уверена, мне бы легко удалось склонить Гаспарова на нашу сторону, — глядясь в зеркальце, сказала она своему раздосадованному приятелю. — Ты обратил внимание, как он пел? А с его мнением считается не только Федор Федорович, но и Кирилл Захарович. Тут было бы все решено. Но, к сожалению, нам помешали. Привет!

Она кинула зеркальце в сумку, громко шелкнула замочком и, широко улыбнувшись Екатерине Ивановне, поспешила к выходу.

Проводив ее до двери, Геннадий Ксенофонович вернулся и приказал Вареньке уйти на кухню.

Оставшись наедине с женой, он сказал:

— Я нахожу, что визит твоей дочки слишком затянулся.

— Ей пекуда ехать, — твердо заявила она, решив не уступать.

Не привыкнув слышать возражения от жены, он удивленно посмотрел на нее.

— Это меня совершенно не касается, — спокойно произнес он. Как часто бывает со слабохарактерными людьми, безвольный на стороне, он проявлял излишнюю твердость дома. — У нее есть отец, пусть он думает над этим.

— Но я мать.

— Твое прошлое меня тоже не касается.

— Куда же ей деваться?

— Не знаю.

— Это бессердечно.

— Почему? Мой дом не приют. Для меня она чужая.

— Но мне родная.

— И очень жаль. Не будь ее, сегодня меня бы не оскорбили.

— От Мусси можно ждать любой гадости.

— Допустим. Но сегодня она решила поглумиться надо мной, а завтра найдется кто-нибудь другой. Твое прошлое — моя ахиллесова пята.

— Какое прошлое? Что я, украдала, или убила?

— Нет. Просто ты была женой другого.

— Ты это знал.

— Верно. Однако в дом я брал тебя, а не твою дочь. Поэтому лучше, если она здесь не задержится.

— Но девочка учится. Если ее сейчас взять из школы, неизбежно возникнут толки, — используя одну из слабых сторон характера мужа, припугнула она.

Геннадий Ксенофонович нерешительно помял бледно-желтую мочку уха.

— Хорошо, подождем до конца учебного года, — согласился он и ушел в свою комнату. Скоро оттуда доносились нестройные звуки рояля.

Екатерина Ивановна бросилась на диван, зарылась

лицом в бархатную подушку и горько заплакала. Пойти на полный разрыв с мужем Екатерина Ивановна опасалась. «Куда пойду? Что буду делать? Я ничего не умею», — с отчаянием думала она. И хотя в доме ей отводилась незавидная роль, которая постоянно унижала и оскорбляла ее, она не решалась протестовать, чтобы не дать повода к ссоре. Оступившись однажды, она теперь проявляла излишнюю и вредную осторожность.

Когда учебный год закончился, Геннадий Ксенофонтович повторил свое требование.

Подавленная и беспомощная, Екатерина Ивановна не нашла в себе воли, чтобы возразить ему.

Андреиановне она солгала:

— Дочку в деревню отправляю, знакомые на лето пригласили...

И опять Вареньке пришлось собираться в дорогу.

— Мама, ты отправь меня обратно к папе, — несмело попросила она.

Мать отрицательно покачала головой.

— Нет, дочка, ты там... лишняя.

«А здесь я тоже лишняя?» — хотела спросить Варенька, но промолчала.

Все было ясно.

Открытой оставалась одна дорога — к тете Лине.

Но ведь и там ее не ждали...

XVII

Печальная, душевно опустошенная, переступила Варенька порог своей старой квартиры. За два года, которые она отсутствовала, здесь почти ничего не изменилось. Все стояло на своих прежних местах, только немного выцвел абажур, полиняли аппликации на гардинах и позеленел мопс. Над кроватью по-прежнему таращился испуганный олень, но выглядел он сейчас постаревшим, грязновато-желтым, с рыжими подпалинами.

— Что? — насмешливо встретила ее Амелина. — Лучше, чем у меня, нигде не нашлось?

Племянница промолчала. Она заранее знала, что ее появлению тетя Лина не обрадуется, и внутренне к этому готовилась. Спокойно поставив чемодан на пол, она повесила пальто в углу, одернула платье, повернулась, чтобы ответить тетке, и неожиданно для самой себя за-

плакала. Крепилась, когда с матерью прощалась, дорогу всю не плакала, а тут вдруг не выдержала. Очень уж больно было на сердце.

— Ну, чего ревешь? — Капитолина Николаевна слегка ткнула девочку пальцем. — Это не тебе, а мне нужно слезы лить. Твои милые родители опять мне тебя подкинули.

Говорила она пренебрежительно, с иронией, но в душе была довольна. Возвращение племянницы было как нельзя кстати. Прежде всего это означало, что от Заречного снова начнут ежемесячно поступать деньги. А в них Капитолина Николаевна ощущала недостаток, особенно после того, как год назад за жульничество был посажен в тюрьму Левкоев. К тому же долгое отсутствие Вареньки вызвало в домоуправлении неприятные толки: дескать, гражданка Амелина незаконно занимает жилплощадь. С каждым месяцем объясняться становилось труднее. Теперь все решалось благополучно: явилась сама ответственная квартиросъемщица, которая могла пускать себе на квартиру того, кого считала нужным. Это обстоятельство для Капитолины Николаевны было особенно важным. Она наконец выходила замуж, но прописать мужа в квартире, на которую сама прав не имела, представлялось ей делом довольно трудным.

С решения этого вопроса она и начала, как только Варенька немного успокоилась.

— Куда ж тебя деть, если отовсюду выгнали, — с напускным неудовольствием говорила тетка. — Так и быть, живи. Но только я замуж выхожу. Тебе придется смириться с тем, что здесь поселится мой муж.

— Хорошо, — согласилась девочка.

— Только ты об этом пока никому не говори.

— Ладно.

Узнав о возвращении Вареньки, на другой день к ней примчались школьные подружки. За два года они подросли, окрепли, недавно вернулись из пионерских лагерей, бронзовые от загара, веселые. От них будто еще пахло свежим ветром и хвоей. Прибежала и Люся Гаврилова. Она первая крепко обняла и расцеловала Вареньку.

Не пришла Нина Березина.

— Она в деревне, — пояснила Люся. — Вся семья переехала. Там живут родственники отца, они помогают,

А мать в колхозе работает. Но Нина собирается вернуться в город и поступить на фабрику. Она ведь старше нас, ей скоро шестнадцать. Жить будет в общежитии, учиться — в школе рабочей молодежи. Сможет помогать семье.

— А почему ей не учиться в деревне? — поинтересовалась Варенька.

— Там, кажется, неполная средняя школа. Ну, а потом, ты ведь знаешь, она всегда мечтала о техникуме.

Девочки разговорились. Впечатлениями и новостями делились одновременно, перебивая и перекрикивая друг друга.

— Я записалась в кружок кройки и шитья...

— Зимой откроется еще один каток...

— У нас в школе будут кролики...

— Мы помогали колхозу...

Чтобы никого не обидеть, Варенька старалась слушать всех и потому поворачивала голову то вправо, то влево. Наконец все было сказано. Девочки успокоились, притихли. Наступила Варенькина очередь.

— Ой, девочки, — всплеснула она руками, — какие там пальмы! Высокие, высокие, и прямо на улице. Идешь по тротуару, а рядом пальмы. И зимой и летом. Там почти всегда тепло. Солнце. А море всегда шумит. Ляжешь спать и слушаешь, слушаешь...

— И ты уехала? — удивилась Люся.

Варенька сразу сникла.

— Я к маме, — тихо пояснила она и умолкла.

Замолчали и подружки. Всем стало как-то не по себе, словно они нечаянно коснулись больного места.

— Ко дню рождения мама подарила мне бусы, — неожиданно заявила одна из девочек.

Она сказала первое, что пришло на ум, только бы прервать несносное молчание. Но ее искренние и простые слова прозвучали так некстати, что всем стало неловко. И чтобы скрыть общее замешательство, все вдруг заговорили. Речь заходила обо всем, только не о родителях, хотя это не всегда легко удавалось.

Варенька понимала, что девочки не хотели ее обидеть, наоборот, увлеченные крепким чувством бескорыстной дружбы, они стремились если не помочь, то хоть не причинить боли.

Но от этого Вареньке становилось еще горше. Ей хотелось вскочить и крикнуть:

— Нет, вы не правы, мои папа и мама хорошие. Они любят меня!..

Но Варенька не поднималась и, плотно сомкнув губы, молчала. Она заранее знала, что ей не поверят. Да она и сама уже во многом сомневалась. Ведь не случайно пришлось вернуться к тете Лине. Всюду лишняя!.. А потому лучше молчать, всегда молчать...

В трудных условиях формировался Варенькин характер. Девочка уходила в себя, замыкалась, становилась недоверчивой и раздражительной. И только с Елизаветой Васильевной продолжала оставаться непосредственной и откровенной.

— И у папы было хорошо, и у мамы, — вспоминала она свою неудачную поездку к родителям. — Я бы от них никогда не уехала.

— Еще не один раз навестишь, — успокаивала ее бабушка. — Годик-другой пройдет, и опять поедешь.

— Нет, — грустно вздыхала девочка, — не нужна я там. Лишняя.

— Полно пустое-то молоть, — сердилась Елизавета Васильевна, но сразу переводила разговор на другую тему...

Капитолина Николаевна явно торопилась, чтобы не упустить жениха. После небольших сборов и приготовлений была отпразднована не пышная, но веселая свадьба, на которую собралось немало гостей.

— Горько! — сипловато кричал охмелевший управдом.

Не обращая на него внимания, пары танцевали вальс, кто кружился, а кто, едва поднимая ноги, топтался на месте.

Жених, Савва Христофорович Адикитопуло, черноволосый мужчина лет сорока трех, танцевал с невестой.

— Церковный брак меня не устраивает по религиозным мотивам, а гражданский — по чисто моральным соображениям, — в сотый раз пояснял он, не сводя с ее взволнованного лица своих немного выпученных, масляно поблескивающих глаз. — Короче, вначале мне нужно разойтись, чтобы не стать жертвой восемьдесят восьмой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

— А как же с пропиской? — беспокоилась невеста.

— Это, любовь моя, проще, чем расщепить атом, — самодовольно ухмыльнулся он и очень вежливо остановил оказавшегося поблизости управдома: — Очарова-

тельный Павел Иванович, моя единственно законная супруга проявляет большой интерес к тому, как будет оформлено мое пребывание в этом роскошном, только вам доверенном замке?

Савва Христофорович любил выражаться несколько напыщенно и витиевато.

— Ты кто мне? Друг? — кладя руки на грудь жениха, спросил управдом и, звучно икнув, сам ответил: — Друг. А для друга я что хошь!.. Скажи — прыгай в огонь... Нет, нет, вот скажи — прыгай, и я прыгну. — Он поглядел вокруг, будто отыскивая, чем тут же доказать свою готовность к высокой жертве, однако ничего подходящего не нашел и осовело подмигнул. — А прописка, — небрежно махнул он рукой, — так это для нас... одна галлюцинация. Точно говорю. Паспорт не просрочен?

— Простите, — обиделся жених, — вы за кого меня принимаете?

— Я для порядка, обязанность! — Павел Иванович потряс в воздухе указательным пальцем и пояснил. — Раз квартиросъемщица не возражает, площадь позволяет, тут все. Завтра с утра получишь домовую книгу.

— Мерси, — улыбнулся Савва и бережно повел свою невесту между танцующими парами. — В наш век головокружительных успехов кибернетики цель достигается простейшими средствами...

А Варенька в это время отсиживалась у Елизаветы Васильевны, которая «молодых» поздравила, но принять участие в гулянии отказалась:

— Свое я отплясала, а грибом торчать не хочется.

— Ну вот, свадьбу отгуляют, — прислушиваясь к дробному стуку каблучков, говорила она своей названной внучке, — может, твоя тетка остепенится, и все к лучшему пойдет...

Но лучшего не получилось.

Новый жилец Савва Христофорович Адикитопуло редко выходил из дому. Большую часть суток проводил на диване с книжкой в руках. Сняв пиджак и туфли, он ложился, подмывая под себя расшитые подушечки, и с увлечением читал какой-нибудь ультраприключенческий роман, на обложке которого мужчина в черной маске в одной руке сжимал пистолет, а в другой — остро отточенный кинжал. В особо захватывающих местах, когда

сюжет развивался молниеносно, Савва неторопливо двигал большим пальцем правой ноги. Не отрываясь от книги, Адикитопуло поворачивался со спины на живот, шарил рукой по столу и нащупывал папиросу. Если пачка оказывалась пустой, он с досадой швырял ее в угол и громко кричал:

— Фигаро!

В комнату немедленно вбегала Варенька.

— Папирос, — не глядя на нее, швырял деньги Савва.

И девочка бежала за папиросами. Потом она мчалась с бидоном за молоком, покупала хлеб, продукты. С утра и до ночи она бегала, мыла, чистила, убирала.

— Совсем ведь загоняли девчонку, — сокрушенно говорила Елизавета Васильевна Частухину.

Им обоим хотелось помочь девочке. Но чтобы успешно выступить против ее опекунов, следовало заручиться фактами, правильность которых нельзя было бы оспорить. А с появлением Саввы Христофоровича Амелина стала будто хитрее. Словно кто-то заранее подсказывал ей ловкие ответы на все щекотливые вопросы.

— Я как-то тут высказал свое мнение Капитолине Николаевне, — сообщил Частухин, — а она мне ответила: «Надеюсь, Владимир Григорьевич, вы не хотите, чтобы из девочки я сделала ни к чему не приспособленную белоручку». «Но она переутомляется», — сказал я. Амелина засмеялась: «Это вам так кажется».

— Хотела я ее к себе взять, не отдают, — заявила Елизавета Васильевна. — Не выгодно им. Отец алименты не малые шлет, а она вроде прислуги.

Начался учебный год, но Варенька в школу не пошла.

Заботливые, сочувствующие Варенькиной беде соседи решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы помочь девочке.

— Сегодня же побываю в гороно, — уходя на работу, пообещал Частухин.

— В детский дом определить бы, государство человеком ее сделает, — подсказала Елизавета Васильевна. — А от этих чего хорошего ждать-то?

— Поговорю и о детском доме. Тут надежная зацепочка появилась — девочка ведь не учится.

В тот же день в квартире появилась невысокая, стройная, одетая в скромное серое пальто девушка — инспектор городского отдела народного образования.

— Варя Заречная не посещает школу, — объяснила она причину своего прихода. — Это единственный случай во всем городе.

— Но она уже закончила пять классов, — задиристо начала Капитолина Николаевна. — А профессором быть не собирается.

— Не беспокойтесь, — мягко отстраняя жену, с любезной улыбкой вмешался в разговор Савва Христофорович. — С завтрашнего дня девочка не пропустит ни одного урока. Даю слово.

— Очень хорошо, — довольно улыбнулась девушка и, сопровождаемая весьма предупредительным Саввой, пошла к двери. — Так я надеюсь, — выйдя на лестничную площадку, сказала она.

— Как на сберегательную кассу, — низко поклонился Савва, подождал, пока она спустилась, и только потом закрыл дверь. Лицо его сразу стало злым. Он быстро возвратился в комнату.

— Ты что ей наобещал? — возмущенно встретила его жена. — Перед юбкой растаял.

— Дура, — оборвал ее Савва. — С властью не спорят.

— Это она-то власть? — презрительно фыркнула Капитолина Николаевна. — Ха-ха!

— Не она, — сердито сверкнув глазами, оборвал ее супруг. — Но власть за ее плечами. Слово скажет, и тут будет!

— Ну и пусть, — вызывающе подняла голову Амалина.

— Власть всегда задает вопросы, — Савва медленно приблизился к жене, — а я со школьных лет не люблю отвечать. Понятно? — Он вцепился сильными пальцами в ее плечо.

Капитолина Николаевна не на шутку испугалась, таким она видела мужа впервые.

— Ты напрасно сердиться, — попыталась она умиротворить его. — Никому до нас нет дела.

— Как видишь, есть.

— Это случайность.

— О, нет, любовь моя. — Савва крепче сжал пальцы на ее плече. — Это историческая закономерность. И называется она — советским образом жизни! Девчонка была у тебя немногим больше года, срок небольшой, а уже соседи заговорили, учительница пришла. У нас так

водится, всем есть до всего дело! И если бы Варвара не сбежала, тебе несладко бы пришлось. Припомни, общественность заинтересовалась! А это, друг мой, уже опасно...

— Мне больно, — не выдержала она.

— Это хорошо, — улыбнулся он, насмешливо заглянул ей в глаза и оттолкнул. — Наш разговор запомнится надолго, любовь моя.

В кухню, где Елизавета Васильевна готовила фарш для пирога, а Варенька чистила картошку, Савва вошел чуть улыбаясь. Он вежливо и почтительно поклонился соседке и с укором обратился к девочке:

— Оказывается, наша Золушка не посещает школу. Ай-ай, как это нехорошо. — Он ласково скользнул ладонью по ее волосам. — Кончишь здесь возиться, собери все свои учебники, скажи, какие нужно тебе купить. И с завтрашнего дня — чтоб ни одного пропущенного урока. Понятно?

Варенька покорно кивнула головой. Ей все стало безразлично. Велят идти в школу? Ну что ж, она пойдет.

Заметив удивление, с каким Елизавета Васильевна выслушала распоряжение Саввы, Капитолина Николаевна, которая появилась на кухне почти вместе с ним, горестно вздохнула:

— Ах, родителям все прощается, а нам каждый промах ставится в укор.

После этого события Варенька снова начала регулярно посещать школу. Однако круг домашних работ, которые были возложены на нее, от этого не изменился.

— Фигаро! — кричал Савва.

— Фигаро! — вторила Амелина.

И Варенька бежала, мыла, терла.

И только поздно ночью, когда в квартире все засыпали, она устало садилась за кухонный стол.

Все тело требовало отдыха. Глаза начинали смыкаться. Но, стараясь перебороть сон, она откидывала со лба волосы, энергично открывала книгу, листала ее, отыскивая нужную страницу.

Постепенно движения замедлялись. Девочка встряхивалась. Но глаза закрывались, и голова медленно опускалась на вытянутую руку, которая наконец находила покой на страницах раскрытой книги...

При удобном случае Савва Христофорович Адикитопуло всегда скромно заявлял о том, что занят серьезной работой.

— Пишу роман, — приспустив веки, доверительно сообщал он и глубоко вздыхал. — Да, да, так сказать, дерзаю. Актуальная тема, современность, в центре, конечно, человек...

Отдельные главы он особенно охотно читал управдому, с которым старательно поддерживал хорошие отношения.

— Этим кончается вторая часть моего произведения, — переворачивая последнюю страницу рукописи, скорбно сообщил он как-то в начале весны.

— Большой труд, — с уважением вздохнул управдом и осторожно коснулся бумаги кончиками пальцев. — Сколько над ним работаете?

— С того самого дня, как поселился в вашем замке, — наполняя стопки водкой, ответил Савва Христофорович. — А до этого материал собирал, копил. За славой я не гонюсь, но если кто поинтересуется, так вы уж, дорогой Павел Иванович, пожалуйста, заступитесь, сами ведь слышали.

— Под присягой покажу.

— Знаете, не люблю я этой клички — «личность без определенных занятий». Вот оно, мое занятие. Но ведь его, прежде чем показать, надо сделать, — скорбно морща лоб, продолжал Савва Христофорович.

— Совершенно верно.

— Конечно, когда напечатают, тогда все станет ясно, как и что, а пока приходится скрепя сердце терпеть. Не зря говорится: искусство требует жертв.

— Истинная правда.

— «Ясной Поляны» у меня, как известно, не имеется. Туговато бывает, однако не сдаемся, крепимся. Но ничего, — улыбнулся Савва жене, — свое мы еще наверстаем.

— Обязательно купим голубую автомашину, — вспыхнула она.

— Ну, это что, — небрежно отмахнулся Савва. — Признаюсь вам, дачку мечтаю приобрести. Что ни говорите, но в городе очень шумно. У вас ничего нет на примете?

— У меня-с?.. Нет-с, ничего-с, — млея управдом и, отважившись, спросил: — Неужели так много платят? — Он завистливо посмотрел на толстую рукопись, выпил водку, крикнул и, морщась, закусил селедкой. «Вот ведь как везет людям», — с чувством острой зависти подумал он и несмело спросил: — А как, извиняюсь, вы научились этому?

— К творчеству у меня с детства склонность, — неторопливо и сдержанно ответил Савва Христофорович. — Однако, — огорченно вздохнув, он широко развел руками, — по-настоящему сесть за работу вот только теперь решился.

— Склонность, говорите? — Гость разочарованно потер ладонью коричневую от загара плешину. — Значит, научиться этому никак невозможно?

— Нет, почему же. — Савва Христофорович барственно откинулся на спинку стула. — Учиться никогда не поздно.

— И вы думаете, получится? — Подавшись всем корпусом вперед, Павел Иванович впился своими маленькими зелеными глазками в поважневшее вдруг лицо собеседника.

— Гарантии дать не могу, но попытка — не пытка, — покровительственно ответил тот.

— Я, конечно, не большой знаток, — одергивая полы пиджака, торопливо продолжал гость, — но в свое время школу второй ступени окончил. Льва Толстого, Тургенева, Николая Васильевича Гоголя изучал. «Старосветские помещики», «Мертвые души», «Ревизор», «Тарас Бульба». Свидетельство имею. Так что разбираюсь кое в чем.

— Вам очень нравится художественная литература?

— Ну как же! Из жизни все! Иной раз, скажи, прямо за сердце хватает.

— Это хорошо, — одобрительно кивнул головой Савва Христофорович. — В нашем деле без любви никак нельзя.

— Понимаю. — Внимательно слушая хозяина, гость часто заморгал глазами.

— Но главное, — сделав паузу, Савва Христофорович шевельнул указательным пальцем, — больше читать, наблюдать, записывать. У каждого уважающего себя писателя обязательно записная книжка имеется.

— Пожалуйста! — Павел Иванович с радостной готовностью прижал руку к верхнему карману пиджака, из которого торчал металлический наконечник автоматической ручки. — За мной это не станет. К тому ж весь день по долгу службы с народом. Историй разных — хоть отбавляй. За всю жизнь не перепишешь!..

Захмелевший от надежд и водки, управдом ушел. А потом при каждом удобном и неудобном случае старательно расхваливал, какой, мол, талантливый человек проживает в двенадцатой квартире. Пересказывал содержание романа, на память цитировал особенно запомнившиеся фразы.

Кто верил словам управдома, кто относился к ним скептически, дескать, сами оценим, когда напечатают. Но никто, даже Капитолина Николаевна, не догадывался, что весь роман Савва Христофорович добросовестно списывал со страниц альманаха, издающегося далеко за пределами области.

Были у Саввы Христофоровича и другие секреты.

Изредка, поздним вечером, к нему приходил приличный одетый подвижной и ловкий молодой человек. Звали его Георгий Кудряш.

— Привет, орел, — кивал ему Савва и взглядом приказывал жене оставить их одних. Если в комнате находилась Варенька, то тетка уводила ее с собой.

Кудряш провожал их глазами, запирал дверь на ключ и только потом вытряхивал из рукава аккуратный сверток, разворачивал его и клал на стол горсть ручных и карманных часов.

Савва брал часы, заводил их, прислушиваясь к ходу, подносил к ушам, смотрел марку.

— Так себе, — недовольно морщился он, клал часы в шкатулку и доставал из нее деньги.

— Мало, — пересчитывая их, говорил Кудряш.

— Было бы смешно, если бы я дал много, — ухмылялся Савва.

— Прибавь.

— Я не люблю нескромных молодых людей и гостей, которые у меня задерживаются.

— Жила ты, Черный.

— Вы дурно воспитаны, Жора, — снисходительно улыбался Савва, в то время как в голосе его звучали жесткие нотки не глубоко скрытой угрозы. — Вам сле-

дует относиться ко мне с большой благодарностью. Не каждый уважающий себя человек согласится платить настоящие рубли за гот мусор, который вы приносите.

— Но ребята жалуются.

— Никаких ребят я не знаю, — резко обрывал его Савва. — А если вы имеете в виду своих друзей, таких же лоботрясов, как и вы, то посоветуйте им заняться делом. Пусть идут на фабрики, там им с удовольствием дадут хорошо оплачиваемую работу. Не желают? Дурно, очень дурно. Ну, хватит. Гуд бай, орел.

Кудряш вздыхал и, направляясь к двери, натягивал на голову кепку.

Только года через два Савва открыл свою тайну Капитолине Николаевне, подготовив ее к этому постепенно, исподволь. Свои действия он объяснил ей тем, что ему нужны средства для того, чтобы закончить работу над романом. Но и после осторожный и осмотрительный Савва не позволял ей присутствовать при своих встречах с Кудряшом.

— Это дело не любит свидетелей, — объяснял он. — Когда один валится, он не должен тянуть за собой другого.

Узнав правду, Капитолина Николаевна, конечно, страшно испугалась. Но Савва легко успокоил ее, убедив, что при той системе, которую он разработал, ему ничего не угрожает. Никто из ребят Кудряша не знал, с кем связан их атаман. А он приносил не только краденые часы, но и отдельные главы романа, перепечатанные на машинке сестрой. За эту работу Савва аккуратно платил и брал расписки. Таким образом, он не опасался вопроса: «Знаете ли вы Георгия Кудряша, приходил ли он к вам и зачем?» Ответ был давно готов: «Знаю, приходил, он приносил мне перепечатанную на пишущей машинке рукопись. Вот расписки в получении денег за выполненную работу».

И все же, соблюдая эти предосторожности, не следовало допускать, чтобы посещения Кудряша становились слишком заметными. Поэтому он продолжал появляться только по вечерам, когда во дворе почти никого не оставалось.

Однажды уходящий от Саввы Кудряш заметил в коридоре Вареньку, которая, поднявшись на носки, старалась дотянуться до верха шкафа, где лежала платяная

щетка. Нахально разглядывая девушку, он промурлыкал:

— Кусочек.

Савва рассердился и, закрыв ладонью его лицо, подтолкнул к двери.

— Топай, детка, топай.

Лукаво подмигнув, Кудряш ушел.

Закрыв за ним дверь, Савва повернулся к Вареньке. Пожалуй, только сейчас он заметил, что она становилась довольно интересной девушкой.

— Позови тетку, — приказал он, направляясь в комнату.

Капитолина Николаевна ждать себя не заставила.

— Что-нибудь интересное? — плотно закрыв дверь, любопытствовала она.

— Рядовой товар. Одевайся.

Пока она надевала пальто, шляпку, он достал из шкапулки часы, небрежно завернул их в газету и сказал:

— Если задержат, скажешь — нашла на лестнице. Нечего в милицию. Мне ничего неизвестно.

— Знаю. — Она досадливо скривила ярко накрашенные губы. Капитолина Николаевна спустилась по лестнице, тускло освещенной небольшой электрической лампочкой, прошла через двор и, приблизившись к воротам, в нерешительности остановилась.

На улице спиной к воротам стоял милиционер.

— Что делать? — обожгла мысль. — Идти дальше? Но что, если он стоит здесь не случайно? Может, выследили Кудряша и уже готовится операция. Если она не заявит о своей «находке» сейчас, а попытается уйти, то как она объяснит свой поступок, когда ее задержат? Подойти и отдать сверток. Ведь Савва как-то сдал в отделение милиции собственный бумажник с несколькими десятками рублей в нем, будто найденный на улице. Об этом управдом заметку в стенной газете поместил. Но тогда это имело определенную цель, а сейчас милиционер, возможно, ничего и не подозревает.

Она, крадучись, отступила от ворот и бросилась бегом обратно.

— Зря повернула оглобли, — выслушав ее, заключил Савва. — Если бы дело нас касалось, милиционер стоял бы во дворе, поближе к нашему подъезду. А потом, можно было выйти через северные ворота.

— Я боюсь, — волнуясь, призналась она и, стиснув ладонями голову, всхлипнула: — Когда это кончится?

— Ты же знаешь, еще одна часть — и роман готов. Купим голубую машину, дачу, — попытался успокоить ее Савва и, что-то прикидывая в уме, потер рукой подбородок. — Хорошо, иди. Товар получишь возле универмага.

«Как он это сделает? — недоумевала Капитолина Николаевна, приближаясь к магазину. — Неужели сам пойдет? Тогда зачем было мне рисковать?»

И тут ее неожиданно окликнула Варенька.

— Тетя Лина, — подбежав, запыхавшаяся девушка остановилась и протянула знакомый Капитолине Николаевне сверток. — Дядя Савва вышел на лестницу и нашел, — пояснила она. — Велел передать, чтобы вы отнесли в отделение.

— В какое? — для порядка спросила женщина.

— Не знаю.

— Догадываюсь, — улыбнулась удивленная Капитолина Николаевна, — скажи ему, я так и сделаю. Беги домой.

Так у Вареньки появилась еще одна обязанность.

На другой день Савва и Капитолина Николаевна обещали в ресторане «Заря». Они поступали так всякий раз, когда их предприятие заканчивалось успехом.

— Погоди, любовь моя, то ли будет, когда мой роман увидит свет, — говорил он, любезно подавая ей стул. — Этот шалман мы будем обходить десятой улицей. Нам будут готовить лучшие повара в лучших ресторанах. А вина — только из подвалов «Массандры»! Я родился недалеко от этого земного рая. Черное море, Ялта, Ай-Петри, Гурзуф! Мои предки знали, где поселиться. Девушка! — подозвал он официантку. — Любовь моя, заказывай.

— У меня из головы не выходит Варенька, — справившись с первым блюдом, созналась Капитолина Николаевна. — Она уже не маленькая и очень быстро догадается обо всем.

— Когда это случится, — Савва аппетитно пожевал кусочек сочного бифштекса, — она уже не сможет выйти из воды сухой. В этом я ручаюсь.

— Твою хватку я знаю, — не то с грустью, не то с иронией произнесла Капитолина Николаевна.

Савва приподнял брови, выпучил глаза и слегка

склонил голову к плечу, будто говоря: «Тем более нет оснований сомневаться. Все будет так, как я хочу».

Он поднял бокал, отхлебнул из него глоток вина и, заметив вошедшего в ресторан Кудряша, окликнул:

— Орел!

Обрадованный неожиданной встречей, Кудряш быстро подошел к столику и, поздоровавшись, взялся за спинку свободного стула.

Однако Савва удержал стул ногой.

— Разговор короткий, — будто извиняясь, улыбнулся он и приказал: — В воскресенье зайди ко мне в двенадцать.

— Ночи?

— Нет, для визитов приличных людей имеется день.

— Хорошо, — согласился озадаченный Кудряш, — я приду.

— А теперь, как говорится, не смею вас задерживать.

Кудряш с грустью посмотрел на бутылку вина, поправил галстук и, улыбнувшись Капитолине Николаевне, направился в другой зал.

— Зачем ты сказал, чтобы он пришел днем? — забеспокоилась она.

— Так нужно.

XIX

Вернувшись из ресторана, он тут же прошел на кухню, где Варенька чистила картошку, и, словно еще раз проверяя свои наметки, прищурившись, окинул внимательным взглядом девушку. Шел ей шестнадцатый год, но выглядела она значительно старше своих лет.

«Хороша собой, но руки большие и некрасивые», — отметил он и тотчас приказал:

— Брось.

— Что бросить? — не поняла она.

— Картошку.

— А ужин?

— Делай то, что я велю. Вымой руки и приходи.

В комнате он подошел к жене и, приподняв ее лицо за подбородок, нежно поцеловал в губы. Капитолина Николаевна успела хорошо изучить мужа. Она сразу насторожилась.

— Любовь моя, — улыбнулся он, — почисть, пожалуйста, картошку.

— Но там Варя.

— Потому я и прошу тебя. И запомни на будущее: не следует девушке поручать грубую работу.

— А кто же ее будет делать?

— Пока у нас нет прислуги, этим придется заняться тебе.

— Ну, это уж слишком! — взъерилась она.

— Почему? — совершенно хладнокровно спросил он. — Как только напечатают роман, все станет на свои места.

— Я не понимаю, зачем тебе вмешиваться в кухонные дела?

— Ну, то, что ты плохо соображаешь, поверь, не моя беда, — мягко произнес он и потянулся рукой к ее плечу.

— Оставь свои нежности, я пойду. — Она отвела плечо от его цепких пальцев. — Но позволь мне хоть переодеться.

— Конечно, любовь моя, — улыбнулся он.

Через день Вареньке было куплено новое выходное платье. У нее еще сохранились некоторые платья из числа тех, что подарил отец, но все они стали коротки, хотя переделкой и надставкой их не один раз занималась тетя Лина.

— Ты должна хорошо учиться, хорошо одеваться и хорошо отдыхать, — заявил Савва, вручая новую покупку изумленной девушке. — Ну как, нравится?

— Очень, — задыхаясь от радости, прошептала она. Такого красивого платья у нее никогда не было. Настоящее весеннее! По нежно-сирпневому фону — скромные букетики белых, розовых цветов и зеленых листьев.

Савва Христофорович побывал в школе и узнал, как учится его племянница.

— Немного отстает по геометрии, — сказали ему. — Но двоек не имеет.

— Подтянись, — приказал он Вареньке.

Капитолина Николаевна страшно злилась. Теперь после работы ей приходилось весь вечер проводить на кухне.

А соседи дивились и радовались за Вареньку.

— Я говорила, может, эта свадьба к лучшему, — вспомнила Елизавета Васильевна.

В воскресенье ровно в двенадцать явился Кудряш.

— Сестра рукопись прислала, — отдавая Савве небольшую пачку бумаги, сказал он.

— Спасибо, рассчитаемся потом, — кивнул головой Савва и остановил направившуюся к дверям Вареньку. — Сиди, занимайся, ты нам не мешаешь. Моя племянница, — снова повернулся он к Кудряшу. — В восьмом, брат, классе. зубрит весь день. А как иначе? От других отстать не хочется. — Он улыбнулся, предложил гостю папиросу и спросил: — Куда теперь?

— Не знаю, — не понимая своего начальника, пожал плечами Георгий.

— Ну, гуляй, — Савва протянул было руку, но задержал ее. — Хотя постой. — Он повернулся к девушке. — Оденься и пройди. Хватит тебе сегодня науками заниматься.

Варенька растерялась.

— Я?

— Он подождет тебя на лестнице, — сказал Савва, выходя следом за гостем из комнаты, и предупредил: — Но ты тут недолго копайся.

Варенька шла по тротуару, как всегда в выходной день заполненному толпой принаряженных горожан, мимо больших, красиво оформленных витрин магазинов и с трудом верила, что это не сон. Постоянно занятая домашними делами, она не помнила, когда последний раз гуляла по городу. Да и было ли это? Она всегда спешила в магазин, в школу. И вот она вдруг идет в красивом, нарядном платье. Было чему дивиться.

Кудряш попытался взять свою спутницу под руку, но она стыдливо отстранилась. Молодой человек не стал настаивать. Только губы его насмешливо дрогнули: дескать, торопиться некуда, успеется.

К обеду она была уже дома.

— Барыня какая выискалась, приготовь, накорми, — шипела Капитолина Николаевна, но выступить против мужа не решалась.

— Хочется, чтобы девочка среднюю школу хорошо закончила, — объяснил Савва соседям перемену в отношениях к Вареньке. — К труду она привыкла, а тут всего два года остается.

На словах будто все выходило гладко, однако не верила ему Елизавета Васильевна.

В следующее воскресенье после обеда Кудряш принес отпечатанные листы рукописи и опять, с разрешения Саввы, увел Вареньку гулять.

Возле ресторана он остановил девушку.

— Зайдем?

Варенька испуганно тряхнула головой. Она никогда в ресторане не была и боялась его.

Кудряш безразлично повел плечом. Всему свое время.

Проходя через сквер, они задержались возле площадки, где энергично трудились малыши, создавая из песка дома и торты.

Рядом, сидя на скамье и катая перед собой взад и вперед крытую голубую коляску, хвастливо шамкала беззубым ртом старушка:

— А у нас уже зубки прорезались!

— А мы уже папку узнаем! — покачивая розовую коляску, восторгалась молодая, пышная мамаша.

Девушка посмотрела на них, улыбнулась и нехотя пошла дальше.

Когда кончились занятия в школе, Кудряш начал заходить за Варенькой чаще, преимущественно по вечерам. Девушка уже привыкла к молодому человеку, ждала его прихода и не отстранялась, когда он брал ее под руку.

Однажды он подвел ее к танцевальной площадке.

— Потанцуем?

— Я не умею, — конфузливо призналась она.

— А научиться хочешь?

— Очень.

Он увел ее в глухую аллею сада, где не было гуляющих, но куда явственно доносились звуки оркестра, и, готовясь к танцу, положил свою руку на галию девушки. Она чуть вздрогнула и, чтобы скрыть смущение, слегка откашлялась.

— Правой, левой, — все теснее прижимая к себе девушку, командовал Кудряш. — Поворот.

Ей было неловко, она отводила свое лицо подальше от лица партнера.

— Правой, левой — дышал он почти над самым ухом. — Еще раз, еще. У тебя здорово получается. Честное слово!

Наконец настал тот вечер, когда они появились на танцевальной площадке.

Внимательно слушая музыку, Варенька старательно выделявала па и в то же время с завистью следила за одной чудесно вальсирующей парой.

— Вот бы так научиться, — прошептала она.

Кудряш глянул через плечо и презрительно усмехнулся.

— Сейчас это уже не модно.

— Но красиво...

А дома возмущалась тетя Лина:

— Она что, все время будет гулять?

— Пока гулять, — спокойно ответил Савва.

— А потом?

— Я не люблю глупых вопросов, — сладко зевнул он в кулак.

Несколькими днями позже Варенька, вернувшись с гулянья, положила на стол перед Саввой, который только что принялся за ужин, небольшой сверток.

— Жора просил передать, — пояснила она.

— Хорошо, — довольно улыбнулся Савва, многозначительно посмотрел на Капитолину Николаевну и окликнул повернувшуюся к двери девушку: — Куда же? Полу чай. — Он достал из кармана и положил на стол пятирублевую бумажку.

— Мне? — удивилась Варенька. — За что?

— За работу, — улыбнулся Савва.

— За какую? — недоуменно приподняла она брови.

— Бери. — Поднявшись из-за стола, он сунул ей деньги в руку. — Я хочу, чтобы у тебя водилась такая мелочь. Воды захочется или еще что-нибудь. Только соседям не хвались, а то подумают черт знает что.

Полученные деньги Варенька истратила на мороженое, которым угостила своего «друга». К нему она все больше и больше привязывалась, скучала, когда его долго не было, и радовалась его приходу.

Съев мороженое, Кудряш не захотел оставаться в долгу.

В кондитерском магазине, куда они вошли, мамаша и дочка выбирали конфеты.

— Мне штучный товар. — Кудряш ловко вклинился между мамашей и прилавком. — Пожалуйста, плитку шоколада.

Откусывая коричневые дольки, Варенька весело смеялась. У нее было прекрасное настроение. Она нако-

нец сама себе призналась в том, что очень любит Кудряша. И, когда он снова предложил ей зайти в ресторан, она не решилась отказать ему, но, очутившись за столиком, на котором стояло вино, почувствовала себя стесненно.

— Огпей глоток, — попросил Георгий.

Она отказалась.

— Ну, один, — настаивал он.

Девушка умоляюще посмотрела на него и робко поднесла бокал к губам.

— Дамское, — успокоил ее Кудряш.

Варенька нахмурилась. Это слово напомнило ей что-то давнее и грязное.

Но парень был начеку.

— Ну, чуть-чуть.

Девушка отпила немного вина.

— Сладкое, — удивилась она.

— Я же говорил, — довольно ухмыльнулся Кудряш...

Вдоль улиц зажглись фонари. Сгустившиеся было сумерки отступили. На тротуары легли узорчатые тени от деревьев.

...Придерживая у подбородка концы накинутаго на голову платка, Нина спешила на фабрику. До начала смены оставалось еще много времени. Но фабком назначил собрание профоргов, которое намечалось провести до того, как начнется работа.

Проходя мимо ресторана, девушка мельком глянула на его широкие окна, за которыми ослепительно светили люстры, поблескивая хрустальными подвесками. Внизу окна были закрыты занавесками из нежно-палевого шелка. Но в одном месте шторки неплотно сходились. В узкий просвет между ними Нина вдруг увидела Вареньку.

Девушка сидела за столом, смеялась и пила вино из высокого тонкостенного бокала.

— Что это? — ужаснулась Нина, остановилась и, стараясь не привлекать внимания прохожих, еще раз украдкой заглянула в просвет.

О чем-то весело говоря, Кудряш нагнулся к Вареньке. Правую руку он положил на спинку ее стула, левой потянулся к бугылке, собираясь снова наполнить бокалы вином.

«Как это могло случиться с ней? — беспокойно думала Нина. — И главное... как это далеко зашло?»

Она давно не встречалась со школьной подругой и теперь не знала, что о ней подумать. Немедленно пойти и вызвать ее из ресторана. Но если она... такая? Ведь не насильно ее держали за столиком. Она смеется, значит, довольна. Радуется! Чему только?

Нина отошла от окна и снова остановилась. Нет, нет, уходить нельзя. Но ведь ее ждут на фабрике. Что делать? И кто этот парень с ней? В его красивом лице было что-то жестокое и злое. Что — Нина рассмотреть не успела. Но он не понравился ей с первого взгляда. Или он таким только показался?

Как же быть? А может, ничего особенного? Ведь ходят же люди в рестораны, обедают там, ужинают.

Но девушка с парнем пьет вино! Нина не могла объяснить, в чем заключалась предосудительность поступка, но всем сердцем чувствовала, что Варенька поступает дурно.

А что если у них любовь? По молодости Варенька еще не знает границ и меры... Узнать бы, зачем она сюда пришла... Проще всего вызвать и спросить. Но как она примет постороннее вмешательство? Ведь столько лет не виделись!

К кому еще можно обратиться? К тетке? Но скажет ли она правду? А если к соседке, к Елизавете Васильевне? Помнится, Варенька говорила, что старая ткачиха к ней хорошо относится. Девочка даже своей бабушкой ее называла.

Но как быть с собранием профоргов?

Нина еще раз оглянулась на окна ресторана.

— Нет, я должна все выяснить!

Она круто повернулась, быстро дошла до угла и, сокращая дорогу, побежала по переулку...

Из ресторана Кудряш и Варенька вышли не скоро.

Девушка громко смеялась. Выпила она немного, одна-ко захмелела и, нетвердо ступая ногами, навалилась на руку своего приятеля.

— И почему мне сегодня петь охота? — удивлялась она.

Редкие в этот час прохожие неодобрительно оглядывались на них.

— Тише, милиционер услышит, — опасливо предупре-

дил Кудряш; решив, что настало время действовать, многозначительно сказал: — Ты меня держись!

— Держусь, — смеялась она, хватаясь за рукав его пиджака.

— Да не о том я, — досадливо поморщился он. — Меня слушайся. Понятно?

— Понятно и даже очень...

Через двор Варенька шла одна. Ей было очень весело и, чтобы громко не расхохотаться, она прикрывала рот ладонью. В некотором отдалении от нее следовал Кудряш. И хотя вокруг не было видно ни души, он внимательно поглядывал по сторонам. Девушку он нагнал в подъезде у лестницы и сразу попытался обнять ее.

Варенька, смеясь, отмахнулась. Но он не отступил, обнял ее, поцеловал.

Не сердясь на него, она вырвалась, взбежала по лестнице и потянулась к звонку. Но он успел схватить ее сзади и снова сжать в объятиях.

Смутно ощущая опасность, она попыталась вырваться, но не могла этого сделать.

— Пусти, — попросила Варенька.

Скользнув взглядом вверх по лестнице, Кудряш прислушался. Во всем лестничном пролете, кроме них, никого не было. Тогда, зажав своими губами губы девушки, он стал клонить ее к зашарканному ногами полу.

Варенька отчаянно сопротивлялась, но ловкий Кудряш был не по ее силенкам. И все же девушке удалось толкнуть ногой стоящую рядом железную мусорницу. Грохоча по ступенькам, она покатилась вниз.

Кудряш испуганно вскинулся.

— Бабушка! — вскрикнула Варенька.

Парень отшвырнул девушку и быстро сбежал вниз. На лестничную площадку вышла Елизавета Васильевна.

— Что с тобой? — спросила она.

— Бабушка, — рыдая, прижалась к ней Варенька.

Елизавета Васильевна увела ее к себе и ни о чем не стала расспрашивать. Она только сказала:

— Не по пути тебе с ними, родная...

XX

Долго в эту ночь не могла уснуть Варенька. Много передумала, будто всю свою жизнь перебрала в уме. Не хотела осуждать родителей, но все к тому сводилось.

Только для себя счастья искали, о себе заботились, а ее кинули, чтобы не мешала жить так, как им хотелось. И даже когда она сама потянулась к ним за помощью, они ее не поддерживали. Она стала... лишней. Горькое и обидное слово!

Тетку она не любила, понимала, что Амелина держит ее из-за выгоды. Дядю Савву так и не успела разгадать. Вначале он казался грубым, злым, вспоминал о ней только, когда нужно было послать за папиросами. Но за последнее время он неузнаваемо изменился, стал приветливым, обещал еще одно новое платье купить. Правда, при этом он очень странно усмехался и загадочно подмигивал:

— Ничего, девочка, не тушуйся, отработаеть!..

Но это не тревожило Вареньку. От работы она никогда не отказывалась и готова была выполнять по дому все, что ей прикажут. К тому же Савва Христофорович совсем не обязан тратиться на нее.

Из всех родных одна покойница бабушка относилась к ней всегда без всяких расчетов, заботливо, с душой. О себе мало думала, все о внучке, было бы ей хорошо.

Варенька лежала ничком, закусив уголок наволочки, и плакала.

Чужие оказались ближе родных. Многих она вспоминала с хорошим, теплым чувством глубокой благодарности. Приятно было, роясь в памяти, снова представить себе их лица, голоса.

Вот заботливо склонилась учительница Нина Алексеевна.

— Что с тобой? — спросила она.

Начальник железнодорожной милиции протянул ей свой ужин.

— Мне тут одному многовато.

Вскинул растопыренные пальцы Абахидзе:

— За угол повернешь — стадион!

— Ты сказала, четырнадцатая квартира? — ободряюще улыбнулась Вера Михайловна.

Вспомнился старик в поезде, проводница, сержант милиции, братья Коля и Вова, архитектор Леонид Петрович Логовской.

Он сказал:

— С твоим отцом мы не один пуд соли съели.

Чувство безграничной признательности вызывали мыс-

ли о бабушке Елизавете Васильевне, о Частухиных — соседях по квартире, о подругах, которых было много и в школе, и в лагере, и во Дворце пионеров. Сколько хороших людей она знала! Вот их бы и назвать родными.

Варенька забылась в тревожном сне и вдруг очнулась. Представился Кудряш. Как когда-то к отцу, а потом к матери, пошла она к нему с открытым, чистым сердцем. А он обманул, бессовестно и грязно.

В притупленном дремотой сознании образ Кудряша сливался с лицами отца и матери во что-то одно, неясное, бесформенное, но которое больно кололо Вареньку прямо в сердце.

Утром она проснулась с тупой, ноющей головной болью.

— Тетка твоя волнуется, — сообщила Елизавета Васильевна. — Знает кошка, чье сало съела... Но я сказала, что ты спишь. — Она провела ладонью по черным волосам девушки. — Ну, милая, что делать будем?

— Не знаю, — глухо ответила она.

Ей не хотелось вспоминать то, что произошло вчера. Но мысли сами лезли в голову. Ах, как все это было гадко и противно!.. Вареньке казалось, что у нее украли что-то светлое, чистое, красивое, потом бросили его на ступеньки лестницы и безжалостно растоптали.

Елизавета Васильевна присела на краешек кровати.

— Вчера Нина Березина заходила, — сказала она.

— Не забыла, — оживилась Варенька. — Сколько же это лег мы не виделись? Пять или шесть?

Она второй год на фабрике работает, — продолжала Елизавета Васильевна. — Хвайлась, нравится. Хотела с тобой потолковать, но не дождалась. На смену спешила.

Варенька вспомнила, как школьная подружка охотно отдала все свои сбережения, чтобы помочь ей уехать к отцу, и сказала:

— Добрая она, отзывчивая.

— На фабрику зовет.

— Меня? — Варенька удивленно выгнула брови и задумалась. — Не знаю, право...

— Но здесь-то тебе оставаться нельзя, — сказала старая ткачиха, как о деле, окончательно решенном. — А там свои, рабочие люди. Они в беде не оставят.

— Я как-то не думала, — призналась Варенька.

— А ты без долгих сборов, — посоветовала Елизавета Васильевна. — Дело-то ведь не плохое.

«Бабушка, конечно, права», — подумала Варенька и вдруг забеспокоилась:

— А возьмут?

— Попросим, — успокоила ее Елизавета Васильевна.

— Значит, и ты со мной?

Пожилая женщина улыбнулась.

— Вместе-то, чай, веселее будет...

Стараясь избежать лишних расспросов, из квартиры они ушли так, чтобы этого не заметила Капитолина Николаевна.

Когда стали приближаться к огромной, с большими окнами ткацкой фабрике, старая ткачиха призналась:

— Как прихожу сюда, так будто молодею.

Она уже около двух лет не работала, получала пенсию. Но, отдыхая, не теряла связи с фабрикой. Приходила сюда на встречи с молодыми работницами, участвовала в обсуждении планов и даже состояла членом в хоровом кружке пенсионеров.

В проходной дежурный вахтер козырнул ей:

— Елизавете Васильевне.

Вареньке выписали разовый пропуск.

— Помню вашу бабушку Ульяну Гавриловну, — улыбнулся вахтер, отрывая контрольный талон. — Гроза была.

Варенька удивилась.

— Бабушка гроза?

— Правду говорит, — подтвердила Елизавета Васильевна. — Не любила она непорядков. Ну, и ему доставалось, — кивнула она на вахтера и засмеялась. — Вот и запомнил.

Никогда раньше Вареньке не приходилось бывать во дворе фабрики. Ее поразило обилие растущих здесь цветов, кустов, деревьев. Серые корпуса, откуда доносился ритмичный гул, словно утопали в саду. По бокам асфальтированной дорожки пестрели транспаранты, плакаты, призывы. На небольшой площадке красовалась доска Почета.

Кто встречался или обгонял, обязательно здоровался с Елизаветой Васильевной.

— Вас здесь все знают, — заметила Варенька.

— А как же, — довольно улыбнулась ткачиха. — С

твоей бабушкой мы тут немало поработали. На наших глазах все росло.

— Опять к нам в цех? — подбежав, обняла ее молодая работница.

— Обо мне, спасибо, государство побеспокоилось, отдыхаю. Внучку веду.

Елизавета Васильевна и Варенька вошли в отдельно стоящий небольшой двухэтажный дом и, пройдя по коридору, остановились возле двери с короткой надписью на небольшой табличке: «Партком».

— Ты тут побудь, а я по старой памяти сюда загляну, — открывая дверь, сказала Елизавета Васильевна девушке. В парткоме она пробыла недолго. — Нет Михайловны, — выходя в коридор, пояснила она. — Говорят, в четвертом цехе. Пойдем, поищем.

Едва Варенька переступила порог ткацкого цеха, шум работающих станков оглушил ее. Опасливо поглядывая на движущиеся части машин, она, боясь отстать от Елизаветы Васильевны, шла следом за ней по неширокому проходу.

Старая ткачиха чувствовала себя здесь уверенно и совершенно свободно. Возле одного станка она остановилась, связав оборвавшуюся нить, пустила его и, махнув рукой работнице, чтобы она не спешила к ней, пошла дальше. К другому станку она, наоборот, подозвала молодую ткачиху и что-то строго ей выговорила.

Секретаря парткома застали возле доски учета работы цеха. Еще издали Вареньке показалось, что она уже где-то видела эту невысокую, худощавую женщину. Но секретарь, разговаривая с двумя работницами, стояла к ней спиной.

Когда же Варенька и Елизавета Васильевна приблизились и женщина повернулась к ним лицом, девушка чуть не ахнула.

— Анастасия Михайловна! — воскликнула она с радостью.

Голос потонул в шуме работающих станков.

Однако Анастасия Михайловна, видимо, догадалась, что Варенька узнала ее, ласково обняла девушку и улыбнулась старой ткачихе.

Объяснялись, выкрикивая слова над ухом друг друга.

По тому, как Анастасия Михайловна после первой же фразы, произнесенной Елизаветой Васильевной, креп-

че прижала к себе Вареньку и утвердительно закивала головой, девушка поняла, что ее приход не был неожиданным. Здесь знали: она придет!

Это очень удивило Вареньку. «Неужели Нина сказала?—подумала она.—Но когда успела?» К тому же еще вчера Варенька даже не помышляла о том, чтобы пойти на фабрику работать. А может, бабушка Елизавета Васильевна? Старая, мудрая, она могла заранее позаботиться о своей глупой внучке, договорилась с Анастасией Михайловной...

Как бы там ни было, но на фабрике знали, что Варенька Заречная придет сюда. Знали раньше ее самой!

И опять девушка вспомнила тех, кто в разное время принял в ее судьбе живое, сердечное участие. Только теперь она начала понимать, какую огромную роль сыграли в ее жизни, казалось, совсем посторонние, чужие, но вместе с тем близкие, хорошие советские люди.

«Кто знает, что было бы со мной, если бы не они,—с глубокой благодарностью подумала она.—Ведь, не приди инспектор гороно, я бы, конечно, не училась. Или вот теперь...»

— Пойдем в отдел кадров, — оборвала ее мысли Елизавета Васильевна.

Вернувшись домой, Варенька переоделась в старое, короткое, много раз латанное платье и молча принялась собирать в чемодан свои немногочисленные вещи.

— Ты чего это? — удивилась тетя Лина.

— Я на фабрику поступила, — пояснила девушка. — В общежитии буду жить.

— Что? — переспросила Капитолина Николаевна и будто взбесилась. — Можешь отправляться на все четыре стороны, хоть к черту в пекло, — едва владея собой, кричала она. — Но больше сюда не возвращайся! Иди, и чтоб духу твоего здесь не было!

— Наоборот, — обращаясь к Вареньке, спокойно возразил Савва. — Приходи. В любой день и час приходи. Для тебя всегда дверь открыта. — Но, когда девушка нагнулась, чтобы взять чемодан, он поставил на него свою ногу. — Не надо торопиться, детка. Ты получишь свои вещи, как только твой папа возместит нам расходы за текущий месяц. Ты знаешь, мы ведь на тебя тратились. А потом, может, тебе в общежитии не понравится. Зачем таскать багаж взад-вперед?

Возмущенная Варенька не нашла что сказать и убежала из комнаты.

— Она вернется, — убежденно сказал Савва.

— Я не пущу ее, — гневно заявила Капитолина Николаевна.

— Глупее ты ничего не придумала? — усмехнулся Савва и, зажмурясь, потер ладонью подбородок. — Когда снова переступит этот порог, она будет мягче воска. Понятно?

Постучав, в комнату вошел сердитый Частухин.

— Вы не имеете права не давать ее вещи, — гневно сказал он.

Капитолина Николаевна рванулась к нему, но Савва, схватив ее за плечо, принудил сесть.

— Дорогой Владимир Григорьевич, — мягко улыбнулся он, — вы напрасно вмешиваетесь не в свои дела. Но я не сержусь и готов с вами объясниться. Дело в том, уважаемый сосед, что у девушки очень неуравновешенный характер. Как вы знаете, она убегала из дому, а затем вернулась. И сейчас кто уверен в том, что она завтра не передумает?

— Я уверен, — твердо заявил Частухин.

— Очень хорошо, — опять улыбнулся Савва и развел руками. — А я, представьте, нет. Как быть?

— Вас суд заставит вернуть ей вещи.

— Суд? — Савва засмеялся. — Уверяю, дорогой сосед, до этого дело не дойдет. Как только жена, в данном случае она лицо решающее, убедится в том, что ее воспитанница приняла решение серьезно, я сам отнесу чемодан.

Частухин злился, нервничал, а Савва говорил спокойно, рассудительно и этим брал верх. Он умел спорить.

— Но дайте ей хоть другое платье, — потребовал Владимир Григорьевич.

— Пожалуйста, — тут же согласился Савва. Главное для него заключалось в том, чтобы Варенька еще раз пришла за вещами. Тогда бы он нашел, как с ней поговорить. Поэтому сейчас она могла взять себе любое платье, препятствовать этому он не собирался.

Частухин выглянул в коридор, но Вареньки там не было. Она ушла, не дождавшись конца разговора.

— Видите, какой трудный характер, — расставаясь в коридоре с Частухиным, сокрушенно вздохнул Савва.

— Вот она, благодарность за то, что я столько лет ее выхаживала, — металась по комнате Капитолина Николаевна.

— Тебе жаль расставаться с дойной коровой, — иронически усмехнулся Савва и достал из кармана папироску. — Но мы еще будем кушать масло, любовь моя. Из рук Саввы Адикитопуло еще никто не вырывался.

По обыкновению он произнес эти слова без угрозы, с мягким южным юморком, но у Капитолины Николаевны похолодели руки. Она будто впервые увидела настоящее лицо мужа. Для него улыбка служила привычной маской, под которой скрывался жестокий, расчетливый себялюбец, упорно не желающий трудиться. И она испугалась. Ей представилось, в какой страшный омут он успел затянуть ее. Она уже давно тяготилась связью с ним, но, к несчастью, он говорил правду: вырваться из его рук было очень трудно.

XXI

Варенька Заречная и Маруся Логовская встретились в общежитии, совершенно не подозревая, что их отцы давнишние друзья. Правда, когда Анастасия Михайловна впервые назвала Варенькину фамилию, Маруся вспомнила Александра Константиновича, но, знакомясь с его дочкой, она даже не подумала о нем. Худенькая, черноволосая, несмелая, в стареньком, коротком платьице, она даже отдаленно не напоминала своего энергичного, большого, физически крепкого, франтовато одевающегося отца. И для Вареньки фамилия Маруси не была нова. О Логовском часто вспоминали в семье отца, но это было давно и, главное, далеко отсюда.

В большой комнате, куда вошла Варенька, находилось шесть девушек. Кончилась рабочая неделя, и они, вернувшись с короткой смены, занимались своими домашними делами.

Варенька знала, что ее зачислили в ту самую бригаду, в которой работала Нина. Но в комнате ее не оказалось. И потому, поислав школьную подругу глазами, она, обращаясь ко всем, тихо проговорила:

— Мне бы Логовскую.

На столе, установленном посередине комнаты, гладила блузку красивая, рослая девушка. Вскинув голову, она отбросила назад светлые, шелковые волосы, которые

мягко легли на ее крутые плечи, и поставила горячий утюг на пустую банку из-под консервов.

— Заречная?

— Да.

— В нашем полку прибыло, — улыбнулась девушка и, выйдя из-за стола, направилась к Вареньке. — Ну, давай знакомиться. — Она первая протянула свою сильную, красивую руку. — Маруся.

А девушки тут же пояснили:

— Наш бригадир.

— Твоя учительница.

— Комсорг.

— Лучшая ткачиха фабрики.

— Чемпион области по метанию копья. И вообще... заводила, — кусая белую булку, заключила пятая.

С откровенным любопытством разглядывая Вареньку, все они, бросив дела, столпились возле своего бригадира. В их отношениях между собой чувствовалась та непринужденность, какая бывает только среди хороших, делами проверенных друзей.

Варенька назвала себя и смущенно пожала руку своей наставницы.

— Ну, а это наша бригада, — представила Маруся девушек. — Вот, пожалуйста, знакомься: Женя — задир, Тоня — модница, Клава... о ней помолчим. Она обижается в любом случае. Если о ней говорят — почему вспомнили? Если молчат — почему забыли?

— И совсем это даже не так. — Длиннолицая, с колючими зеленоватыми глазами и острым, чуть выдвинутым вперед подбородком, Клава оскорбленно поджала тонкие, резко очерченные губы.

— Заметно, — добродушно улыбнулась Маруся. — А это наша Соня... Ну, когда ты перестанешь жевать? Фигуру испортишь! — Она вырвала из рук полненькой, розовощекой подружки булку и под смех девушек принялась ее доедать.

Варенька тоже засмеялась. Ей стало хорошо среди этих простых, веселых, приветливых девчат.

— Кто еще остался? — прожевав кусок булки, усмехнулась Маруся. — Ах, Римма! Джульетта на сцене! — она указала рукой на девушку, которая перед зеркалом расчесывала длинные каштановые волосы, и спросила: — А где наша Джульетта в жизни?

Тихо скрипнула дверь. В комнату вошла Нина, на ходу вытирая полотенцем мокрое лицо.

— Легка на помине, — засмеялась Женя.

Увидев Вареньку, Нина бросилась к ней. Подруги обнялись.

— Пришла? Ну и правильно! — Нина поцеловала Вареньку, посмотрела на нее и улыбнулась: — Все такая же. Только ростом стала повыше.

А о том, что видела Вареньку в ресторане, — ни слова. Вчера с Елизаветой Васильевной условились: если Варенька пойдет на фабрику, ничего ей не говорить, войдет в рабочий коллектив, сама поймет, что хорошо, что плохо...

— Я совсем забыла, что вы знакомы, — улыбнулась Маруся.

— Да еще как! — весело засмеялась Нина. — В школе на одной парте сидели

— Это хорошо, когда встречаются друзья, на душе радостно бывает. — Маруся кивнула головой и указала на широкий мягкий диван: — Спать пока будешь здесь. Через несколько дней освободится кровать. — Она с мягкой улыбкой посмогрела на Нину. — Ты, вероятно, не знаешь, Заречная, что твоя школьная подруга собственной семьей обзаводится?

— Как собственной семьей? — не поняла Варенька.

— Об этом мы еще поговорим, — с легкой усмешкой сказала Нина. — А в отношении кровати не беспокойся. Фабком обещал нам квартиру в новом доме.

Варенька хотела спросить: кому это нам? Но вдруг все поняла. Стесняясь своей несообразительности, она густо покраснела и крепче сжала пальцы подруги, которые держала в своих руках.

— Вот и займешь ее место, — будто не заметив смущения девушки, спокойно заключила Маруся. — Постель и белье мы на тебя уже получили. Эта тумбочка — твоя, распоряжайся ею. А где твои вещи?

— Я их... потом принесу, — немного замялась Варенька.

— Когда хочешь, — согласилась Маруся.

— Мне переодеться надо, — будто извиняясь перед Варенькой, сказала Нина и стащила с шеи полотенце.

Девушки обступили новенькую. По их глазам было заметно, что у каждой успело накопиться не меньше де-

сятка вопросов, на которые хотелось немедленно получить ответ. Но Маруся, которой Анастасия Михайловна подробно рассказала о Варенькином трудном детстве, решила иначе.

— Дайте ей хоть оглядеться, — остановила она подруг. — А наговориться еще успеем.

Рассудительная Мария пользовалась непререкаемым авторитетом. Хотя девушкам и не хотелось уступать, они все же вернулись к своим занятиям.

Варенька потопталась на месте и, не зная, что делать, села на край дивана.

Сейчас же рядом оказалась Тоня — хрупкая сероглазая девушка в нарядном штапельном халатике, заколотом на груди небольшой, затейливой брошкой. В руках она держала пяльцы с туго натянутой тканью, на которой радугой шелковых нитей пестрел недавно начатый узор.

— Вышивать умеешь? — спросила она.

— Немного, — застенчиво улыбнулась Варенька.

— Нравится? — Тоня показала свою работу.

— Хорошо, — похвалила Варенька и, подумав, продолжила: — Но если это для блузки, то лучше получилось бы накидкой.

— Как это, накидкой?

Варенька взяла пяльцы и показала особый способ вышивки, которому несколько лет назад ее научила мама Таня.

Заинтересовавшись, девушки снова обступили Вареньку. На этот раз Логовская не считала нужным останавливать их и, включив утюг, сама под села на диван.

— А ну-ка, покажи, какие тут хитрости...

Со слов бабушки Варенька знала, что бригада Марии Логовской считалась на фабрике одной из лучших.

— Для всех примером служит, — утверждала Елизавета Васильевна.

В дружный, слаженный коллектив подобрались беспокойные, трудолюбивые девушки-комсомолки, признающие работой только ту, что делалась с огоньком.

— Чего зря небо коптить? — с хорошим, молодым задором говорили они. — За ткацким станком нужно не тлеть, а гореть, чтобы ткани свое тепло передать. Тогда она любому сердцу милой будет.

— Не урони себя, внученька, — напутствовала Вареньку Елизавета Васильевна. — Народ там славный,

способный. Будь достойной их. И еще помни: в рабочий класс вступаешь!..

Показывая, как вышивать накидкой, Варенька волновалась. Чуть заметно дрожали руки. Но в душе радовалась, что так легко и просто входила в эту новую семью.

Прошли какие-то минуты с того момента, как она впервые переступила порог комнаты, познакомилась с девушками, а ей казалось, что она здесь давно и всех знает многие годы. Пожалуй, если бы не дикая выходка тети Лины, она бы не рискнула сразу прийти сюда, возможно даже попыталась бы уговорить бабушку не менять квартиры. И все бы тогда сложилось по-другому. А то ведь, распаленная ссорой с теткой, она выскочила в коридор, обняв бабушку, пожаловалась: «Не дают вещей». И, стараясь не разрыдаться, убежала. По дороге в общежитие немного успокоилась, а потом возникла мысль: «Как встретят?»

«Видно, правду говорят,— про себя усмехнулась девушка.— Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

За окном раздался негромкий свист.

Нина встрепелась и будто засветилась.

— Мне нужно идти, а мы так и не успели поговорить,— сказала она Вареньке, поправляя тщательно выглаженный воротничок.

— Иди, иди кирпичи считать,— незлобно усмехнулась Женья.

Смуглая, подвижная, с резкими, угловатыми движениями, она отличалась крутым характером, откровенностью суждений и, как говорится, в карман за словом не лезла.

— Какие кирпичи? — отмахнулась Нина.— Там уже полы красят.

— Неужели? — притворно удивилась задиристая подружка.

— Наверное, уже кончили,— загорячилась Нина.— И они там что-то в масло добавляют, чтобы краска быстрее сохла.

— Ах, и им не терпится? — Женья еще хотела подтрунить над подругой, но не выдержала серьезного тона и громко расхохоталась: — Эх ты, Джульетта! Нам ведь тоже хочется поскорее на свадьбе погулять. Так что на ваш дом поглядываем, в курсе событий.

— Так чего ж ты? — укорила ее Нина. — Меня ведь ждут.

Она схватила со спинки кровати цветастый шарфик и выбежала за дверь.

С дивана поднялась стройная, немного бледная Римма. Слегка откинув голову назад, она плавно провела тыльной стороной руки по густым каштановым волосам, заплетенным в тугую длинную косу.

Раскинь свою завесу, ночь,
Пособница любви, закрой глаза
Идущим мимо людям, чтобы мог
Ромео мой попасть в мой объём
Невидимо, неведано для всех, —

с чувством продекламировала она и улыбнулась: — Мне на репетицию пора.

— Ой, мы ведь в кино собрались, — схватив за руку Клаву, вспомнила Женя. — Скорее, еще успеем.

— А мне в библиотеку, — вздохнула Соня и позвала Тоню: — Пойдем вместе.

— Нет, — отказалась она. — Сегодня я танцую.

Девушки торопливо переодевались, прихорашивались. В комнате сразу стало суматошно.

— Ну вот, пожалуйста, — укоризненно качнула головой Маруся, — и каждую субботу в этот час у нас сумасшедший дом, кто в лес, кто по дрова.

— Тебе бы, конечно, хотелось, чтобы мы строем двинули на стадион, — съязвила Женя.

— А что? Спорт укрепляет.

— Еще бы, в здоровом теле — здоровый дух! Но только мы договорились раз и навсегда: на стадион — по воскресеньям. Завтра. — Женя глянула на часы и ужаснулась: — Клава, бегом, в нашем распоряжении четыре минуты!

Одна за другой девушки покидали комнату.

— Пойдем в сад, потанцуем, — пригласила Вареньку Тоня.

— Сегодня не хочется.

— А ты никуда не собираешься? — поинтересовалась Маруся.

— Нет.

— Тогда оставайся здесь хозяйкой. Хочешь почитать — книги на полке, бери любую. Скоро вернется Соня, она скучать не даст.

Девушки улыбнулись Вареньке и вышли.

— Дичится немного, конфузится, — спускаясь по лестнице, заметила Тоня.

— Привыкнет, — убежденно отозвалась Маруся.

А Варенька, оставшись одна, прошла по комнате, закинула руки за голову и негромко засмеялась.

Она всем сердцем чувствовала, что в ее жизнь вливается что-то новое, большое, хорошее, чего она еще до конца не успела узнать, но присутствие которого вокруг постоянно ощущала.

XXII

Ровно в семь часов двадцать минут на тумбочке, освещенной косым лучом утреннего солнца, зазвенел будильник.

Маруся сладко потянулась в постели и решительно вскочила на ноги.

— Подъем!

Она подбежала к розетке, укрепленной рядом с дверью на стене, и включила радио.

— Доброе утро, товарищи, — слышался громкий и внятный голос диктора. — Вы приготовились к гимнастике?

Девушки поднимались с меньшим энтузиазмом, нежели их бригадир. А Соня даже натянула на голову одеяло.

— Вставай, — смеясь, толкнула ее в бок Женя, соседка по кровати.

— Ну, дайте хоть в выходной день поспать, — хватаясь за одеяло, рассердилась Соня. Она повернулась на другой бок, но сон уже исчез.

Маруся подошла к Вареньке и приветливо улыбнулась.

— Ну, как спалось на новом месте?

— Хорошо.

— Физкультурница?

— Нет.

— Плохо, — продолжая улыбаться, мягко упрекнула Маруся. — У нас в бригаде все занимаются спортом.

— Ясно.

Варенька соскочила с дивана, на котором спала.

— Начнем с ходьбы, — командовал диктор. — Шире расправьте плечи. Шагом марш!

Понеслись четкие звуки рояля.

Соня открыла глаза, посмотрела на занимающихся физзарядкой подруг и села на кровати, подтянув к подбородку колени.

— У всех бригады как бригады, а у нас вечный бег с препятствиями, — зевнула она. — Все время куда-то спешим, кого-то догоняем, перегоняем. А почему не подремать?

— Раньше всех легла — и не выпалась, — отводя левую ногу назад, иронически усмехнулась Женя. — Твои родители проявили удивительную прозорливость, наделив тебя таким дремотным именем.

— Но раз в неделю я могу поспать досыта? — возмутилась Соня.

— Конечно, можешь, — с подчеркнутой серьезностью сказала Женя, легко сгибая свое молодое, упругое тело.

— На заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит, — готовясь к новому упражнению, засмеялась Римма.

— Ах так? — Соня вскочила с постели. — Сейчас я вам испорчу настроение, и все вы пожалеете, что не всхрапнули сегодня лишний часок. — Она выбежала на середину комнаты и вскочила на стул. — Слушайте! Вчера, — начала она с расстановкой, — Галина заявила, что двести сорок оборотов главного вала в минуту — не предел! Ее бригада решила дать двести сорок пять.

— Поставьте ноги шире плеч, — распорядился диктор, но девушки не тронулись с места.

— Ты это серьезно? — спросила Тоня.

— Это вы там, на танцах, шутить привыкли, — огрызнулась Соня. — Она о компенсирующей вилочной решетке говорила и что станки пужно закрепить анкерными болтами.

— Что-то не верится, — сомневалась Тоня.

— Почему не верится? — возразила ей Женя. — Недавно мы сами не думали, что дадим двести сорок оборотов, а сейчас эта скорость стала обычной для всей фабрики.

— А где Галина выступала? — поинтересовалась Клава.

— Вчера в клубе устный журнал проводили. Я случайно в библиотеке узнала.

— Опять клубники не известили, — с досадой взмахнула рукой Нина и, подойдя к Вареньке, сказала: — Будто назло делают. Всегда нас забывают.

— Жаль, конечно, что нас там не было, — выступила вперед Маруся. — Галку стоило послушать, девушка смышленная. Только и двести сорок пять не предел.

— Марийка, — укорила ее Соня.

— Кировцы? — удивилась Римма. — Но они приходили к нам, спрашивали, учились.

— А теперь мы пойдем к ним за советом, — продолжала Маруся. — Нормальные товарищеские отношения.

— Бегом марш! — скомандовал диктор.

— Бегом марш! — улыбувшись, повторила за ним Логовская и, согнув руки в локтях, первая двинулась по кругу.

— Ну, если не спать, так и от других не отставать, — засмеялась вдруг Соня, подстраиваясь к подругам.

Перед завтраком Маруся опять подошла к Вареньке.

— Пойдем с нами в столовую, а оттуда — прямо на стадион.

Варенька замялась.

— Я не знаю... Я не хочу...

— Денег нет. — догадалась Женя и лукаво подмигнула: — Ничего, бригадир заплатит, она у нас богатая.

— Нет, нет...

— Чего нет? Бригадир ведет нашу общую кассу. Ясно? Получишь зарплату, отдашь деньги, — пояснила Нина.

— Это правда? — Варя обвела вопрошающим взглядом лица девушек. — Так можно?

— Ты такое слыхала: один за всех, все за одного? — Мария улыбунулась и взяла ее за руку.

«Вот ведь как живут!» — мысленно восторгалась Варя.

Но то, что дальше произошло, окончательно вывело ее из равновесия.

После завтрака, прежде чем отправиться на стадион, девушки зашли в магазин, остановились в отделе готового платья и, указав на витрины, сказали Вареньке:

— Выбирай.

— Вы шутите? — растерялась она.

— Да ты выбирай, — снова подмигнула Женя. — У бригадира денег хватит.

Варенька даже не нашла слов, чтобы отказаться. Она стояла, прижав руки к груди, испуганно таращила глаза и отрицательно трясла головой.

— Ну и упрямая ты, — рассердилась Клава и попросила продавщицу. — Пожалуйста, покажите нам вот это голубое платье.

— Почему голубое? — запротестовала Римма. — Ей больше подойдет розовое.

— А куда ей эти оборки? — возразила Тоня.

Девушки заспорили.

— Ну скажи, какое тебе больше нравится, — обратилась Нина к Вареньке.

Та вдруг рванулась с места, словно хотела убежать, потом остановилась и, прислонившись к прилавку, заплакала.

Покупатели, оказавшиеся вблизи, сразу всполошились.

— Что случилось?

— Что-нибудь потеряла?

— Чем горю помочь?

— Расцветка не понравилась, — созорничала находчивая Женя.

Пожилая женщина укоризненно покачала головой.

— И до чего ж человек привередлив бывает. В старое время о таких платьях мы даже не мечтали. Холстины домотканой радовались. А теперь шелк, так, вишь, расцветка не по душе!

Пока Женя слушала старушку, подруги увели Вареньку в примерочную.

— Ну чего ревешь? — накинулась Клава. — Со всего магазина народ сбежался.

— Погоди, — остановила ее Маруся и протянула Вареньке платок. — Ну-ка утрись... Мы ведь не подарок тебе покупаем, а твои деньги тратим.

— У меня их нет.

— Зато у нас есть. Мы наши зарплаты складываем вместе, получается столько, что можно купить любую вещь, в эту полочку — одной, в следующую — другой. Но деньги каждой считаем строго. И потому за платье мы удержим с тебя до копейки? Поняла?

— Кажется... да.

— Так покупаем платье? Или денег жалко?

Нет, Варенька денег не жалела.

— Надо сразу купить ей и туфли,— предложила Нина.

— Носки,— поддержала Соня.

— Словом одеть надо по-настоящему,— заключила Тоня.

Варенька было успокоилась, но, опять посмотрев на девушек, залилась слезами.

— Перестань,— строго сказала Маруся и, обняв, ласково добавила:— А то мы так и на стадион не успеем сегодня...

Полчаса спустя веселой, шумной стайкой неслись девушки по залитой солнцем улице. Встречные парни на них заглядывались, старики и старухи довольно улыбались и, наверное, вспоминали свою молодость.

Когда девушки вышли на спортивное поле, в центре его с копьём в руке стояла, точно из бронзы вылитая, сильная, крепкая Галя Ковальчук.

— Соперница в труде, в спорте и в любви.— Женья лукаво подмигнула Марусе.

— А при чем тут любовь? — спросила та.

— Сорока на хвосте принесла.

— Скажи той сороке, если поймаю, быть ей без хвоста, засмеялась Логовская и, проследив за полетом брошенного Галей копьё, определила: — Неплохо, метров пятьдесят...

— Пожалуй, перекроет твой рекорд.

— Ну что ж, в спорте побеждает сильнейший,— ответила Маруся и добавила:— У нее левая рука отстаёт, надо сказать.

— Зачем? Чтобы тебя побила?

— Женька!

— Не кипятись, я пошутила. Пойдем к ней. Я ведь знаю, тебе не терпится потолковать о скоростях.

— Она умница, люблю ее,— призналась Маруся и обратилась к Вареньке:— Каким спортом будешь заниматься?

— Не знаю.

— Ну посмотри, поищи, что сердцу ближе, а мы пойдем. Только ты не стесняйся, здесь все свои.

Мимо, волоча за собой тяжелый молот для метания, шагал коренастый, широкоплечий парень в белой майке с красной полосой через всю грудь. За ним едва поспе-

вали его родители. По их счастливым лицам было видно, что они очень гордятся своим могучим сыном.

Готовясь к прыжку в воду, на вышку поднялась женщина.

— Мама! Мама! — сидя рядом с отцом на скамье, замахали ей руками два мальчугана.

Варенька улыбнулась, хотела подойти к ним, но побежала Нина.

— Ты не представляешь себе, как я рада, что мы опять вместе, — заправляя волосы за уши, засмеялась она. — Девчата у нас хорошие, ты их обязательно полюбишь.

— Я их уже люблю, — раздумчиво произнесла Варенька и спросила: — Как мама?

— Спасибо, хорошо. Она в колхозе, с сестрой и братом. Им там не плохо, колхоз богатый. Да и я помогаю. Но все же хочу сестру сюда взять. У них там неполная средняя школа, а мне хочется, чтобы она в институт пошла. Это будет первая Березина с высшим образованием.

— Ну, а кто... он?

Для Вареньки это была новая тема. Поэтому она постаралась задать вопрос так, чтобы не выдать смущения, которое невольно охватило ее.

Но старшую по возрасту Нину ей провести не удалось. «Тушуетса, — удовлетворенно отметила Нина. — Даже покраснела...»

Теперь она могла с уверенностью сказать, что ее подруга попала в ресторан случайно.

— Вечером ты его увидишь, — пообещала Нина. — Это наш помощник мастера Николай Бурматов.

Сзади подбежала Тоня и обняла подружек.

— Идите в волейбол играть!

Девушки охотно согласились.

— Ты помнишь, как в пионерском лагере мы из-за волейбола опаздывали к обеду? — засмеялась Нина.

— И ожесточенно спорили с мальчишками из-за площадки, — добавила Варенька.

Маруся вернулась часа через полтора.

Ее сразу окружили девушки.

— О чем договорились высокие стороны? — с напускной строгостью осведомилась Римма.

Логовская улыбнулась.

— Как и следовало ожидать, не останавливаться!

— Значит, опять скачки с препятствиями? — притворно вздохнула Соня.

— Не отставать же нам, — спокойно возразила Мария.

Подруги поддержали:

— Еще что!

— Соня шутит...

— Вот это мне нравится, — подбоченилась Женя. — Равнение на нашу бригаду!

— Положим, уже не на бригаду, а на весь комсомольский комплект, — усмехнулась Клава. — Но и это надолго ли?

— А в таком деле, чем нас скорее обгонят, тем лучше, — засмеялась Нина.

— Каюсь, девочки, но к такой философии никак приучить себя не могу. — Тоня молитвенно сложила руки на груди. — Признаюсь в порядке самокритики, люблю быть первой...

Ее прервала Мария.

— Кстати в порядке той же самокритики скажем, что мы далеко не первые. Есть лучше нас, — засмеялась она и обратилась к Вареньке: — Еще ничего не рассмотрела?

— Я играла в волейбол.

— Хорошо. А может, копье попробуешь?

— Я не умею.

— И я когда-то не умела. Смотри, — Мария подробно объяснила, как следует метать копье. — Ну, пробуй. Варенька неуверенно взяла копье.

— Отлично метнешь — в бригады попадешь, — пошутила Женя и пояснила: — Во всех трех сменах нашего комплекта бригады — копьеметательницы.

Варенька внимательно слушала свою наставницу. Она старалась сделать все так, как показывала Маруся, стремительно разбежалась и метнула копье. Но в тот самый момент, когда разжимала пальцы, оступилась. Копье сильно отклонилось вправо и, описав небольшую дугу, невдалеке воткнулось в землю.

Мария улыбнулась.

— Ну что ж, для первого раза совсем не плохо...

Вечером девушки в клубе слушали концерт художественной самодеятельности.

Римма с большим вдохновением прочитала отрывок из «Молодой гвардии».

Ей долго и дружно аплодировали.

Выступали певцы, танцоры, гимнасты.

В антракте молодежь вышла в просторное, ярко освещенное электрическим светом фойе.

Тоня закружилась в вальсе с каким-то пареньком.

«Первая»,— мысленно улыбнулась Варенька, наблюдая за легко танцующей подругой.

Число вальсирующих пар быстро увеличилось. Уже кружились по залу Женя, Соня, Клава, Маруся.

Над их головами парили разноцветные шары. Пугались и рвались узкие ленточки серпантина.

Нина танцевала с Николаем.

Стройный лейтенант, слегка наклонившись, пригласил Римму.

Чтобы скрыть радость, вспыхнувшую в глазах, она поспешно приспустила веки и, учтиво улыбнувшись, скромно пошла вперед.

Варенька выбрала себе место подальше от центра, рядом с белой колонной. Здесь было меньше народу, но зато видно всех.

Закончился первый танец, начался второй.

И вдруг Варенька услышала:

— Вы танцуете?

Девушка испуганно вскинула голову.

Перед ней стоял худощавый хорошо одетый молодой человек в очках.

— Вы мне?.. — растерялась она.

— Да. Пойдемте танцевать.

Варенька беспомощно посмотрела вокруг. Неожиданно взгляд ее встретился с глазами Марии. Та улыбалась и, словно подбадривая свою воспитанницу, одобритительно кивала головой.

Девушка нерешительно положила левую руку на плечо молодого человека и с ужасом отметила, что почти не различает музыки. Она наступила на носки туфель своего партнера раз, другой, смутилась, хотела вырваться и убежать. Но в этот момент он улыбнулся ей так просто и сердечно, что она как-то сразу успокоилась и отдалась во власть его сильных рук.

Точно подхваченные стройными звуками музыки, они легко понеслись по кругу.

XXIII

Варенька с волнением переступила порог цеха, мягко освещенного лампами дневного света.

Ровными шеренгами выстроились отдыхающие станки. Тихо. Немного пахнет горелой смазкой и еще чем-то сладковатым.

— Пойдем.— Мария взяла за руку свою ученицу, провела по широкому центральному проходу почти через весь зал и остановились у крайних станков.— Ну вот, здесь мы и работаем.

Варенька увидела всех девушек из бригады. Они озабоченно хлопотали возле своих станков.

Ближе всех оказалась Женя. Она засмеялась и подмигнула.

— Не робей!

— Станок ты, конечно, не знаешь? — спросила Маруся.

— Нет.

— Не беда, все в свое время. А сейчас давай обметим и смажем нашу технику. Дело не особенно сложное, но запомни: только с него начинай свою смену. Машина, как человек, уход любит. Да и умна она, когда не дурак на ней работает.

Разговаривая, Маруся показала, где какие детали и как следует протирать. Затем она взяла длинноносую масленку из белой жести.

— Со смазкой будь поаккуратнее, — пояснила она.— Попадет масло на ткань — грубейший брак.

— За него раньше рогожное знамя вручали, — подойдя к девушкам, пошутил Бурматов, среднего роста светловолосый крепыш. Он поздоровался с бригадиром и посмотрел на ученицу.— Так вот она какая, наша новенькая. Хороша.

— Полно-ка тебе девушку смущать, — одернула его Маруся.

— Так ведь я ничего плохого. Просто Нина сказала.

— А я, представь, и не догадалась, откуда тебе ведомо, — иронически прищурилась Маруся и смягчилась: — погоди, Коля, у меня к тебе дело. Одну минутку.— Она снова обратилась к Вареньке: — Чтобы масло потекло из носочка, нужно масленку слегка наклонить и нажать большим пальцем вот эту кнопку. Она воздух пропускает.

Маруся показала несложное устройство, удобно расположенное недалеко от ручки. В знак того, что все поняла, Варенька кивнула головой. Смазав один станок, ткачиха поручила ей смазать другой.

— Только с кнопкой поосторожнее, не наследи, — еще раз предупредила Маруся и, наблюдая за действиями своей ученицы, заговорила с помощником мастера: — Вчера я с Галиной толковала, потом с нашими девчатами.

— Нина говорила.

— Опять Нина, — с напускным возмущением укорила Маруся.

— Так она ведь для дела, — смутился поммастера.

— Я пошутила, — мягко улыбнулась ткачиха. — Только скажу откровенно, на твоем месте я бы выбрала другую тему для беседы с девушкой.

— А мы обо всем понемногу. И потом, разве Нина может не говорить о фабрике.

— А ты как?

— Да и я люблю потолковать, — засмеявшись, признался он. — Родная она мне. Здесь и отец работал, и дед. Да и Нинина родня — фабричная.

— Ну, а что скажешь о наших предложениях?

— Мы еще раньше вас со сменщиками прикидывали.

— Ах вот как! — обрадовалась Маруся. — Ну и что?

— Да кое-что нащупали, — улыбнулся Николай. — В общем, собраться надо, потолковать.

— Правильно.

Ровно в шесть часов утра, извещая о начале работы, зазвенел звонок, загорелись сигнальные лампы.

Один за другим включали ткачихи в работу станки.

Маруся подошла к своей ученице.

— Посмотри, как работают наши девчата, — крикнула она, но из-за нарастающего шума работающих машин Варенька ее едва расслышала. — Привыкай. Вязи узлы. Смотри. — Мария взяла нить, пальцы ловко крутили концы и завязали прочный узел.

Варенька попробовала сделать то же, но ее постигла неудача. Концы нити легко разошлись.

— Ты не торопись, — посоветовала Маруся и медленно показала, как следует завязывать узел.

Ученица повторила попытку. На этот раз, правда,

опять не без помощи учительницы, узел все же завязался.

— Вяжи! — подбадривая ее, улыбнулась Маруся и пошла вдоль своих станков.

Варенька понимала, что Мария давала ей время осмотреться, привыкнуть к цеху, к машинам, ко всей фабричной обстановке.

«Заботливая, потому, наверное, и бригадиром поставили», — подумала Варенька.

Подбежала Женя.

— Как дела? — над самым ухом крикнула она.

— Узлы вяжу.

— Вяжи, дело нужное, пригодится, — она засмеялась и умчалась к своим машинам.

Тоня и Нина помахали издали руками. Соня показала что-то на пальцах, но Варя ее не поняла. Римма и Клава улыбнулись ей. А она смотрела на старших подруг и любовалась ими. Увлеченные работой, они были особенно красивыми, сильными, одухотворенными.

До перерыва оставалось немногим больше часа, когда Маруся позвала ее к себе.

— Привыкла к станкам? Не боишься их?

— Не так чтоб очень... Вот только все движется, вертится, шумит... Волнуюсь.

— Это сначала. А как узлы?

— Вяжу, только медленно очень.

Мария, еще что-то хотела спросить, но остановился станок, и она поспешила к нему. Быстро найдя оборванную нить, она связала ее, дослала челнок в коробку и включила скорость.

— Что-то плохо он сегодня грудится, — проводя рукой по туго намотанной на вал ткани, недовольно заметила она, искала кого-то глазами по цеху и попросила: — Варя, сходи, пожалуйста, к Николаю, он возле Клавы, скажи, когда освободится, пусть подойдет ко мне.

Опустив руки и удерживая ими платье, чтобы оно не топорщилось, Варенька опасливо двинулась между станками.

— Смелее, — напутствовала Женя, когда она проходила мимо.

— Не получается.

Передав поручение Бурматову, она вернулась вместе с ним. Маруся что-то коротко ему объяснила. Он

кивнул головой, внимательно посмотрел на станок, сверху, а затем с одной стороны, с другой, остановил его и, выбирая из металлического ящика нужный инструмент, попросил:

— Послужи разок, ученица, принеси масленку.

Варенька тут же направилась к окну, возле которого в шкафчике хранились запасные части и подсобный инструмент, взяла с подоконника масленку, круто повернулась и вдруг почувствовала себя плохо: закружилась голова.

«Что это? — удивилась девушка. — Наверное, от шума...»

Пересилив себя, она поспешила к помощнику мастера, но, очутившись между работающими станками, почувствовала себя еще хуже. Пол вдруг будто закачался под ногами, скользнул куда-то в сторону и вверх, широкие окна вытянулись, изогнулись.

Чтобы не упасть, Варенька прислонилась левым боком к станку и, плохо соображая, что делает, подняла руку, в которой держала масленку, к голове. Тыльной стороной ладони провела по лбу.

И в этот момент большой палец нажал кнопку на масленке. Из длинного жестяного носика потекла густоватая янтарная струйка на товар и, жадно впитываясь в него, растекалась лужицей.

Очнулась Варенька оттого, что кто-то сильно встряхнул ее за плечи. Она открыла глаза, увидела перед собой обеспокоенное лицо Маруси и залитую маслом ткань.

Бурватов, сбросив с концов вала груз, торопился снять ее, пока масло не просочилось сквозь всю толщу.

«Брак!» — ужаснулась Варенька. Хотя она и не видела, как залила маслом товар, но сразу поняла, отчего это случилось.

— Что с тобой? — озабоченно спросила Маруся.

Варенька растерянно посмотрела на свою учительницу, на ткань — и точно сердце остановилось.

«Что я наделала!..»

С трудом сдерживая слезы, она освободила свои плечи от Марусиных рук и бросилась из пеха.

— Чего она? — подбежала к бригадиру Женя.

— Не знаю.

— Куда же она?

— Не сказала.

— Испугалась, наверное. Ничего, это бывает полезно, в другой раз осторожнее будет,— заключила Женя, вернулась к своим станкам и подала знак подругам:— Все в порядке.

— Метра полтора испортила,— определил Николай.— Невелика провинность, но поговорить с ней следует.

— Чего говорить! — ловко заряжая челнок, возразила Маруся.— Не нарочно ведь. Первый день на фабрике... Вот только куда она?

— Успокоится, вернется, никуда не денется.

— Все же поглядеть бы надо... Что-то она слишком побледнела.

— Это тебе так показалось от света.

— Да нет.— Мария подзвала Женю.— Посмотри-ка за моими станками...

Спустившись по лестнице, Варенька пробежала небольшой коридор и очутилась во дворе. Светило солнце, зеленели деревья, пестрыми коврами расстилались клумбы и газоны. Но девушка этого не заметила.

«Что делать? — взволнованно думала она, стараясь разобраться в том, что произошло.— Вернуться? Нет. Помощник мастера сказал, за такой брак раньше рогожное знамя вручали. Рогожное! Стыд какой!..»

На крыльце появилась Маруся.

Варенька сразу ее увидела.

«Меня ищет,— поняла она.— Нет, я не могу глянуть ей в глаза».

Она отступила за куст, осушила щеки ладонью и кинулась к проходной.

— Что-то рано сегодня ты, узнал ее дежурный вахтер.— Наверное, с учета сниматься?

— Да, с учета.

— Привет Елизавете Васильевне.

— Спасибо.

Варенька вышла на улицу. Заскрипев упругой пружиной, за спиной громко хлопнула дверь.

Девушка вздрогнула.

«Вот и отработалась,— защемило сердце.— Куда теперь? В общежитие? Это после того, что произошло!..»

Она не знала, что делают на фабрике с испорченным товаром. Но сейчас совершенно ясно представила себе, будто много раз видела раньше, как на испачканную ткань ставится огромное черное клеймо: «Брак!»

Значит, опять домой?.. Но в ушах звенел разъяренный голос Амелиной: «Больше сюда не возвращайся!..» К бабушке Елизавете Васильевне?.. Она добрая, примет, конечно. Но с какими глазами объяснить ей все, что случилось? Как сказать: «Я не оправдала твоих надежд...»

XXIV

Понуриив голову, Варенька поплелась вдоль тротуара. Остановилась возле одной витрины, возле другой, свернула в сквер. На центральной площадке перед памятником Фрунзе играли в мячик малыши.

— Мне некуда идти. Мне некуда идти, — несколько раз повторила девушка шепотом, устало опустила на скамью, откинулась на ее спинку и закрыла глаза. — У всех есть дом, родные. Они могут пойти к отцу, к матери и хоть пожаловаться им на свои неудачи. А я лишняя, никому не нужная... — И еще что-то старалась она вспомнить. — Тетя Лина... Она сказала... «От тебя родная мать отказалась!» — вдруг отчетливо различила она голос тетки.

— Мама! — вскрикнула Варенька, вскочила со скамьи, опрометью помчалась по аллее, взбежала на мост и остановилась, наткнулась на его чугунные перила.

— Родная мать отказалась, — с ужасом прошептала она и плотно зажала уши ладонями. — Лишняя... Лишняя!

Руки она опустила только тогда, когда почувствовала, что рядом с нею кто-то задержался. Это был невысокий, бодрый старик с голубыми, добрыми глазами. Своей белой бородкой и очками в светлой оправе он напомнил Вареньке ее заботливого спутника, с которым она познакомилась, когда, полная радужных надежд, отправлялась к отцу.

Обеспокоенный возбужденным видом девушки, старик вглядывался в ее лицо. Но, еще не уверенный в своей догадке, он, как бы на всякий случай, восторгался рекой, на которую даже не глядел:

— Не велика, а радует. Вы согласны со мной?

— Да,— тихо произнесла Варенька и постаралась улыбнуться. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что творилось у нее в душе.

Улыбка, видимо, успокоила старика. Отходя вместе с девушкой от перил, он продекламировал:

И шумя, и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

Дойдя до конца моста, они расстались.

— Мис налево,— сворачивая к берегу, сказала Варенька. — До свидания.

— Всего хорошего,— пожелал он ей и приподнял шляпу.

Короткая и, казалось бы, незначительная встреча отвлекла Вареньку от гнетущих душу мыслей. Девушка не спеша прошла берегом, села на траву и долго сидела, обхватив руками колени и не отрывая взгляда от неутомимо бегущей куда-то воды. О чем в это время думала, она, пожалуй, не могла сказать. Мысли прыгали, ни на чем долго не задерживаясь. Вспомнилась бабушка Ульяна, школа, пионерский лагерь, поездка к матери, Константин Ираклиевич Абахидзе: «За угол повернешь — стадион!..»

Варенька грустно улыбнулась, поднялась и побрела прочь от реки.

Она очень любила свой город, его широкие улицы с веселыми, кудрявыми липками вдоль тротуаров, просторные площадки, нарядные скверы, ну, и, конечно, фонтан перед зданием городского Совета. Она не уставала глядеть на серебристые, прозрачные струи, взлетающие стремительно вверх, чтобы, вспенясь там и распавшись легким дождем, сорваться вниз и бесследно исчезнуть в водоеме.

Город с его фабриками и заводами всегда представлялся ей беспокойным, заботливым и неутомимым тружеником, который, усердно проработав днем, не затихал и на ночь. Гулко дышали цехи и словно тысячи дружных сердец неутомонно стучали станки. С каждым годом город молодел, хорошел и непрерывно строился. Устарели и навсегда забылись мрачные названия отдельных райо-

пов: Ямы, Голодаихи, Рылиха, Графская земля... Из края в край пролегли широкие, прямые магистрали Мира, Дружбы, Коммунизма, проспекты, названные дорогами сердцу именами. В строй, многоэтажных домов уверенно становились новые здания. Одни из них стояли еще окруженные строительными лесами, а к другим уже спешили радостные новоселы. Автомашин, нагруженные домашними вещами, стали обычным явлением. Одна из таких машин поравнялась с Варенькой, когда она собиралась перейти дорогу.

В кузове, до отказа наполненном скарбом, взобравшись на сервант, сидел, видимо, отец семейства. В руках он держал ошестинившийся острыми иглами кактус, левым локтем прижимал перевернутую вверх ногами картину, правый локоть утонул в большом шелковом абажуре. Ниже, в кресле, сидела дочь, а еще ниже, на чемоданах — сын. Мама, с хрустальной вазочкой в одной руке и будильником — в другой, занимала место в кабине. Ей было удобно ехать, но она беспокоилась об остальных членах своей семьи, едущих в кузове.

— Остановите машину, — властно приказала она шоферу и, едва тот нажал тормоз, высунулась из окошка кабины: — Как у вас там?

— Хорошо, Милочка, — ответил папа, только что ткнувшийся носом в колючий кактус.

— Вера, держи Женю, — приказала мать дочке.

Но Вера не могла держать брата, руки ее были заняты книгами и гитарой с голубым бантом.

Это сразу понял папа и потому быстро внес поправку:

— Женя, держись за Веру.

Однако и это распоряжение оказалось невыполнимым. Маленький сынишка вез щенка.

— Миша, держи их обоих, — заключила супруга.

— Ладно, — усмехнулся супруг, в руках которого находился кактус.

Что делалось в кузове, маме не было видно, но она все же успокоилась.

— Можно ехать, — разрешила она шоферу, но тут же остановила его: — Минутку.

Водитель машины терпеливо кивнул головой.

Он знал: все мамы волнуются: до всего у них есть дело!..

А она снова высунулась из кабины.

— Миша, береги кактус, — строго напомнила она.

— Довезем! — бодро отозвался супруг, которому цветок успел доставить массу неприятностей.

Грузовик тронулся с места. Глава семьи успел отвести от своего лица колючее растение и довольно улыбнулся. Автомашина пробежит два-три квартала, все неприятности останутся позади, начнется новая, радостная жизнь!..

«Счастливые», — провозжая взглядом удаляющуюся машину, подумала Варенька.

Она перешла улицу, повернула за угол и с удивлением остановилась.

Прилично одетый молодой человек с трудом карабкался на высокий узорчатый забор, за которым буйно цвела сирень. Уцепившись за железную решетку правой рукой, он, тщетно стараясь нащупать левой ногой опору, повис в неудобной позе.

Возмущенная Варенька собралась было крикнуть на него, но взгляд ее остановился на скромной вывеске:

«Родильный дом Ленинградского райздравотдела».

И она все вдруг поняла.

Одно окно во втором этаже было открыто, из него выглядывала молодая женщина в белом халате с младенцем на руках. К ним тянулся молодой человек.

От нахлынувших чувств Варенька до боли закусила губу.

Приближалась ночь, но Варенька не решалась идти ни домой, ни к бабушке, ни в общежитие. Она, конечно, знала, что ее всюду примут, покричит тетя Лина, огорчится бабушка, посетуют девушки, но на улицу не выгонят. И все же она не шла: смущали первые минуты встречи с ними. И хотя относилась она ко всем по-разному, сердце терзали одни и те же вопросы. Что сказать им? Как посмотреть в глаза?

Погруженная в раздумье, поживаясь не столь от ночной прохлады, сколько от сырости, которой тянуло с реки, она незаметно для себя подошла к дому, где жила. Простояв немного у ворот, она нерешительно пересекла двор, поднялась по лестнице, крадучись, приблизилась к двери и, вдруг круто повернув, сбежала вниз.

— Не могу!

В одном со стоном вырвавшемся слове выразилось нежелание выслушивать оскорбления от тети Лины и

горечь от той обиды, которую принесло бы бабушке Елизавете Васильевне ее неожиданное возвращение.

Выбежав за ворота, она торопливо, будто опасаясь, что за ней погонятся, дошла до ярко освещенной площади и остановилась в тени, под молоденькой липкой.

— Ты, Надька, меня держись, — услышала она знакомый голос и оглянулась.

Нетвердо ступая ногами, Георгий Кудряш вел под руку весело смеющуюся девушку.

Варенька брезгливо вздрогнула и поспешила дальше.

На улице, куда свернула, напилась воды из водопроводной трубы, плохо перекрытой дворником. Плотнее завернула кран, чтобы не набежала лужа на тротуар. Собралась идти дальше. Откуда-то появились двое подвыпивших мужчин. Вели они себя тихо, скромно, но встречаться с ними не хотелось. Хорошо, что рядом оказались ворота большого многоквартирного дома.

Девушка вошла во двор, устало села на первую попавшуюся скамью, сложила на ее спинке руки и опустила на них голову. Веки тяжело сомкнулись, мысли затуманились.

Припомнился отец. Высокий, сильный, красивый. Он стоял на перроне и, прощаясь, махал рукой. Таким он сохранился в памяти.

Но вот поезд тронулся. Часто застучали колеса вагонов. Отец остался где-то вдали и точно растаял. Варенька уже прощается с матерью.

— Поедем со мной, мамочка, — говорит она.

Но, заглушая ее голос, пронзительно свистит паровоз.

И опять мчится поезд, часто стучат колеса.

Вареньке хочется плакать, изо всех сил крепится она, чтобы удержать слезы.

— Лишняя, — с горечью прошептала она, открыла глаза и с удивлением огляделась.

Короткая летняя ночь кончилась.

Светало.

День обещал быть погожим, солнечным.

XXV

Вареньке не хотелось покидать скамью, на которой она нашла пристанище. Протянув поудобнее затекшие

ноги и сильнее откинувшись назад, она еще немного посидела. Неожиданно повеяло утренней прохладой. Почувствовав во всем теле неприятный озноб, девушка поднялась и вышла со двора.

«Куда идти? — спросила она себя и не ответила. — Никто ведь не ждет меня...»

Где-то за домами поднималось солнце. Мягкие, длинные тени растянулись поперек улицы.

Чтобы поскорее согреться, Варенька направилась на освещенную солнцем сторону.

Город просыпался.

Широко и мерно размахивая метлами, дворники подметали тротуары. Женщина в большом резинном фартуке поливала газоны. Зажав конец гибкого шланга сильными пальцами, она разбрызгивала прозрачные струи пышным веером, на концах которого искрилась радуга. Попав под капли живительной влаги, цветы торопливо кланялись своими нарядными головками.

Возле чугунной тумбы, врытой у ворот, свернувшись калачиком, спал старый кудлатый пес. Заслышав приближающиеся шаги Вареньки, он поднял морду, лениво глянул на нее сонными глазами и снова зарылся носом в густую шерсть.

Появились первые пешеходы. С каждой новой минутой их становилось все больше и больше. Со свертками, сумочками, корзинками они куда-то торопились. Лица у всех были серьезные, немного примятые и еще хранившие тепло подушек. Знакомые, встречаясь, здоровались друг с другом. Их голоса гулко разносились.

На идущую мимо Вареньку никто не обращал внимания.

«Никому не нужна», — с грустью думала она и пыталась представить себе, а что случилось бы, если бы ее вдруг не стало на улице.

Она оглянулась, посмотрела по сторонам.

«Ничего, — удивилась она. — Никто даже не заметил бы...»

По дороге пронеслась грузовая машина. Не успевший хорошо разогреться мотор сердито фыркал. Шофер сидел за рулем и глядел прямо перед собой.

Со стороны перекрестка быстро приближался коренастый мужчина в синей рабочей куртке. Он широко шагал крепкими ногами, обутыми в поношенные сапоги,

раскуривал папиросу и, давясь дымом, надсадно кашлял. Он прошел мимо Вареньки, даже не подняв на нее глаза.

— Никому-то до меня нет дела,— горько усмехнулась она.

Из открытого окна многоэтажного жилого дома донесся мелодичный перезвон кремлевских курантов.

«Девчата уже поднялись, им на работу,— вздохнула Варенька.— Интересно, хоть они-то еще помнят ли обо мне? Скорее всего, забыли. А Мария, конечно, рада, что ей не нужно будет возиться со мной...»

Подумала она очень уверенно, но тут же усомнилась, вспомнив лицо Маруси, когда та подбежала к ней в цехе. В глазах девушки не было гнева. Наоборот, она явно тревожилась, пыталась сама угадать, чем может помочь.

«Следом на крыльцо выбежала, искала,— припомнила Варенька.— Может, я зря...— но тут же оборвала мысль.— Зачем это я себя успокаиваю? Кто я ей? Чужая! Да и вообще все кругом чужие...»

На площади проголодавшиеся за ночь голуби держались поближе к кормушкам.

«О них кто-то заботится».— Девушка улыбнулась красивым птицам и остановилась, решая, куда все же ей направиться.

И вдруг услышала:

— Варенька!

Удивленная, она оглянулась и увидела Частухина.

Владимир Григорьевич радостно улыбался и разглядывал ее так, будто не видел несколько месяцев.

— Здравствуйте,— поклонилась девушка.

— Ну, рассказывай. Как устроилась? Как живешь? — поинтересовался он.

— Живу? Хорошо живу,— чуть смутившись, ответила она.

— Так оно и должно быть,— удовлетворенно засмеялся он и показал пузырьки, которые держал в руках.— А я вот из аптеки, до работы решил сбегать. Чудесное лекарство прописал доктор, замечательно помогает жене. Ну, а ты чего здесь?

— Подругу жду.

— Так рано?

— Нам на фабрику.

— Опоздаете.

— Нет, мы бегом.

— Ну-ну,— улыбнулся он и вспомнил: — Да, вещи свои ты можешь взять в любое время. Вчера тетку твою в райсовет вызывали. Шелковой стала! — Он торжествующе вскинул голову и сказал: — Так ты не тяни, заходи.

— Обязательно приду,— пообещала она.

— Ну, прости, тороплюсь.— Он ободряюще подмигнул ей, отступил на шаг и вдруг спохватился: — Ой, чуть не забыл! — Достал из кармана бумажник, вынул из него вначале десять, затем двадцать пять рублей и протянул ей деньги.— Вот бери, бабушка велела передать.

— Разве бабушка знала, что мы сегодня встретимся? — понимая его добрую хитрость, лукаво спросила Варенька.

— О, бабушки всегда все знают,— засмеялся Владимир Григорьевич.

— Спасибо вам, только я обойдусь. У нас в бригаде, — Варенька на мгновение запнулась, но твердо закончила: — один за всех, все за одного.

— Слыхал, хорошие девчата,— серьезно сказал Частухин и сунул ей в руки деньги.— Но ты все же возьми, пригодятся. А я пошел, ждут.

Он улыбнулся, моргнул обоими глазами и поспешно зашагал вдоль тротуара.

Варенька проводила его теплым взглядом.

— Один за всех, все за одного,— прошептала она и подумала: «Почему я не сказала ему правду? Догнать!» Она рванулась с места и тут же остановилась.

«Стыдно...»

Девушка почувствовала, как загорелись щеки.

«Слыхал, хорошие девчата», — вспомнились слова, только что сказанные Частухиным. — Конечно, я могу к ним вернуться. Они действительно хорошие, не прогонят, даже помогут. Но это значит воспользоваться их добротой, великодушием. Честно ли это? Правда, масло пролила я не нарочно. Но разве те, кто допускает брак, делают это умышленно? Но как же тогда быть? Я могу оставаться на улице еще день, другой. Истрачу деньги. Ну, а дальше что? Ах, надо было посоветоваться с Владимиром Григорьевичем. А может, лучше с бабушкой? Прийти, будто за вещами, и рассказать ей все. Вот только раньше булку куплю, есть хочется...»

На противоположной стороне площади у дверей закрытого еще ресторана Георгий Кудряш встретился с приятелем.

— Привет!

— Чего смурной? — шныряя по сторонам трусливым взглядом, осведомился приятель.

— Вчера малость лишнего переложил, голова трещит.

— Так чего ж ты? Клин клином.

— Пустой.

— Так это для нас момент...

Приятель Кудряша вошел в булочную вслед за Варенькой.

В небольшую очередь он стал за ее спиной, слегка толкнул, извинился и потянулся к прилавку.

— Батоны свежие?

— Только что из печки, еще остынуть не успели, — ответил бойкий продавец.

Приятель шмыгнул курносый носом и поскреб пальцем за ухом.

— Что-то они не того, — презрительно пробормотал он и вихляющей походкой направился к двери.

Очередь двигалась быстро.

— Вам что? — обратился продавец к Вареньке.

Она скользнула взглядом по витрине, под стеклом которой лежали румяные булки, сунула пальцы в кармашек платья и невольно вскрикнула.

В кармашке денег не оказалось.

— Руки надо рубить подлецам, — узнав о пропаже, распалилась одна из стоящих в очереди старушек.

— На цепь сажать, чтоб жить не мешали, — поддерживала ее другая. — Или силком заставлять трудиться.

— Как же ты теперь? — озабоченно спросила Вареньку одна из них, с явным намерением предложить небольшую сумму денег взаймы.

— Ничего... Вы не беспокойтесь, — девушка смущенно улыбнулась и тут же выбежала из булочной.

Конечно, было досадно, что у нее вдруг похитили деньги.

«И что это я такая невезучая, — сердилась она на себя. — Или, может быть, бестолковая?..»

Но то, что пропажа вызвала сочувствие совершенно незнакомых людей, успокоило и даже немного развеселило ее.

«Нет, я не одна...»

Девушка подняла голову. Пришурившись, посмотрела на солнышко и засмеялась.

«Я не одна!..»

Вдоль главной аллеи сквера, по которому она шла, на специальных ажурных щитах были выставлены портреты лучших производителей. Среди них Варенька отыскала портрет Маруси Логовской. Остановилась.

— Сердишься? — вглядываясь в знакомые черты подруги, очень тихо, боясь привлечь внимание прохожих, спросила она и виновато улыбнулась. — Я постараюсь, чтобы этого никогда не повторилось... «А что, если я сейчас к тебе приду? — подумала она, слегка потупилась и нерешительно отступила от портрета. — Нет, вначале к бабушке. А может, к бабушке потом? Зачем ее напрасно волновать?.. Напрасно ли? Ведь за такой брак раньше рогожное знамя выдавали!..»

И опять душу девушки охватили сомнения.

«Зачем я сама себя обманываю? На что надеюсь? Ну кто я для них, чтобы из-за меня им неприятности терпеть? А так просто, по работе, кому охота с недотепой возиться? Дядя Савва говорит, живем мы все вместе, но живот у каждого свой. Когда в одном густо, другому от этого не слаще. Вот так и со мной. Я-то, конечно, не хотела ткань испортить, голова закружилась. Но они-то что угодно подумать могут. Всегда, мол, такая. Сегодня масло пролила, завтра еще что-нибудь натворит. Наверное, все радуются, что так быстро от меня отделались...»

Варенька свернула на боковую аллею, устало опустилась на первую попавшуюся скамейку. Сердце тоскливо сжималось, было больно, обидно, хотелось плакать, кому-то жаловаться на свои неудачи. Но кому, если всем и всегда чужая?..

Ярко светило солнце. Девушка откинулась на спинку скамьи, развела в стороны руки, закрыла глаза.

«Совсем как у папы, — незаметно погружаясь в приятно расслабляющую дремоту, думала Варенька. И небо, наверное, такое же голубое. В этом можно было убедиться, но не хотелось открывать глаза. Жаль, днем не видно звезд. На голубом небе они были бы очень красивы, да и само небо выглядело бы наряднее. В центре неподвижное солнце, а вокруг звезды! И не нужно было бы никуда идти. Сиди себе на этой скамейке, щеки к теп-

лу поворачивай. И ладошки. Они до сих пор никак согреться не могут...»

Мимо промчалась тройка мальчуганов. Широко раскинув руки и натужно завывая, они, упоенные игрой, никого и ничего не замечая, изображали стремительно несущиеся истребители.

Приоткрыв глаза, Варенька проводила их завистливым взглядом. Бывает же у людей счастье. А тут поманило денек и опять пропало... Однако сколько здесь ни сиди, а идти домой все же надо. К тому же сейчас, пожалуй, самое удобное время, чтобы явиться туда. Середина дня. Бабушка ушла в магазины за покупками, тетя Лина и Владимир Григорьевич на работе. Значит, дверь откроет дядя Савва. Появлению племянницы он не удивится. Он знал, что она вернется...

Едва Варенька вышла из сквера, заиграли баяны.

Высокий, строгий на вид милиционер на перекрестке повернул голову. Взгляд его сразу потеплел, и он, оставив движение, поднял вверх свою полосатую палочку.

Из-за угла выкатила небольшая колонна легковых автомашин.

На передней, с открытым верхом, ехала счастливая невеста. Она была особенно хороша в своем белоснежном легком платье, с огромным букетом цветов в руках.

Рядом сидел жених — красивый, статный парень.

В следующих машинах разместились баянисты, родные, друзья.

Прохожие столпились по краям тротуаров, чтобы полюбоваться молодоженами, улыбнуться им и мысленно пожелать доброго здоровья и большого счастья. Свой путь начинала еще одна семья...

— Никак, мастер с нашего завода, — узнавая жениха, поправил очки солидный мужчина и обрадовался: — Он самый. Наш!.. А вот ее не припомню, вроде не встречал.

— А она наша, — оглядываясь на мужчину, улыбнулась небольшая, еще не старая, подвижная женщина в модном клетчатом платочке. — Ткачиха с Кировской!

— Так, значит, мы с вами теперь как бы родня, — пошутил он.

— Сваты, — в тон ему ответила она.

Оба засмеялись, поклонились друг другу.

Приветствуя проезжающих мимо новобрачных, мили-

ционер лихо вскинул к козырьку фуражки правую ладонь.

Вместе со всеми Варенька тоже любовалась радостной процессией.

Жених и невеста, сознавая, что являются центром общего внимания, чувствовали себя не совсем ловко. Он еще кое-как бодрился, а она уткнула подбородок в букет и украдкой поглядывала по сторонам веселыми, шаловливыми глазами, отчего казалась еще краше.

«Наверное, вот точно так же ехали папа с мамой, — подумала вдруг Варенька. — Все им улыбались, они были счастливы, любили друг друга. Может, до того, как пожениться, отец, чтобы вызвать маму на свидание, под окошком свистел, подобно Николаю. И так же, как Нина, мама хватала со спинки стула шарфик и торопилась навстречу. Все это было, конечно, хорошо, красиво и радостно. А потом... Как они могли забыть все чудесное и прекрасное?..»

Варенька грустно вздохнула.

«Все хорошее надо старательно беречь, — вспомнила она где-то прочитанные строки. — Беречь хорошее! Этого, наверное, не знали папа и мама...»

Как и предполагала Варенька, на звонок вышел дядя Савва. Однако в дом он ее не впустил.

— Что надо? — спросил он строго и подозрительно.

От стыда и унижения ей стало так горько, что она едва сдержала слезы.

— Я вернулась, — покорно и тихо прошептала девочка.

Черные глаза Саввы Христофоровича торжествующе замаслились.

— Ага! — Он потер ладонью подбородок и приказал: — Жди меня здесь.

Через минуту он снова вышел, на ходу надевая пиджак.

— Пойдем. Тебе пока нельзя сюда.

— Почему? — удивилась Варенька.

— Так надо, — строго оборвал он. Теперь с нею можно было не церемониться. Пришла, значит, будет делать все, что прикажут. А работка для нее найдется!..

Варенька перечить не стала. Не все ли равно куда идти? Она даже была довольна, что не сразу увидит тетю Лину, да и тягостное объяснение с бабушкой откладыва-

лось. К этому разговору Вареньке хотелось как-то подготовиться.

Савва Христофорович торопился. Стремительно спустился с лестницы, не сбавляя шага, быстро проскочил через двор, успев однако убедиться, что его никто здесь не заметил, и выбежал на улицу.

Он ликовал. Не зря, значит, всегда хвалился, что из его рук еще никто не вырывался. Не вырвалась из них и Варвара!..

XXVI

Подруги поняли смятение Вареньки, но не оправдывали то, что она позволила себе недопустимую вольность — убежала.

— И что это она вздумала? — всю смену возмущалась Мария. — Работу бросить! Да разве так кто делает? Придется с нею серьезно поговорить...

Но разговор не состоялся.

Варенька в общежитие не вернулась.

— Ясно, на старую квартиру подалась, — решила Жения и, обняв Марусю, засмеялась: — Я думаю, она правильно поступила.

— Почему? — удивилась Логовская.

— До завтрашнего дня ты остынешь.

— Ну полно вздор-то молоть, — все еще продолжая негодовать, рассердилась Мария.

— А то мы тебя не знаем, — не унималась озорная подруга. — Ты ведь как спичка...

Утром Марусе не терпелось поскорее отправиться на фабрику.

— Куда спешишь? Все равно раньше шести Заречная не придет, — резонно заявила Соня, которая не любила, чтобы ее кто-то подгонял. — Да и наговориться с нею ты еще успеешь.

Но, когда Варенька не пришла к началу смены, заволновались все девушки.

Сперва думали, проспала. Однако время двигалось, а она не появлялась. Потом принялись строить различные догадки, но тут же их отвергали и создавали новые.

— Нужно сообщить Анастасии Михайловне, — решили подруги. — Она знакома с ее бабушкой.

Едваждавшись перерыва, Маруся побежала в партком и рассказала Гавриловой о том, что Варя Заречная не вышла на работу.

— Не знаем, что и думать, — закончила она.

— Хорошо, я пошлю за ней на старую квартиру, — пообещала секретарь парткома.

— После смены и мы можем сходить, — сказала Маруся.

— Ну что ж, если не придет, сходите...

Рабочий день кончился, Варенька так и не пришла.

— Редкий случай, — усмехнулась Женя. — Трудовой стаж начинается с прогулов.

— Да погоди ты, — одернула Нина подругу. — Кто знает, что взбрело ей в голову? Не надо забывать, как она воспитывалась! Тут все может быть.

— Мне кажется, нужно сходить на ее прежнюю квартиру, — предложила Тоня.

— Анастасия Михайловна посылала свою дочку, Вареньки там нет, — сообщила вернувшаяся из парткома Маруся.

— Где же она ночевала? — забеспокоилась Соня, отчего ее полное, румяное лицо покрылось вдруг багровыми пятнами.

— Никто не знает.

— Вот это новость, — ужаснулась Нина.

— Наверное, она у кого-нибудь из подруг. — Ловко перебирая пальцами, Римма ту же заплела конец косы и забросила ее через плечо. — Нина, ты должна знать, где она может быть. Вы ведь дружили.

— Когда это было? — беспомощно развела руками Нина. — Мы пять лет не виделись.

— Нужно немедленно заявить в милицию, — выпалила Клава.

— Скажи еще, сбегать в морг, — насмешливо покосилась в ее сторону Женя.

Клава обиделась:

— Возможно, и туда сходить придется, — вскидывая свой острый подбородок, вызывающе произнесла она.

— Повесилась!

— Почему повесилась? Обыкновенный несчастный случай.

— И обязательно с Заречной!

— Ну что у вас за характеры? — прервала Маруся

заспоривших подруг. — Давайте серьезно думать, как нам быстрее найти Варвару. Я сказала Анастасии Михайловне, что мы этим займемся немедленно. Она там тоже всех на ноги подняла.

— А может, и искать ее не надо? — передернула плечами Римма. — Не понравилось на фабрике, и все тут. Насильно не затащишь.

— Да ну, что ты! — Нина махнула на нее рукой.

— Если искать, то начинать надо с ее прежней квартиры, — настойчиво повторила свое предложение Тоня. — Только там мы сможем узнать, с кем она дружила, где бывала.

— Правильно, — согласилась Соня. — Пусть кто-нибудь один ходит туда, расспросит, а тем временем мы пообедаем.

— Кто о чем, а лиса о курах, — усмехнулась Женя и, взъерошив свои рыжие волосы, воскликнула: — А что? Неплохая мысль! Только мое предложение — отрядить в поход на квартиру Соню.

— Почему меня? — испуганно отступила Соня.

— Ты предложила, тебе и действовать, — с напускной серьезностью пояснила Женя. — Гордись, доверие тебе оказываем!

— А как обед?

— Не беспокойся. — Женя торжественно вскинула над головой руку и клятвенно заверила: — С чем-чем, а с обедом мы справимся...

Римма и Тоня засмеялись.

— Вы странно ведете себя, девочки, — возмутилась Маруся. — Пропал человек, а вы как маленькие дети!..

— Только давай без перегибов, — подняла ладонь Женя. — Не запугивай. Тут не джунгли, дикие звери не водятся.

— Но девушки-то нет!

— А кто спорит? Надо идти? Ну и пойдемте все вместе.

— Дельное предложение, — согласилась Нина, — Узнаем, что и как, и прямо с квартиры разойдемся куда надо.

— Соне подберем маршрут, где по пути имеется столовая, — незлобиво подтрунивала над подругой Женя.

Елизавету Васильевну, вернувшуюся из школы, куда она ходила, разыскивая Вареньку, Капитолина Никола-

евна встретила на пороге квартиры коротким вопросом:

— Ну?

— Не бывала там, — тяжело отдуваясь, удрученно ответила пожилая женщина.

Амелина торжествующе уперлась руками в бедра.

— Ну вот, наконец, все узнают, что это за ребенок. Поймут, каких мучений стоило мне воспитывать ее. Не верили! Поносили! Амелина такая, Амелина ская... Теперь сами испытали, что за счастье иметь с ней дело.

В коридор вышел Савва Христофорович с раскрытой книгой в руках и зубочисткой в зубах.

— Мой друг, — что-то пожевав, мягко обратился он к жене, — сейчас нужно думать о другом: как найти девочку. Не надо было кричать на нее, когда она уходила...

— Опять виновата я! — всплеснув руками, возмутилась Капитолина Николаевна. — Ну, это уж слишком! Разве я ее гнала отсюда? Я не пускала!..

— Ты не дала мне договорить, любовь моя. — Масляные глаза Саввы Христофоровича засветились нежностью. — Ты во всем права. Но я хотел сказать, что не надо было кричать на Вареньку, когда она уходила, чтобы последовать... — он чуть замялся и продолжал, учтиво улыбаясь соседке, — чтобы последовать немного поспешному совету дорогой Елизаветы Васильевны.

Старая ткачиха развела руками.

— Кто ж думал, что она такое выкинет? — вздохнула она. — Ни я, ни ее бабка с фабрики не бежали.

— Святая истина, — горячо подхватил Савва Христофорович. — Но, учитывая особенности Варенькиного характера, — вкрадчиво продолжал он, — можно было предполагать любые неожиданности.

— Без отца, без матери росла, — сердито заметила Елизавета Васильевна.

Негодующая Капитолина Николаевна двинулась вперед с явным намерением постоять за себя, но ее ласково обнял за плечи Савва Христофорович.

— Совершенно верно, дорогая Елизавета Васильевна, — негромко и проникновенно произнес он. — Опять ваша правда. Как бы хороши ни были воспитатели, они не заменят родителей. Природой не дано!

Амелина в знак согласия кивнула головой. Она не понимала, к чему клонит муж, но возражать ему опасалась. Свою сильную руку Савва держал на ее плече.

— А с Варенькой, — продолжал он с грустным вздохом, — нужно быть весьма осторожными. У девушки очень трудный характер! Вы, вероятно, заметили, последнее время мы ее даже от домашней работы освободили. Учись, отдыхай, набирайся сил. А видите, что получилось? Вы к ней с добром, на фабрику ее устроили, а она оттуда. Неприятно, конечно, но теперь и о вас заговорят, что вы что-то не так сделали.

— Умный не скажет, — отмахнулась Елизавета Васильевна.

— Так ведь на свете разные люди есть, — усмехнулся Савва Христофорович. — На чужой роток не накинешь платок.

— Ну что ж, бывает, конечно, кто-то и сболтнет, — согласилась старая ткачиха.

— А другой подхватит да перевернет, вот она, история-то, и пойдет, — в тон ей продолжал Адикитопуло. — Так что вы, дорогая Елизавета Васильевна, если когда захотите что-то сделать для Вареньки, так уж лучше через нас. Мы в ответе, как говорится, по обязанности. А чего ради вам свою седую голову под шишки подставлять?

— Моя голова шишек не боится.

— Так-то оно так, — приподняв верхнюю губу, Савва Христофорович ковырнул зубочисткой клык. — Но ведь и мы можем обидеться, а еще хуже, сказать кому следует, что нам мешают воспитывать девочку, — с оттенком угрозы произнес он и насмешливо прищурился: — Надеюсь, уважаемая соседка, теперь вам все ясно?

Елизавета Васильевна посмотрела на него, на Капитолину Николаевну и тяжело вздохнула:

— Эх, люди...

— Ну вот мы и договорились, — принимая обычный добродушный вид, засмеялся Савва Христофорович и протянул книгу жене. — Положи, пожалуйста, на стол, рядом с моей рукописью. Вареньку пойду искать я!

Савва Христофорович решил, что настал самый удобный момент для эффектного появления девочки. К тому же старая ткачиха предупреждена, значит, не будет совать свой нос куда не просят. Да на нее теперь и пожаловаться можно. Дескать, мешает воспитывать племянницу, хотя знает, что у девочки скверный и неустойчивый характер. Но самое главное, Варвара под самый

корень сломлена. Не пикнет! Только приказать, сама от себя старуху отгонит.

С видом победителя он спрятал зубочистку в карман, застегнул пиджак на верхнюю пуговицу, поправил воротник рубашки.

—Аддио! — Савва Христофорович поднял прощальную руку и скрылся за дверью.

После ухода мужа Капитолина Николаевна почувствовала себя свободной.

— Вы девчонку отвели и бросили, а нам отдуваться, — начала она крикливо.

— Жалею, раньше так не поступила, — негодуя прервала ее Елизавета Васильевна. — Никогда не прощу себе этого. Ведь рядом жила, все видела, а ничего толком не сделала. На что надеялась, сама не знаю. А тут пужно было не возмущаться, а... а драться!

— Это по какому такому праву? — подняла голос Капитолина Николаевна. — Лезут тут всякие не в свои дела!

— Нет, дело это наше общее, кровное, — возразила старая ткачиха. — Только тебе не понять всего.

— Как же, — деланно захохотала Капитолина Николаевна, — все умные, одни мы дураки! А ты на себя посмотри. Где Варвара? Не знаешь? Ты же умная...

Чтобы не выслушивать ругательств, Елизавета Васильевна ушла в свою комнату.

Амелина унялась не скоро...

Вернувшись с работы, Частухин, прежде чем зайти в свою квартиру, постучал в дверь к Елизавете Васильевне.

— Утром я в аптеку ходил и случайно встретил Вареньку, — поспешил он сообщить приятное известие.

— Где вы ее видели? — Женщина схватила Частухина за рукав.

— Мы встретились на площади.

— Когда это было?

— Что-то в начале седьмого. Я еще сказал, чтобы она не опоздала на фабрику.

— На фабрике ее нет.

— Как это нет? Она ждала подругу, чтобы идти туда.

— Не явилась на работу. Вчера утром убежала и до сих пор ее нет.

— Убежала? — удивился Владимир Григорьевич.

— Самой не верится, — призналась расстроенная Елизавета Васильевна. — Но прибегала ее бывшая школьная подруга Люся Гаврилова.

Она начала рассказывать, что произошло вчера в цехе. Неожиданно звякнул звонок.

Похлопав себя по карманам, Частухин нащупал связку ключей, достал их и отпер дверь.

Одна за другой в коридор вошли девушки. Поздоровались.

— Елизавета Васильевна, мы ищем Вареньку, — пояснила Нина.

— Сама сегодня в школу ходила, — беспомощно пожалала плечами Елизавета Васильевна. — Пришла, а там никого, каникулы.

— Может, она у какой-нибудь подруги? — спросила Женья.

— Кто ж ее знает? Может, и так, — согласилась старая ткачиха. — Вот Владимир Григорьевич видел ее утром на площади, она какую-то подружку дожидалась, чтоб вместе на фабрику идти.

Девушки с недоумением переглянулись.

— На фабрику она не пришла, — сообщила Соня, хотя это было всем известно.

— Ой, девочки, я догадываюсь! — сверкнув своими зеленоватыми глазами, воскликнула Клава. — Она была на фабрике... но в другой бригаде!

— Как это? — удивилась Женья. — Кто ж ее без направления примет?

— Ну... она что-то там сказала.

— И ей сразу, пожалуйста, к станочку...

Зная характеры подруг, Тоня поспешила прервать их быстро разгорающийся спор.

— Мы хотели узнать, где она может быть, и сходить туда, — сказала она.

— Возможно, вы знаете ее родственников, подруг? — заговорила Римма и поинтересовалась: — А где ее родители?

— Родители далеко, — сердито насупилась Елизавета Васильевна.

— Кто они? — спросила Римма.

Елизавета Васильевна продолжала недовольно хмуриться. Было заметно, что ей неприятно говорить о лю-

дах, которых она не уважала. Но девушки ждали, и она сказала:

— Мать — дочь бывшей ткачихи нашей фабрики, вышла замуж за музыканта. Отец — тоже человек образованный, архитектор!..

— Архитектор? — изумленно переспросила Маруся. — Александр Константинович?

— Он, — подтвердила старая ткачиха.

— Знаешь его? — удивилась Римма.

Маруся ответила не сразу, очень тихо и словно в раздумье.

— Александр Константинович Заречный — лучший друг моего отца.

— Вашего папу нельзя поздравить с хорошим знакомством, — раздался насмешливый голос за спинами подруг.

Девушки, как по команде, переглянулись.

Окутанная табачным дымом, на пороге своей комнаты стояла Капитолина Николаевна в новом пестром халате с широкими рукавами.

— А если вспомнить изречение: скажи мне, кто твой друг... — она не договорила, но иронически засмеялась.

— Вы не имеете права дурно отзываться о моем отце. Вы его не знаете! — вспыхнула Маруся.

— Что вы, милочка у меня и мысли такой не было, — растягивая слова, усмехнулась Амелина и спросила: — Живете у папы?

— Нет, в общежитии. Отец на юге, он болен, ему нужно тепло.

— Понятно. — Капитолина Николаевна приспустила подкрашенные веки. — Папе — южное солнце, а любимой дочке — наши лютые морозы. Здесь ведь чудесный край, всего только девять месяцев в году зима, а остальное время все лето, лето, лето...

— Я здесь учусь.

— И работаете?

— И работаю.

— А возле папочки заниматься этим нельзя. — С откровенной издевкой Капитолина Николаевна покачала головой.

— Я хочу стать инженером-текстильщиком, там нет такого института, — сдержанно объяснила Маруся.

— Текстильщиком? — Амелина сделала круглые гла-

за, но тут же усмехнулась и продолжала с нарочитой серьезностью: — Конечно, это так же важно, как сделать-ся Барсовой или Неждановой...

— Может, и не так важно, — прервала ее Женя, — но нужно хотя бы для того, чтобы на прилавках магазинов не появлялась такая дрянь, как та, из которой сшит ваш халат. Милочка!

Девушки засмеялись.

Довольный той отповедью, какую получила Амелина, Владимир Григорьевич прикрыл ладонью губы.

Женя повернулась к Марусе.

— С кем связалась! — тихо буркнула она и продолжала, обращаясь уже к Елизавете Васильевне: — Что же вы посоветуете? Куда нам пойти?

Но Амелина не хотела оставаться побежденной.

— Можете отправляться в общежитие! — повысила она голос. — Варвару на фабрику я больше не пушу! — Капитолина Николаевна со злостью швырнула папиросу на пол и раздавила ее носком домашней туфли. — До суда дойду, но на своем поставлю. Да и Варвара не захочет возвращаться к вам. А насильно ничего не выйдет. Нет таких законов!..

Она еще продолжала бы, но открылась входная дверь, и в коридор вошли Варенька и Люся, а за ними самодовольно улыбающийся Савва Христофорович.

Увидев девушек, Варенька, часто заморгав глазами, удивленно на них уставилась.

— Вы здесь? — проговорила она растерянно и виновато оглянулась на Люсю.

«А что я тебе говорила?» — будто ответила ей взглядом школьная подруга.

Девушки бросились к Вареньке. Со всех сторон посыпались вопросы, раздались радостные возгласы, смех. Кто-то чмокнул ее в щеку.

Взбешенная Амелина подлетела к мужу.

— Ты явился как нельзя вовремя, — прошипела она, круто повернулась и ушла в комнату, громко хлопнув дверью.

Савве Христофоровичу ничего не нужно было объяснять. Он смотрел на радостные лица девушек и с досадой чесал затылок.

Удержать возле себя Вареньку сейчас невозможно было даже силой.

К Вареньке протиснулась Маруся.

— Ты полегче с ней. — Женя дернула бригадира за рукав.

Но Маруся этого не заметила. Она крепко обняла девушку и шепнула:

— Вместе... навсегда. Сестрой мне будешь, дороже родной.

Женя усмехнулась:

— А что я говорила? Бригадир наш долго сердиться не умеет.

Утирая пальцами слезы, подошла обрадованная Елизавета Васильевна. Однако заговорила строго и с укором:

— Что ж ты, внученька, так скоро дорогу к своей бабке забыла? Да и бригаду всполошила. Беспокоились ведь, тебя искали.

— У ворот ее встретила, она с дядей Саввой шла, — пояснила Люся. — Говорю, тебя всюду ищут — не верит.

— Я никого не забыла, бабушка, — смущенно пояснила Варенька и едва слышно добавила: — Просто я не подумала, что меня будут искать...

XXVII

Назвав Александра Константиновича Заречного лучшим другом своего отца, Маруся не оговорила. Многие годы совместной работы, взаимного расположения связывали этих двух людей, разных по возрасту, по характеру, разных по прожитой жизни.

Леониду Петровичу Логовскому не было еще шестидесяти, но выглядел он значительно старше своих лет. Трудное досталось ему детство. Родился он в тот самый год, когда в русско-японскую войну, где-то на фронте, в Маньчжурии, убили отца. Несколько лет спустя его мать приглянулась какому-то барину, уехала с ним и как в воду канула. Остался пятилетний Ленька один с пьяницей дедом. До полудня старик крепился, сапожничал, а потом напивался и шпандырем бил внука. Дни кончались одинаково. Одуревший от хмеля дед садился на свой старый табурет с провисшим, до блеска залосненным сиденьем из тонких ремней и горько плакал. Затем он подзывал к себе внука, усаживал его перед собой на низкий верстачок, заваленный колодками, обрезками

кожи, жестянками с гвоздями, и докучливо спрашивал:

— Зачем ты, Ленька, живешь на белом свете? А?.. Зачем тебе жизнь дадена? А?

Ленька молчал и с боязнью следил за грязными, мокрыми от слез кулаками деда, чтобы вовремя увернуться от того особенно страшного удара, которым заканчивался этот вопрос.

— Тоже жить хочешь, сучий сын? — вскрикивал вдруг дед и одним махом сшибал внука с верстака.

Ленька летел в угол, а старик валился на освободившееся место, что-то долго и невнятно бурчал, постепенно сползал на пол и, скорчившись, засыпал. Во сне он часто стонал и яростно скрежетал зубами.

О бесследно исчезнувшей дочери старик говорил очень редко, причем никогда не осуждал ее.

— Жизнь такая, — беспомощно разводил он руками и высоко поднимал свои худые, угловатые плечи.

Вообще, о чем бы старый сапожник ни рассуждал, разговор его всегда сводился к вопросу о жизни. При этом вид у старика становился такой, будто он понял, что его кто-то в жизни здорово обманул, но дед не успел еще найти виновного и потому не знал, с кого спросить.

К восьми годам Ленька бойко владел шилом, дратвой, молотком, подметки приколачивал не хуже самого деда. Почуввав во внуке надежного помощника, старик теперь напивался с утра. Но дрался только поздним вечером, когда усталый Ленька едва добирался до брошенного в углу половичка, служившего постелью.

В редкие часы просветления дед садился рядом с Ленькой за верстак и, словно соскучившись по работе, трудился с каким-то ненасытным упорством. Но скоро он сердито отбрасывал молоток в сторону и долго глядел на внука своими маленькими, бесцветными, постоянно слезящимися глазами.

— Как жить будешь? А? — тяжело переводя дыхание, спрашивал он. — Теперь вон в грамоту ударились. Тебе бы ее. А?.. Вот смотри. — Он брал нож и острым концом старательно выцарапывал на куске кожи корявые, пляшущие во все стороны буквы. — Вот это есть аз — в грамоту лаз. Это буки — букашки, это — вежи — гаракашки, глаголь — кочерыжки, добро — о двух ножках...

На этом знание дедом азбуки кончалось. Не то сель-

ский пономарь, когда-то учивший его, не все рассказал, не то дед с годами забыл.

И все же Ленька запомнил эти буквы. С огромной радостью он узнал их на длинной железной вывеске, которая красовалась над торговым домом «Бобрыщев и К°», куда дед обращался за товаром.

— Букашки, — довольный своим открытием, улыбнулся Ленька стоявшему напротив дома усатому городовому. — И даже две!

— Я тебе дам — букашки, — пригрозил усач и больно хлопнул Леньку по затылку. — Пошел вон!..

Запомнилось Леньке одно февральское утро.

Во дворе большими сугробами лежал снег, но высоко поднявшееся над крышами солнце светило так ярко, что глазам было больно смотреть. Морозило крепко, однако в воздухе чувствовалось приближение весны, пахло землей и деревьями. С колоколен неся ликующий трезвон. По улицам ходили толпы народа с красными флагами и пели очень красивые, но незнакомые Леньке песни.

— Эх, жизнь, — вздыхал мрачный дед и безжалостно теребил свою жиденькую, седую бороденку, — всегда ты мимо ртов наших. Ишь, царя скинули! А мне какая от того корысть? Бог высоко, царь далеко — все меня не касает. А вот к Бобрыщеву Мефодию Капитоновичу мне не миновать идти с поклоном. Отпустит кровопивец мой товару в кредит — будем жить, откажет — ложись и подыхай. Вот она жизнь где!..

Октябрьскую революцию старик воспринял враждебно. Торговый дом «Бобрыщев и К°» закрылся, хозяин поспешно уехал из города. Теперь не к кому было идти с просьбой отпустить товар в кредит под проценты.

— Всему конец, — беспомощно жаловался он внуку и всхлипывал: — Как жить будешь? А?

В середине лета дед умер.

С его смертью и без того редкие заказы на ремонт обуви совсем прекратились. Заказчики перешли к более солидным мастерам. Чтобы не умереть с голоду, Ленька зачастил на железнодорожную станцию, где иногда удавалось выпросить у проезжающих солдат кусок хлеба.

Однажды, когда особенно не везло и в желудке, кроме нескольких кружек воды, ничего не было, голодного и злого Леньку случайно задел локтем проходивший по перрону моряк.

— Чего пихаешься? — неожиданно для себя взъярился Ленька.

Широкоплечий, стройный матрос с лицом, чуть тропутым оспой, остановился.

— Ишь, задира! — добродушно улыбнулся он и, немного сдвинув назад бескозырку, мягко добавил: — Ну извини, браток.

Ленька сконфузился. Первый раз в жизни перед ним извинялись. Да еще кто? Сильный, здоровый матрос с маузером в деревянной кобуре. Чтобы как-то скрыть свое состояние, мальчик отвернулся и невнятно пробормотал:

— Ладно уж.

Моряк засмеялся и широко растопыренными пальцами взъерошил давно не стриженные и не мытые Ленькины космы.

Почуввав в этом жесте никогда еще не испытанную мужскую ласку, мальчик вдруг доверчиво прильнул всем своим худеньким телом к бедру моряка и вскинул к его лицу взгляд, полный немой признательности.

— Что, брат, худо? — Ладонь матроса соскользнула с головы на Ленькины лопатки.

Вместо ответа, заметив на бескозырке знакомую букву, Ленька обрадованно произнес:

— Аз.

— Что? — не сразу понял его матрос, а догадавшись, спросил: — Попенок?

— Сапожник.

— Покажи руки.

Ленька беспрекословно протянул свои желтоватые от плохо дубленного товара ладони, которые еще хранили полосатые следы просмоленной дратвы.

— Как звать?

— Ленькой. А вас?

— Антон Бугреев.

— Подходяще. — Ленька смотрел на моряка и чувствовал, как сердце до краев наполняется благодарностью и восхищением.

Бугреев понял состояние мальчика и, ободряюще подмигнув левым глазом, сказал:

— Подожди меня здесь. Я к начальнику, скоро вернусь...

Через полчаса Ленька, оседлав скамью в товарном

вагоне, в котором на грубо сколоченных двухъярусных нарах сидели и лежали солдаты, с аппетитом уплетал из алюминиевого котелка густую перловую кашу.

— Да ты не торопись, никто не отнимет, — сдерживал его Бугреев.

Ленька довольно угукал, но ел с той же быстротой.

— Видать, наголодался, — насыпая махорку на аккуратно оторванный клочок газеты, определил пожилой, невысокого роста солдат в расстегнутой на груди гимнастерке. — Отец и мать есть? — спросил он.

Мальчик отрицательно качнул головой.

— Плохо. Ну, а из других сродственников кто имеется?

Ленька опять крутнул головой.

— Один, значит. — Солдат раскурил сигарку, вздохнул и почесал за ухом. — Много сейчас таких по свету горе мыкает.

Быстро для Леньки промелькнуло время стоянки эшелона. Мальчик успел кое-что о себе рассказать, завести новые знакомства. У пожилого солдата оказалась очень смешная фамилия — Неперебейного, звали его Семеном. Были здесь еще Иван Карпов, похожие друг на друга братья Михаил и Александр Руденко, остроносый и подвижный Петр Коссович, Бобров, Джафаров. Из разговоров выяснилось, что всем им бывало не сладко.

— Потому и драться пошли, счастье свое добывать, — заявил мрачноватый на вид Бобров.

В открытую дверь неожиданно донеслась команда:

«По вагонам!» Солдаты на перроне заторопились, заметались, сразу стало шумно. Бугреев сунул небольшой сверток в руки Леньке и слегка подтолкнул к выходу:

— Ну, прощай, браток.

— Куда теперь? — участливо спросил Коссович.

Ленька сердито взглянул на него, выпрыгнул на перрон, но от вагона не отошел. Широко открытыми глазами он смотрел на стоящего в дверях матроса и учащенно дышал.

— Хороший, видать, мальчонка, — вздохнул Неперебейного. — Взять бы.

— Не к теще на блины едем, — огрызнулся на него Бугреев.

— Известно, — согласился солдат.

Хрипло свистнул паровоз, загремели сцепы, и состав лениво тронулся с места. Ленька пошел рядом с вагоном. Глаза мальчика быстро наполнялись слезами. Он хотел сказать Бугрееву что-то очень хорошее, но не находил нужных слов и только беззвучно шевелил губами.

Миновав стрелку, паровоз начал набирать скорость. Стараясь не отстать от вагона, Ленька побежал. Споткнувшись, он выронил сверток, но не остановился. Дороже было видеть широкое, загорелое лицо приласкавшего его моряка.

— Привязчивый, — глядя на бегущего мальчика, глухо проговорил Семен. — Также и со взрослыми случается, если кому горя лишку хлебнуть довелось.

Антон вдруг оттолкнул от двери солдата, присел на корточки и протянул Леньке сильную широкую ладонь.

— Руку!

Мальчик кинулся вперед и в следующее мгновение стоял в вагоне.

Так сошлись дороги одинокого маленького сапожника и революционного балтийского моряка.

Антон научил своего молодого друга грамоте. Букваря не имелось, но были заголовки газет, лозунги на красных полотнищах, бескозырка с названием крейсера «Заря», а главное, были надписи на железнодорожных станциях, крупные, четкие. Много их прочитал Ленька за полтора года скитания по фронтам, некоторые на всю жизнь запомнил. Возле одной такой станции остался навеки лежать Семен Неперебейного, возле другой — Иван Карпов, возле третьей — Джафаров... Трудная это была наука. Ленька постигал, как велика и прекрасна Родина и как много у нее врагов. На деле понимал, почему рабочие шли в бой, не щадя своих жизней. Новый, огромный, интересный мир открывался перед удивленным, пытливым взором мальчика.

Досадовал Ленька на одно: в больших боях не приходилось участвовать. К огорчению и удивлению мальчика, всегда случалось так, что накануне сражения он получал от командира роты, а им-то и был Бугреев, специальное задание: «смотаться» километров за двадцать-тридцать в тыл. Пока Ленька ездил, бой кончался.

— Опять не повезло, — досадовал он.

— Ничего, брат, — успокаивал его Антон, — еще успеешь свое взять.

Как-то раз в кабинете «буржуй», в доме которого квартирьеры отвели Антону комнату, Ленька увидел множество аккуратно нарисованных на бумаге домиков. Рисунки лежали на большом письменном столе, висели под стеклами на стенах, хранились в папках.

— Мои проекты, — помахивая пенсне на черном шнурочке, пояснил хозяин кабинета. — По ним должны были воздвигнуть особняки, виллы, дачи. Но теперь это никому не нужный хлам. Заказчики разъехались, а... — не договорив фразы, он сердитодохнул на очки, достал из кармана белоснежный платок и принялся старательно протирать им стекла.

«У-у, контра, — с сердцем подумал Ленька, — еще насмехается!..»

Он сразу понял назначение рисунков и догадался, что хотел сказать, но не договорил «буржуй». Но Антон будто ничего предосудительного не заметил.

— Придет время, вы будете строить дворцы, — сказал он.

— Да? — с плохо скрытой насмешкой удивился хозяин.

На столе лежали плотные листы бумаги, карандаши, резинки, какие-то блестящие инструменты. Внимание мальчика привлек рисунок. На нем был вычерчен большой красивый дом с маленькими узкими окошечками возле самой земли.

— А это зачем? — ткнув в них пальцем, спросил Ленька.

— Как зачем? — «Буржуй» ловко насадил пенсне на свой длинный нос. — Окна в подвал. Кухня, прислуга и прочее.

«И прочее», — горько отдалось в душе мальчика.

— Его самого надо было бы в подвал, чтобы не рисовал их, — оставшись наедине с Антоном, сказал Ленька. — Сразу видать — контра!

Антон засмеялся.

— Хорошо тебе, брат, вскочил в вагон и сразу за революцию, за коммунизм. А ему время нужно, чтобы разобраться во всем. Не так-то просто все это решается. А такие люди нам еще пригодятся. Закончим войну и начнем строить все, что нужно для полного народного счастья. Вот бы тебе архитектором стать, — неожиданно заключил он.

Высказанное от всего сердца суждение показалось Ленке настолько несуразным, что он невольно засмеялся.

— Тоже сказал, — утирая рукавом гимнастерки заискрившиеся влагой глаза, проговорил мальчик. — Такое дело только буржуйам сноровисто.

— Дай срок, и мы себя покажем. Не святые горшки лепят.

— Так то ж горшки, — разочарованно усмехнулся Ленка и подумал: «А не плохо было бы научиться рисовать такне дома, и чтоб без подвалов...»

Как ни оберегал Антон своего молодого друга от опасностей войны, все же в горячем бою за освобождение Ростова Ленка был ранен.

— Доигрался, — злился на себя Бугреев. — А разве мы его для того с собой взяли, чтоб какой-нибудь беляк хлопнул? В люди вывести надо. А погибнуть мальчишка и без нас сумел бы.

Пришлось Ленку оставить в госпитале.

К концу весны он выздоровел, окреп, однако Антон, находившийся в то время на Западном фронте, воспротивился его возвращению в армию.

«Готовься, браток, в школу, — написал он. — Хочу, чтобы ты архитектором стал, чтоб людям хорошие дома строил».

Письмо с этими строками оказалось последним. Вскоре красный командир Антон Бугреев, находясь в глубокой разведке, был обнаружен врагами и окружен. Не желая сдаваться в плен, Антон застрелился...

Много лет упорного труда затратил Ленка, чтобы выполнить наказ своего друга.

И вот наконец в руках долгожданный диплом, в котором значится, что Леонид Петрович Логовской удостоен высокого звания советского архитектора.

В комиссии по распределению молодых специалистов спросили:

— Куда вас направлять на работу?

— Туда, где я больше всего нужен, — последовал ответ.

— На Дальний Восток.

— Отлично.

Побывал затем Логовской и на Крайнем Севере, и на ближнем Западе, и на среднем Урале. Но и повзрослев, накопив богатый опыт, Леонид Петрович оставался верен

мечте своей ранней юности. В разных городах Советского Союза строители воздвигали по его проектам красивые многоэтажные дома, однако ни в одном из них подвалы не отводились под жилище.

Женился Леонид Петрович на хорошей, горячо любившейся ему девушке. Молодая жена души не чаяла в своем муже.

Своего первенца молодые супруги называли Антоном.

— Пусть в сыне живет память о самом большом друге, — решили они.

Потом появилась на свет дочь Машенька, забавная, голубоглазая, свегловолосая красавица.

Растить бы детей да радоваться, но пришла война...

Весь трудный ратный путь от низовья Волги до верховья Одера прошел Логовской в рядах Советской Армии. Но в Берлине побывать не довелось. В бою под Бреслау свалила фашистская граната.

С большим трудом врачи подняли его на ноги и категорически потребовали, чтобы местом своего постоянного жительства он избрал юг страны.

— Ваш организм, — заявили они, — в детстве подвергался весьма серьезным испытаниям, которые, к сожалению, не прошли бесследно. Ранение обострило положение.

С Уралом расставаться не хотелось, но спорить с врачами Леонид Петрович не стал.

— Юг так юг, была бы земля советская...

Иначе сложилась жизнь Александра Константиновича Заречного.

Его будущее было определено еще тогда, когда он лежал в уютной колыбельке под теплым пуховым одеяльцем, в голубеньком чепчике, любовно отделанном тончайшим гипюром. Счастливые родители решили, что их сын должен пойти по стопам отца — стать архитектором.

В том возрасте, когда Ленька Логовской впервые увидел на столе архитектора блестящие предметы и только догадывался о их назначении, Сашенька Заречный уже свободно владел циркулем, рейсфедером и другими чертежными инструментами.

В жизни все давалось ему сравнительно легко, во всяком случае, без особых усилий с его стороны. Словно кто-то заранее позаботился, чтобы он не испытывал

лишений. Учиться он пошел, когда школы работали нормально, достаточно имелось карандашей, чернил и тетрадей. Затем поступил в институт. Закончив его, сразу попал на хорошую работу. Женился, но неудачно. Однако и это обстоятельство не осложнило жизни Александра Константиновича. Жена без споров дала развод и уехала с маленькой дочуркой к своей матери. На содержание дочки Заречный высылал деньги. Эту часть сохранившейся за ним отцовской обязанности он выполнял весьма аккуратно, считая ее делом чести.

Вскоре после развода с первой женой Александр Константинович снова женился. На этот раз женитьба не принесла огорчений.

Страшная война прошла стороной. Заречный в это время работал в управлении архитектуры, занимал должность, которая освобождала от призыва в армию.

Среди коллег Александр Константинович пользовался заметным уважением и считался весьма удачливым архитектором. По его проектам несколько жилых домов было построено в Ростове, в Минске и один даже в Москве.

Много упорства, труда и любви вложил Заречный в создание проекта детского санатория на берегу Черного моря. В этой очень интересной и ответственной работе большую помощь ему оказал Леонид Петрович Логовской.

Эти два человека будто дополняли друг друга. В тихом, скромном, всегда хворающем Логовском не хватало как раз того, что с избытком имелось у Заречного, — крепкого здоровья, всесокрушающей напористости и неиссякаемой энергии. Зато Леонид Петрович превосходил своего приятеля глубиной знания, богатством опыта, хладнокровием и выдержкой.

Дружба их, начавшаяся с совместных работ над проектами, насчитывала не один год, и оба ею дорожили.

XXVIII

В начале лета Леонид Петрович получил от дочки большое, взволнованное письмо, почти полностью посвященное Вареньке:

«Ты понимаешь, папа, за дельнейшую судьбу Вареньки Заречной можно не тревожиться. Она с надеж-

ными друзьями и на верном пути. К работе относится внимательно, скоро станет квалифицированной ткачихой. У Вареньки свой семилетний план, за эти годы она должна завершить свое среднее образование, окончить вечернее отделение текстильного института и получить диплом инженера.

В том, что это будет так, нет никаких сомнений.

Речь не об этом.

Все эти дни я часто думаю о родителях Вареньки.

Мы поднимаемся на порог нашего коммунистического завтра. Люди усердно трудятся, становятся лучше, чище, красивее. И вдруг в нашей хорошей советской семье появляется такая уродливая пара, как чета Заречных! Пользуясь беспомощностью своей малолетней дочки, они, по существу, бессовестно обворовали ее детство, лишив ребенка родительской любви. И я спрашиваю: как мы должны относиться к ним? Делать вид, что мы ничего не знаем, что, в общем-то, все в порядке? Дело, мол, личное!

А личное ли?

Ведь растет новый член нашего общества. Став взрослым, он может помогать всем нам идти к заветной цели, а может и мешать!

И я думаю: неужели ты, мой любимый отец, при встрече протянешь руку Заречному? Неужели твоя честная рука при этом не дрогнет и тебе не захочется с гневом сжать ее в кулак?»

Леонид Петрович получил письмо в тот самый день, когда Заречный пришел к нему, чтобы пригласить к себе на именины. К тому же Александр Константинович хотел заодно отметить и успешное окончание работы над проектом детского санатория.

Логовской встретил гостя довольно холодно.

Но Александр Константинович не обратил на это серьезного внимания, мысленно объяснив мрачноватый вид хозяина его болезненным состоянием. Заречный широко шагал по комнате и рассказывал, как утверждался комиссией проект.

— Я не уступил им ни одной пилястры, ни одного карниза, — рокотал он своим зычным баритоном. — Я дрался за каждый метр, за каждую ступеньку. И ты не думай, — он остановился перед сидящим в глубоком кресле Логовским, — ты не думай, что это был результат моего упрям-

ства или уязвленного авторского самолюбия. Нет! — Заречный слегка подался вперед, прижал левую ладонь к груди и понизил голос. — Проект, который, как ты знаешь, я столько лет вынашивал, стал будто частью меня самого. Я вложил в него свою душу, иной раз мне кажется, что в нем моя плоть. И, начини они вносить в проект изменения, я, вероятно, испытал бы такую же физическую боль, как если бы у меня отнимали руку или ногу... К счастью, этого не случилось. Мои оппоненты отступили, и проект был принят без единой поправки.

Красивое, открытое, с крупными чертами лицо Александра Константиновича точно осветилось изнутри, глаза слегка прищурились, и от уголков их пролегли неглубокие бороздки.

— Ну, так что ты мне скажешь? — Заречный приблизился к своему собеседнику.

— Я рад за тебя, и ты это отлично знаешь, — вяло улыбнулся тот.

— Знаю, друг. Спасибо. — Заречный схватил стул и, поставив его рядом с креслом больного, сел. — Я потону и поспешил к тебе. Захотелось поделиться. Ведь ты знаешь, не часто удается пройти без поправок.

— Да, всегда что-нибудь найдется, — согласился Леонид Петрович.

— А тут без единой! — засмеялся Заречный, взглянул на своего старшего товарища и озабоченно спросил: — Ну а ты как?

Леонид Петрович пожал плечами, затем поднял руку к своему болезненно желтоватому лицу.

— Так ведь, наверное, по фасаду видно.

— А что? — попытался sluкавить Александр Константинович. — Фасад вроде бы ничего.

— Ну зачем ты это? — укоризненно качнул головой Леонид Петрович.

— Ну, если откровенно, — Александр Константинович опустил свою широкую ладонь на колено собеседника, — небольшой ремонтик требуется. Но я с тем сюда и пришел. Да-да не удивляйся! — Он заговорщицки прищурил правый глаз и счастливо улыбнулся: — Скромный семейный сабантуй. Прошу, так сказать, осчастливить своим присутствием.

Логовской опустил голову и не ответил.

«Кажется, сдает старина», — вглядываясь в лицо дру-

га, подумал Заречный, но разговор продолжал:
— И еще у меня к тебе просьба... В партию решил вступить. Надеюсь, не откажешь в рекомендации?

Некоторое время Леонид Петрович сидел неподвижно, словно решал какую-то сложную задачу, потом достал из кармана таблетки, сунул одну из них в рот, потянулся за стаканом с водой, но не взял его. Проглотив лекарство, он покосился на Заречного и тихо, но очень твердо произнес:

— Не пойду я к тебе, Александр Константинович. И в партию рекомендовать не буду.

— Почему? — все еще продолжая улыбаться, спросил Заречный.

Логовской опять помедлил с ответом и наконец, не поднимая головы, сказал:

— Я получил письмо от Маши.

Заречный утвердительно кивнул головой. Он знал, что дочь Логовского три года назад окончила среднюю школу и, мечтая в будущем стать инженером-текстильщиком, куда-то уехала работать и учиться. Леонид Петрович скучал по дочке, с нетерпением ждал того месяца, когда она обещала приехать в отпуск, и страшно нервничал, если Маша задерживалась. Однако он никогда не мешал ей в осуществлении задуманных планов.

«К сожалению,— говорил он,— стремления детей не всегда совпадают с нашими желаниями. Но если стремления хорошие — в добрый путь!..»

Александр Константинович удивленно посмотрел на своего приятеля.

— Прости, но я не понимаю, что может быть общего между моими просьбами и письмом Маши.

— Она встретила твою дочку, — сообщил Леонид Петрович.

— Вареньку? — заинтересовался Александр Константинович. — Любопытно. Наверное, выросла. Ты ведь ее раньше знал, она рассказывала.

— Красивая девушка.

— Ну, как она там?

— И это спрашивает отец, — вздохнул Логовской.

Александр Константинович немного смутился.

— Что-нибудь случилось?

— Да как тебе сказать, — пожал плечами Логовской. — Вот это письмо. Читай.

Александр Константинович недоуменно взглянул на Логовского, взял со стола разорванный сбоку конверт и подумал с досадой:

«Маша — умная девушка, но всегда склонна к преувеличениям».

Отыскивая главное, взгляд быстро заскользил по бумаге.

Вдруг глаза словно споткнулись о буквы, остановились и затем осторожно двинулись по строкам.

«До сих пор с трудом верю,— читал Заречный,— что наш милый, добрый, всегда немного шумливый Александр Константинович, которого все мы привыкли встречать в нашем доме как своего, родного нам человека, оказался таким...—Дальше несколько слов было тщательно зачеркнуто. Видимо, написав сгоряча то, что думалось, Маруся затем смягчила выражения, закончив фразу словами: — Таким жестоким и бессердечным».

Заречный с трудом перевел дыхание и усилием воли заставил себя не выхватывать отдельные строки, а внимательно, не торопясь, прочесть письмо с самого начала.

Хотелось тут же возразить автору письма.

Сослаться на ошибку молодости? Но если была допущена ошибка, то что сделано, чтобы исправить ее? Почему при решении даже самых сложных споров, возникающих между мужем и женой, обязан страдать ни в чем не повинный ребенок?

Почему дочь должна платить своим счастьем за просчеты своих неговорчивых или неудачных родителей? Почему?

Потому что они дали ей жизнь?

Но они украли ее детство, ее счастье!..

Александр Константинович сжал виски пальцами:

— Это ужасно.

— Да,— так же тихо произнес Леонид Петрович.

— Но я ничего не мог сделать,— беспомощно развел руками Заречный. — Все сложилось так... Татьяна Дмитриевна... — Он запнулся и поспешно продолжал: — Нет-нет, она старалась привыкнуть к Вареньке, я это сам видел. Но, ты понимаешь, новая семья! Тут трудно бывает свести концы.

— А Варенька уже не член семьи своего отца, — с горечью заметил Леонид Петрович.

— Зачем ты так? — недовольно поморщился Зареч-

ный. — Ты отлично понимаешь, что я хотел сказать. К тому ж, если все припоминать, она была у меня...

— Родную дочь приютил на несколько месяцев, экая невидаль! — усмехнулся Логовской и, хмурясь, продолжил: — Да и я хорош... Помню, с каким удовольствием встретил ее. Чистенькая, нарядная, скромная. Она мне очень понравилась. Ну, думаю, молодцы, живут врозь, а девочку вместе воспитывают. Повел тогда чертежную показывать... А с нею нужно было поговорить, в душу заглянуть...

— Я делал все, чтобы обеспечить ее, — заверил Александр Константинович. — Вовремя отправлял что причиталось, а иногда и больше.

— Ты говоришь о деньгах? — неприязненно спросил Логовской.

— Можешь верить, я не скрывался и не крохоборничал. Такого упрека мне сделать нельзя.

— Значит, сполна откупился от дочери. — Леонид Петрович сердито уставился на своего приятеля и повысил голос: — Так прикажешь тебя понимать?

— Почему... «откупился»?

— А как еще назвать то, что воспитание своего ребенка ты передоверил какой-то тете Лине? — с сердцем выкрикнул Логовской.

— Я старался, чтобы всем было хорошо.

— И Вареньке?

— Ну, и ей, конечно.

— Потому она и оказалась на улице? — Леонид Петрович гневно посмотрел на Заречного. — Такого даже дед мой себе не позволял.

— Но меня там не было, — раздраженно возразил Александр Константинович.

— Это не оправдывает тебя, — оборвал его Логовской. — Ты говорил здесь, как защищал проект. Как ты дрался за каждое окно, за каждую ступеньку. А вот для борьбы за дочь не хватило ни сил, ни желания.

Заречный неожиданно вспылел.

— Но две семьи... Ты это можешь понять? Ну случилось так. Что ж мне, разорваться?

— Нет, разрываться не надо. Но ты бережно сохрани то, что всем нам свято, ради чего революционный моряк Антон Бугреев жизнь свою не пожалел... Да разве он один!

— Я не хотел вносить разлад в семью, — уже сдержаннее сказал Заречный.

— Зачем же разлад? — возразил Леонид Петрович. — Но, заботясь о личном благополучии, ты обязан был подумать о счастье своей дочери. Тебя не тревожило: повзрослев, станет ли она полезным членом общества? А без этого никакое счастье невозможно. Никакое...

Александр Константинович, не найдя возражений, бессильно пожал плечами и, прищурясь, уставился взглядом в пол.

Солнечные зайчики на ковре поблекли и бесследно исчезли.

В комнате стало темнее.

«Тучи набежали», — подумал Заречный и, все еще не зная, что сказать, неуверенно повернулся к Леониду Петровичу.

Тот сидел, откинувшись на спинку кресла, и, казалось, дремал.

«Не желает больше разговаривать, — понял Александр Константинович и, огорченно нахмутив брови, потупился. — Говорить-то он, конечно, будет, но другим своим никогда не назовет. Он не простиет... Не простят и другие, — с болью подумал он и приглушенно вздохнул: — Вот она... расплата!...»

Стараясь не шуметь, Заречный поднялся.

Хозяин даже не шевельнулся. Только на бледное лицо набежала тень, и оно посуровело.

Гость, будто в раздумье, постоял немного, потом неторопливо дошел до двери. Тут ему показалось, что его негромко окликнули. С воспрянувшей вдруг надеждой он быстро оглянулся.

Леонид Петрович продолжал сидеть в той же позе.

Впервые за многие годы знакомства расставались они, не простившись друг с другом...

Тяжело переступив порог, Александр Константинович осторожно закрыл за собой дверь, понуро спустился с лестницы и вышел на улицу.

Солнце скрыли грозовые тучи. Клубясь, они сердито и стремительно заволакивали позеленевшее небо. Первые редкие, но крупные дождевые капли рябили пыльный тротуар. Со стороны моря доносился тревожный рокот волн, дул резкий, сырой и чуть солоноватый ветер.

Начиналась буря.

Пошла вторая неделя со дня ухода Вареньки из дому, а Савва Христофорович никак не мог простить себе своей оплошки. И угораздило ж его привести девчонку в тот самый момент, когда в доме собралось столько народу! А ведь знал, хорошо знал, что ее ищут, что в любой момент могут прийти, спросить, увидеть. Так нет, захотелось поразить воображение старухи, так сказать, раз и навсегда морально добить ее и к тому же приятно пощекотать собственное самолюбие, покрасоваться перед соседями. Глядите, мол, какой я удивительный. Все могу! Вы искали и не нашли. А я пошел и сразу привел. Эх, Савва, Савва, набить бы тебе морду за такое дешевое пижонство!..

Он беспощадно казнил себя, издевался, придумывал самые обидные и оскорбительные клички. Ему было стыдно от одного сознания, что какие-то девчата с ткацкой оказались сильнее и умнее его. Варвара, которую он человеком не считал, а в руках держал, казалось, крепче некуда, вдруг легко из них вывернулась и послушно отправилась следом за своими новыми подругами. По глубокому убеждению Саввы, только от этого можно было окончательно взбеситься!

Капитолина Николаевна вначале тоже попробовала дать себе волю. Обвиняя во всем случившемся своего неудачливого партнера, она в ярости лохматила свои волосы, размахивала кулаками и, заливаясь слезами, иступленно орала:

— Идиот! Не привел бы эту психичку, все сошло бы по-другому!..

Савва Христофорович сперва делал вид, будто не слушает ее, а затем слегка прищурился и сказал тихо, но жестко и с угрозой:

— Ходи, детка, стороной. Целее будешь.

Женщина осеклась на полуслове и умолкла. Она уже достаточно хорошо знала характер и повадки своего названного супруга и, не без основания, панически его боялась.

Савва Христофорович почти не выходил из дому. Курил одну папиросу за другой. Откусывая кусочки мундштука, мельчил их на острых клыках и со злостью выплевывал за окно. Сознание собственного бессилия еще

больше разжигало в нем злость и неукротимое желание во что бы то ни стало не уступить, сделать по-своему.

Он отлично понимал, следовало предпринять что-то очень быстро, решительно и, главное, наверняка, иначе Варенька ускользнет навсегда, а вместе с нею и деньги, которые так аккуратно присылал ее весьма педантичный и щепетильный в алиментных расчетах папаша. Кроме того, не ясно было, как решится вопрос с квартирой. Ведь основной квартиросъемщицей до сих пор числилась Варенька. После ее ухода признает ли райкомхоз права Амелиной на комнату? Ведь Капитолина Николаевна и Савва Христофорович считались здесь всего лишь квартирантами. Словом, надо было действовать! Но как?

Изворотливый, по-своему изобретательный и цепкий ум Саввы не знал покоя ни днем ни ночью. Лихорадочно работая, перебирал десятки точнейших вариантов, которые можно было использовать для того, чтобы вернуть выскользнувшую из рук девушку. Хитрые, в меру коварные, предельно искусные, они страдали одним основным недостатком. Сама Варвара не хотела вернуться к тетке, которую имела все основания ненавидеть.

«Конечно, если собаку бить, и та сбежит», — досадливо рассуждал он.

И все же уступать не хотелось. К чувству уязвленного самолюбия все больше и больше примешивались денежные расчеты.

«Потерять вдруг такую сумму! Ее не сразу найдешь в чужих карманах... Ну а что делать? Девчонка не вещь, насильно не потащишь, власти вмешаются!» — понимая свою полную беспомощность, устало думал Савва.

Свет от рогастой люстры всегда раздражал его, а сегодня особенно. Придумают же такое уродство, будто специально для того, чтобы слепить людям глаза! Точно нельзя сделать светильники поглубже, чтобы из них не торчали раскаленные нити электрических ламп. Савва Христофорович опустил голову и вдруг весь где-то внутри себя напрягся.

«Власти! — Он почувствовал, что наконец напал на то, что так долго и тщетно искал. — А почему бы властям и не вмешаться в эту историю? Правда, тут шутки плохи. Но ведь все будет зависеть от того, под каким соусом подать дело и, главное, к кому обратиться за содействием!..»

Он раздавил на ладони недокуренную папиросу, швырнул ее мимо пепельницы на стол и решительно поднялся с дивана, на котором сидел. План созрел сразу и во всех деталях.

Капитолина Николаевна, готовясь ко сну, старательно натирала лицо жирным кремом. У глаз, на лбу множились и углублялись морщинки, неумолимые вестники быстро надвигающейся старости. Энергичным разглаживанием кожи женщине хотелось отдалить эту всем неприятную встречу. Неожиданное и резкое движение Саввы заставило ее насторожиться.

— Ты помнишь инспекторшу района, которая пришла к нам? — спросил он, медленно приближаясь.

— Да, конечно, — нерешительно ответила она. — Мы иногда встречаемся, здороваемся.

— Завтра утром пойдешь к ней.

— Зачем? — удивилась Капитолина Николаевна.

— Пожалуйтесь, — подчеркнуто произнес он. Сделав затем небольшую, но многозначительную паузу, он скользнул снисходительным взглядом по ее недоумевающему лицу, которое ярко лоснилось от обилия втертого в него жирного крема, и, довольный произведенным эффектом, продолжил наставительно: — Племянница, мол, от рук отбилась. Ей среднюю школу кончать, как того Советская власть требует, а ее на фабрику сманили.

— Но ведь она сказала тебе, будет работать и учиться, — напомнила Капитолина Николаевна.

— Верно, сказала... для отвода глаз. Понятно? А в голове у нее, танцульки-гулянки, женихи-кавалеры.

— У Варьки женихи? — глаза Амелиной расширились от изумления.

— В голове! — Савва постучал пальцем по лбу.

— Ах, — Капитолина Николаевна опустила баночку с душистым кремом на стол и, собираясь с мыслями, часто заморгала глазами. Ей показалось, она поняла, что от нее требуется. — Ну, конечно, — не совсем уверенно начала она, — пусть девочка вначале закончит среднюю школу, а потом, если не захочет идти в институт, пусть поступает хоть на все ткацкие фабрики сразу:

Савва согласно кивнул головой и предупредил:

— Только нужно, чтобы инспекторша пошла не на фабрику, там партком, фабком, комсомолия, а в общежитие. И лучше вместе с нами, в выходной!..

Среди лета вдруг испортилась погода. С севера подул холодный ветер. Набежали серые тучи. Хлынули дожди.

В выходной день девушки не пошли на стадион, а остались дома. С утра мыли, чистили, стирали, сушили, гладили, а под вечер затосковали.

— В кино не хочется, в театре были — стоя у окна и рисуя пальцем узоры на запотевшем стекле, вздыхала Антошнина. — Вот на такое время собрания назначали бы.

— И в объявлениях так бы и писали, — подхватила озорная Женья. — Собрание состоится в первый дождик. Здорово? А главное, с собрания никто бы не удирали. Хотел бы, но куда пойдешь, кругом мочит.

— А регламент для докладчика устанавливали бы по размеру облака, — вставила Соня. — Большая туча — длинный доклад, маленькая — короткая информация.

— Ну а в конце председатель объявлял бы, — Римма широким театральным жестом отложила в сторону книгу, которую читала, важно поднялась из-за стола и, сделав движение рукой, будто поправила на носу очки, продолжала приподнято: — Уважаемые товарищи! Благодарю вас за внимание. Дождик кончился, собрание закрывается.

Девушки развеселились.

— А ведь это стоящая мысль! — повесив платье в шкаф, воскликнула Маруся. — И, что важно, нам действительно есть о чем потолковать. Нина, звони Николаю, пусть пулей летит к нам.

— Мария, не добивай! — Женья молитвенно сложила ладони и грохнулась перед ней на колени. — С нас хватит одной плохой погоды.

— Женька, паршивая девчонка, ну когда ты станешь серьезной? — засмеялась Мария и шутя взлохматила рыжие волосы подруги. — Верно, девочки, поговорим.

— Что ж, если нужно, давай, — согласилась Клавдия. — А то ведь соберешь, когда распогодится.

— Эх, где наше не пропадало, — с напускным отчаянием махнула рукой Женья и поднялась с колен. — Ладно, открывай ассамблею!

Нина пошла в вахтерскую. Там на старой, захватанной руками деревянной тумбе стоял телефон, которым пользовались все, живущие в общежитии.

В ожидании скорого прихода гостя девушки еще раз

оглядели свою комнату, поспешно убрали подальше от постороннего глаза часть своих туалетов.

— Ой, совсем забыла, — обратилась к Вареньке Римма. — Вчера днем я была в районо и видела там твою патронессу.

— Тетю Лину? — удивилась девочка. — Чего ей туда?

— Вот и я про то же. Не о тебе ли хлопочет?

— Обо мне? — Варенька грустно усмехнулась. — Нет, конечно... Она, наверное, меня уже и не вспоминает.

— Как знать, — с сомнением качнула головой Римма. — Твой уход — ее убыток.

— Нам-то что? — недовольно заметила Мария, которой не нравилось, когда кто-нибудь напоминал Вареньке о ее жизни у Амелиной. — За чужие потери, особенно такие, как у тети Лины, болеть не собираемся.

— Это, конечно, так, — согласилась Римма. — Но тетя Лина, наверное, думает иначе. Мне показалось, что она не из тех, кто безропотно смиряется с утратами. К тому же там еще и этот, как его... дядя Савва имеется. От таких, как он, в любое время подвоха жди.

— Не страшно, — обрывая разговор, усмехнулась Мария...

Николай примчался минут через пятнадцать, запыхавшийся, слегка продрогший на ветру, но веселый и довольный. Здороваясь, кивнул всем, бросил мокрый плащ на оказавшийся рядом с дверью стул и, сразу отыскав глазами Нину, устремился к ней.

Однако на пути встала Мария.

— Разве Нина не сказала? Мы все хотим видеть тебя.

— Делу время! — не упустила случая съязвить Женя.

— А я-то думал, — распевно протянул Николай и скорбно вздохнул, хотя глаза его сняли от радости. Он был счастлив уже от одного того, что находился совсем рядом с любимой девушкой, в одной с ней комнате, куда, кстати, пускали его не очень часто.

— Успеете еще, — потеплела Мария. — У вас все впереди. Дом-то почти готовенький стоит.

Варенька украдкой посмотрела на свою школьную подружку и стыдливо зарделась.

Она уже знала, с каким нетерпением Николай и Нина ждали окончания строительства нового дома.

Каждую субботу Николай приходил к открытым окнам общежития и негромким, с переливами, свистом вы-

звал Нину. Девушка ждала условленного сигнала и тотчас выходила.

Привычно взявшись за руки, они спешили на соседнюю улицу, где высилась громада вновь построенного дома, чтобы отметить, какие изменения произошли с ним за неделю. Обычно они сетовали на то, что окончательная отделка дома производилась не так быстро, как бы им хотелось.

Строители уже знали их и постоянно успокаивали:

— Идем с опережением графика на четыре недели. Дом сдадим досрочно. Задерживаться нам здесь нельзя, в другом месте ждут!

Николай даже наметил, какую квартиру будет просить.

— А я с тобой в любую пойду,—призналась девушка.

Она была волнующе трогательна в своей первой, чистой и нежной привязанности к другу.

Когда Римме в драмкружке предложили сыграть Джульетту, она охотно согласилась:

— С нашей Нинухи сделаю эту роль.

Так в одной бригаде появилось две Джульетты, одна — в жизни, другая — на сцене...

В ровных, взаимосогласных и заботливых отношениях Николая и Нины Варенька угадывала что-то для себя новое, еще не изведенное, одинаково пугающее и разжигающее острое девичье любопытство, в беспокойных сполохах которого она стыдилась признаться даже себе...

Мария придвинула стул Николаю.

— Садись. Потолковать надо.

Шаловливая Женя тут же вставила:

— Галина Ковальчук на пятки нам наступает.

Мария поняла намек. Ох уж эта сорока!..

Варенька примостилась рядом с Ниной и старалась не пропустить ни одного слова из того, что говорилось. Она успела уже многому научиться. Правда, пока еще под присмотром Марии, но уже работала на станках. Сейчас ее волновало то обстоятельство, что она еще не успела полностью овладеть мастерством своих подруг, а они уже вели разговор о достижении новых высот в работе.

— Ничего, догонишь,—шепотом успокаивала ее Нина. — Ты сноровиста. Да и к делу у тебя любовь.

— Это, наверное, от моих бабушек, — улыбнулась Варенька. — Они всегда гордились тем, что были ткачихами.

В общем-то спокойная и деловая беседа с помощником мастера неожиданно обострилась. Добродушный и покладистый Николай вдруг заупряился:

— Станок на сто шестьдесят оборотов главного вала рассчитан, — возбужденно доказывал он. А мы в минуту двести сорок даем. Куда ж дальше?

— Значит, предел? — наступала Мария.

— Предел? — Николай страшно не любил этого слова. Ему всегда казалось, что за ним кончается все живое, красивое, радостное и начинается что-то мертвое и неподвижное. — Почему предел? — переспросил он с досадой и, достав из пачки папиросу, помял ее в пальцах, но не закурил. За дверь в момент выставят. — Я к тому, — размышлял он, — не легко придется.

— Не пугай красну девицу работой, — лукаво подмигнула Женя и выкрикнула: — Даешь двести шестьдесят!

Мария хотела остановить непоседливую подругу, но Антонина распахнула окно:

— Эй, граждане, благодарю за внимание, собрание закрывается. Дождь кончился!

К ней подскочила Женя:

— Сегодня я с тобой на танцы! — завертела ее по комнате, напевая: — Та-ра-та-та-та...

В комнате сразу стало шумно.

Никто не слышал короткого предупредительного стука в дверь, которая тут же приоткрылась.

Загодя обученная Саввой, в команду стремительно ворвалась Капитолина Николаевна. Отстранив с дороги кружащуюся в танце пару, она бросилась к Вареньке, судорожно обняла ее и осыпала поцелуями,

— Деточка моя, миленькая моя, звездочка моя, радость моя!..

Оставаясь за порогом комнаты, будто опасаясь его переступить, инспектор района недоуменно подняла плечи.

— Боже, что здесь происходит?

К ней быстро приблизился Савва Христофорович. Он сам не ожидал, что все так удачно получится.

— Обратите внимание,— припав к самому уху инспектора, горячо зашептал он. — В женском общежитии подвыпивший парень и, как видно, из тех! — Он многозначительно подмигнул глазом и даже причмокнул. — И, как изволите видеть, в этой буйной и непристойной компании несовершеннолетняя девочка. Школьница. Дитя!..

XXX

Увести Вареньку из общежития Капитолине Николаевне все же не удалось. В решающий момент, когда Амелина с неистовым воплем потянула ошеломленную девочку к двери, сообразительная и решительная Мария не растерялась.

— Женья, быстро к телефону, звони в милицию,— распорядилась она.

Такой неожиданный оборот Савву Христофоровича никак не устраивал.

— Мое дело — сторона,— поспешил заявить он, подняв воротник своего модного демисезонного пальто и тем самым как бы отмежевываясь от всего, что происходило в комнате. — Здесь командует инспектор районного отдела народного образования, так сказать, власть... в районном масштабе!

— А как же! — входя в начальнический раж, повысила та голос. — Мы отвечаем!..

Однако Савва Христофорович, как только мимо него проскочила Женья, поторопился сам ретироваться и увести с собой Капитолину Николаевну.

— Встреча с милицией иногда завершается составлением протокола,— быстро спускаясь с лестницы, рассуждал он. — Проявим скромность и предусмотрительно уйдем от бюрократических формальностей. Такая роскошь нам ни к чему, тем более что наше дело, как говорится, на мази. Досадно, конечно, что нагрянувшая с нами власть оказалась явно худосочной, без масштаба и возможностей, однако не все потеряно!

Взбешенная неудачей и поспешным бегством, готовая вспылить и наговорить кучу дерзостей, Капитолина Николаевна, придерживав шаг на последней ступеньке, резко оглянулась. Ей было не до шуток! Она даже забыла про свой страх перед немилостивым супругом.

Но Савва Христофорович ободряюще улыбнулся ей, привычно скользнул ладонью по своему гладко выбритому подбородку и проскочил мимо. Созревал новый, более тонкий план, в успехе которого он не сомневался.

Со слов Амелиной Савва знал, что Варенькин отчим-композитор страшно опасается всяческих неприятностей, которые могут показать его персону в невыгодном свете перед обществом и потому как-то дурно повлиять на творческую карьеру. Этим обстоятельством и решил воспользоваться предприимчивый мошенник. Следовало только написать письмо Екатерине Ивановне, в котором настойчиво попросить, чтобы она немедленно и энергично вмешалась в судьбу своей девочки. Чтобы как мать, она потребовала от властей немедленной помощи и возвращения несовершеннолетней дочери в дом тетки, которой одной доверено ее воспитание.

Письмо надлежало закончить прозрачным намеком, что-де любое другое решение немедленно вызовет большой скандал, от которого не поздоровится не только самой Екатерине Ивановне, но и ее боязливому супругу.

Как в этом случае поступит Екатерина Ивановна, Савва не сомневался. Ведь выбора ей не предоставлялось. Ну а в ее годы рискнуть на второй развод — предприятие явно бесперспективное, чреватое всяческими неудобствами, неприятностями и, в конечном счете, одиночеством. К тому же, если потребуется, можно будет черкнуть письмецо и самому композитору. Уж тот навсерняка скандала не допустит. Да и глупо было бы из-за чужой дочки страдать, объясняться, каяться. У Саввы Христофоровича было свое понимание людей.

Однако все это он припасал на крайний случай в расчете, может, еще когда-то в будущем надежный ход пригодится, скажем, при окончательных расчетах, чтобы больше денег у родителей выудить. А сейчас ему хотелось ликвидировать конфликт на месте, собственными силами.

На этот раз торопиться не следовало.

Выждав время, достаточное для того, чтобы налет Кантолины Николаевны на общежитие позабылся да и все присутствовавшие там поуспокоились, он выяснил, когда Варенька без подруг пошла в молочную, и у

крыльца магазина ловко разыграл неожиданную встречу с ней.

— Варвара! — удивленно расширил он глаза. — Какими судьбами?

— Сырки на завтрак купила, — показала она кулек и пояснила: — На смену встаем рано. Так мы дома, чтобы не тратить зря время.

— Но, я смотрю, у тебя тот аппетитик, голубушка! — щелкнув пальцем по кульку, добродушно засмеялся он.

— Ой, что вы, дядя Савва, — смущенно улыбнулась она и даже чуть покраснела. — Здесь на всех.

— А почему этим занимаешься ты, а не они? — придирчиво встревожился Савва Христофорович, будто его в самом деле взволновало заявление девочки.

— А мы по очереди. Сегодня — моя.

— Тогда хвалю, правильно делаете, — он опять засмеялся, добродушно, открыто, ласково. — Видать, хорошие подружки попались.

— Очень.

Они шли вечерней улицей. Быстро темнело, но огни еще не зажигали. Прохожих встречалось не много. Савва Христофорович не торопился, заметно сдерживал шаг, иногда останавливался, глядел по сторонам.

— По дому не скучаешь? — спросил он просто, будто вскользь.

Вареньку вопрос застиг врасплох. Она помедлила с ответом. А потом сказала едва слышно, однако очень твердо и откровенно:

— Нет.

— Понимаю, — шумно вздохнул Савва Христофорович с подчеркнутым сочувствием, — хотя и не одобряю. Все же в этой комнате бабушка твоя жила, да и не один годок.

Девочка сразу опустила голову.

— Конечно, — делая вид будто ничего не заметил, продолжал Савва Христофорович с оттенком скорби, — мы оба отменно знаем твою тетку. Прямо скажем, характер не золото. Вспыльчивая, крикливая, из-за пустяка готова на любую ссору. Словом, все язвы проклятого прошлого. Но у нее доброе, отзывчивое и, главное, очень привязчивое и отходчивое сердце. Сколько лет жизни безропотно отдала она, чтобы заменить тебе мать, вырастить из тебя настоящего, советского человека. Сей-

час ты и на фабрику и еще куда захочется. Пожалуйста! Вот за сырками без провожатого, самостоятельно, по темным улицам. А ведь после бабушки... сама знаешь, какой осталась. Ребенок малый, несмышленный, каждый обидеть может. Глаз да глаз нужен, а мамочки близко нет. Одна тетка и за маму, и за папу, и за всех на свете...

Савва Христофорович знал, что надо сказать.

От его слов у Вареньки вдруг стеснило дыхание.

— Я очень благодарна тете Лине, — сглотнув слезу, прошептала она.

— Да разве я о благодарности? — с горечью усмехнулся Савва Христофорович. — Глаза у тетки не просыхают, вот что страшно. Печалится, горюет. Боюсь, в больницу придется ее ложить. Сердце сдает!

— Тетя Лина заболела? — сразу забыв про все плохое, испугалась Варенька.

— Ну а ты как думала? — построжел он. — Ты — хвост трубой, была и нету, а она — камаринскую? Старалась, воспитывала, как могла, может, не по-ученому, однако ж от сердца, от души... а на прощание и спасибо не услышала!

Варенька почувствовала себя во всем виноватой. Испытывая мучительный приступ угрызений совести, она сделала слабую попытку хотя как-то оправдаться:

— Но когда я уходила, тетя Лина...

— Да разве так уходят? — понимая, что взял правильный тон, убежденно и с жаром прервал ее Савва Христофорович. — Это ж на кого угодно приведись. Сколько трудных лет прожили вместе, было, как говорится, и холодно и голодно. Однако ж росла, крепла, вон какая вымахала! И вдруг рвануть из сердца вон... Она ведь хотела, чтобы ты дальше училась, образованным человеком стала, доктором, инженером каким или архитектором, как папа. А ты дверью хлоп — и на фабрику.

— А я учебу не брошу. Успокойте, пожалуйста, тетю Лину. Скажите ей, что я в техникум готовлюсь...

Говоря это, Варенька не обманывала Савву Христофоровича. Она действительно старательно готовилась к вступительным экзаменам, хотя занялась этим не по собственной инициативе, а по совету Нины.

Во время очередной прогулки к новому дому Нико-

лай пожаловался своей подруге, что, мол, требования к нему, как к помощнику мастера, с каждым днем растут, а знаний у него маловато.

— Учиться тебе нужно, — заключила Нина. — Поступай в техникум. Осенью на экзамены пойдем. Вместе учиться будем.

— Куда мне, — отмахнулся он. — На первом вопросе срежусь.

— Чтобы подготовиться, еще есть время, — настаивала она.

— Нет, — решительно отказался он.

Нина — девушка тихая, скромная, ласковая, однако не так-то легко заставить ее отказаться от принятого решения, к тому же если она убеждена, что это решение правильное и на пользу другому.

— А ты можешь завтра прийти пораньше? — с хитринкой в улыбке спросила она.

— В любое время, хоть прямо со смены, — не подозревая никакого подвоха, обрадовался Николай.

На следующий день Нина вышла к нему с учебником алгебры.

Николай вначале недовольно насупился, а потом ласково обнял девушку и засмеялся:

— Ох и настойчивая ж ты!

— Нет, — глядя ему в глаза, возразила она. — Просто я тебя очень люблю.

Открыли книжку. Оказалось, Николай еще кое-что помнит, и не плохо, а что забыл — легко восстанавливал в памяти.

— Не худо бы и Варваре в техникум пойти, — как-то сказала Нина.

— Так давай и ее сюда, — охотно подхватил Николай.

На следующий вечер, выбрав самую глухую аллею в саду, учили втроем:

— Квадрат разности двух чисел равен квадрату первого числа, минус удвоенное произведение первого числа на второе, плюс квадрат второго числа.

Над головами светил фонарь, отбрасывая на открытую книгу колеблющиеся тени от разлапистых листьев клена. Издалека доносилось порывистое аргентинское танго. А из гуши кустов сирени пристально и удивленно подглядывала белыми немигающими глазами полуобнаженная гипсовая богиня любви...

Получив от Вареньки обещание в ближайшие дни непременно навестить свою больную тетку, Савва Христофорович ласково простился с девочкой. Настроение у него было преотличное!

В общежитие Варенька прибежала, заливаясь горькими слезами, и, не раздеваясь, как была в плаще, грохнулась прямо на кровать, лицом в подушку.

— Что случилось? — обступили ее испуганные подруги.

— Из-за меня тетя Лина заболела, — всхлипывая, сообщила она.

— Из-за тебя? — усомнилась Римма. Вот диво-то!.. Как узнала?

— Дядя Савва сказал. Возле молочной случайно встретились.

Подруги облегченно заулыбались, понимаясь переглянулись. Однако Варенька продолжала плакать.

— А он не сказал, что твою тетку уже похоронили? — резко и насмешливо спросила Женя.

— Нет, не сказал. — Варенька недоуменно подняла на нее заплаканные глаза.

— Хватит вам. — Мария отстранила девушек от своей названной сестры и, присев рядом на кровать, бережно обняла ее вздрагивающие плечи. — Успокойся. Завтра все узнаем...

На следующий день, пользуясь тем, что утренняя смена на фабрике заканчивалась значительно раньше, нежели работа в учреждениях, Мария решила по-своему проверить сообщение Саввы Христофоровича. Прихватив с собой Вареньку и Женю, она отправилась на улицу, где в небольшом домике под красной крышей благоденствовала артель, в которой работала Амелина.

Девушки остановились на противоположной стороне улицы возле витрины продуктового магазина.

Капитолина Николаевна ждать себя не заставила. Спустя минуту после конца работы она вышла из домика и пошла дальше своей обычной подпрыгивающей походкой. Рядом шаркал микропорами пожилой, с округлым брюшком мужчина. Прижимая тощий портфель к груди, он вполголоса говорил ей что-то такое, отчего она, жеманничая, поводя плечами и слегка покачиваясь в бедрах, стыдливо улыбалась. На тяжелобольную Амелина никак не походила.

— На кладбище, видать, подалась, в могилу! — сердито буркнула открытая и прямая Женя. — А чтоб не скучно было на том свете, попутчика прихватила.

Варенька растерянно глядела в сторону быстро удаляющейся тетки.

— Ладно, сестричка, — ободряюще улыбнулась ей Маруся. — Не будем расстраиваться от того, что не перевелись еще на земле люди, которые стремятся воспользоваться нашей простотой и доверчивостью. Нам сейчас не до них. Дел ведь невпроворот...

Уже много дней бригада Марии Логовской тщетно билась над освоением заводного челнока.

Помощники мастеров соседних комплектов дружески советовали:

— Бросьте вы это пустое занятие. Ведь сколько ткачей до вас бралось, однако ж ни у одного ничего путного не получилось.

— Должно получиться, — упорствовал Николай Бурматов. Но, случалось, и его душу обуревали сомнения: — А может, и взаправду, напрасно стараемся? Существует ведь какая-то граница человеческим и техническим возможностям. Что, если заводной челнок — это такая же несбыточная мечта, как вечный двигатель, а двести сорок оборотов главного вала в минуту — тот самый рубеж, через который нет дальше ходу?..

Уточные нити рвались. Станки останавливались. Ткачих «трепало», они не успевали. Выработка резко упала. Снизился заработок.

Однако Мария и ее подруги крепились. Они понимали, что на зарядке заводного челнока могли сэкономить как раз те драгоценные секунды, без которых идея повышения скоростей становилась ненужной, бесцельной и, главное, недостижимой затеей.

Варенька не переставая восхищалась девушками, их стойкостью, взаимной привязанностью и выручкой. Для нее это была удивительная и чудеснейшая школа дружбы, прочное становление веры в человеческую искренность и доброту. Порой ей казалось, что душа ее вдруг широко распахнулась и в нее хлынуло что-то очень хорошее, отчего хочется все время улыбаться.

Перемену в девочке первой заметила Нина и с радостью заключила:

— Оттаивает.

— А вот наше дело что-то продолжает мерзнуть, — пошутила никогда не упывающая Женя.

Узнав о почине бригады, в цех пришла Анастасия Михайловна.

— Как настроение? — спросила она девушек.

— Настроение бодрое, — скупое усмехнулась Женя. — Идем ко дну, не поминайте лихом.

— Что так?

— Мимо доски показателей шли? — сдержанно произнесла Мария, думая, что секретарь парткома начнет журить за невыполнение плана. — Видели, наверное, кругом черно?

— Пусть вас это не смущает. — Анастасия Михайловна мягко, по-матерински посмотрела на бригадира, обняла ткачих. — Решите задачу с челноками, ваши цифры золотом напишем.

Девушки сразу приободрились, повеселели.

— Стараемся, Анастасия Михайловна, но что-то не получается.

— Мне кажется, весь затор в челночной коробке, — сказала Нина.

Анастасия Михайловна, в прошлом лучшая ткачиха области, подошла к станку и с усилием дослала челнок на место.

— Что и говорить, туговато, — согласилась она.

Подошел Николай. Разговор сразу обострился. Ткачихи считали нужным расслабить стенки коробок, а помощник мастера доказывал, что в этом случае не будет обеспечена надлежащая устойчивость челнока в полете.

Анастасия Михайловна слушала всех с одинаковым вниманием, а затем сказала:

— Вы проделали большую и очень интересную работу, накопили весьма ценные наблюдения. Давайте ваши рекомендации передадим на рассмотрение инженерам. Как раз настало время им подумать и сказать свое решающее слово.

С предложением секретаря парткома согласились все единодушно.

— Мы с удовольствием расскажем все, что нам удалось узнать.

Прощаясь с девушками, Анастасия Михайловна улыбнулась Вареньке:

— Привыкаешь?

— Мне кажется, я всегда была здесь, с ними, — призналась она...

Инженеры тоже не сразу нашли правильное решение поставленной перед ними задачи. Наконец по их предложению Николай обтянул кожей передние щечки челночных коробок, установил специально изготовленные удлиненные клапаны.

Уточная нить перестала рваться.

— Теперь и скорость повысить можно, — облегченно вздохнули девушки.

В выходной бригада наладчиков сменила шкивы на групповых моторах. А в понедельник утром появилась «молния»:

«Станки первой бригады 26-го комсомольского комплекса работают со скоростью 260 оборотов главного вала в минуту!»

Неделю спустя Николай, Нина и Варенька успешно сдали вступительные экзамены и были зачислены на первый курс вечернего отделения текстильного техникума.

Варенька ходила по фабрике именинницей. От избытка радости она будто светилась.

Как казалось Савве Христофоровичу, еще никогда и никого он не ждал с таким быстро нарастающим нетерпением, как Вареньку. Вначале он полагал, что она приходила в те часы, когда никого не было дома, и называл себя безмозглым ослом за то, что не договорился с девочкой о времени. Потом-де смены, в которых она работает, мешают, а может, приболела или подготовка к экзаменам захлестнула. Наконец решил: хочет заработать денег, купить обнову и в ней явиться. Глядите, мол, какая я нарядная! «Ну что ж, — добродушничал он, — копи, копи капитал, деньги еще никому не мешали». Конечно, все предположения можно было легко проверить, но Савва крепился. Он не хотел признаться в своем поражении даже самому себе. «Не стану я перед девочкой унижаться, — успокаивал он себя. — Никуда она не денется. Придет!»

Однако шли дни, недели, а Варенька не появлялась.

Савва Христофорович нервничал, бесился. Весь предстоящий разговор с Варенькой он продумал до последнего слова. Строго предупредил Амелину, чтобы она прикусила свой язык.

— Голову оторву, — пригрозил он.

Наконец нервы не выдержали. Савва Христофорович подстерег девочку возле булочной.

Однако на этот раз их беседа не затянулась.

— Обманула? — осуждающе уставился он на нее своими черными, выпуклыми глазами и добавил строго: — Нехорошо. Тетка — не камень, ждет.

— Я не приду, — сказала она. — На старой квартире мне делать нечего.

Савва Христофорович понял, решение девочки непреклонно.

— Ну что ж, — глаза его зло сощурились. — Как говорится сама себя раба бьет... Только учти, звонок испортился. В дверь придется стучать. Долго стучать, пока я услышу и, может быть, открою.

Он крутнулся на каблуках и быстро зашагал прочь, твердо решив не миндальничать. Послать надо сразу два письма. Одно — Екатерине Ивановне, другое, для верности, ее супругу, композитору...

XXXI

Угрозе Саввы Христофоровича Варенька не придавала большого значения. Мало ли что говорит человек в сердцах. Тетя Лина тоже, когда распалится, накричит всего, что было и не было. А пройдет время, поостынет, одумается и начнет к бабушке Елизавете Васильевне подлаживаться. Понимает, не хорошо поступила.

Девочке припомнились последние минуты пребывания на старой квартире. Представилась иступленно орущая тетя Лина. Дядя Савва, нажав ногой на чемодан, не дал даже сдвинуть его с места. Говорил он спокойно, с легкой усмешкой. Но выпуклые глаза его тогда сузились, и он глядел так, словно хотел ими убить.

Жаль, конечно, что все так не ладно получилось, но теперь ни к чему это вспоминать. Тетя Лина погорячилась, а дядя Савва рассердился. Ведь уход племянницы для них был совсем неожиданным. К тому же последнее время их отношения к ней заметно изменились к лучшему. Ей купили новое красивое платье, отпускали погулять, значительную часть домашних работ приняла на себя тетя Лина. А дядя Савва уже не кричал: «Фигаро, папирос!..» Кудряш поступил дурно с ней, но они-то в

этом не виноваты. Да и Кудряш наверняка не позволил бы себе вольностей, если бы она была с ним поостроже. В доброй душе девочки все злое и недоброе быстро забывалось.

«Ну и что ж, что дядя Савва сказал неправду, будто тетя Лина больна? — рассуждала она. — Ведь сделал он это не для того, чтобы отогнать меня или обидеть, а чтобы пригласить к себе, поговорить, может, сказать что-то очень ласковое, хорошее, отчего и у самого на сердце стало бы легче. Ведь и тете Лине, наверное, неприятно от всего, что произошло между нами. А ведь произошло по моей вине. Это я, не спросив их совета, пошла с бабушкой и устроилась на фабрику. Я во всем виновата!..»

Варенька готова была идти к тете Лине и слезно просить у нее прощения. И она бы пошла, если бы не Мария, которая, зная доброе сердце девочки, следила за каждым ее шагом.

— Ты, Варвара, крепись, — шутила неутомимая Женя. — Судьба наделила тебя такой сестрой, которая скорее в огонь полезет, чем даст тебя в обиду. Но пока ты от нее не жди до тех пор, пока во всем ты не станешь первой...

В шутке Жени было немало правды. Находясь под постоянным внимательным и заботливым, но не назойливым наблюдением Марии, Варенька успешно осваивала ткацкий станок, выполняла домашние контрольные работы по техникуму. Вместе они ходили в театр, в кино, в клуб на танцы. Варенька много читала. На стадионе она преуспевала в беге на короткие дистанции так, что тренер включил ее в основную фабричную команду.

— А я что говорила? — не унималась Женя, сама готовая за Вареньку на любые жертвы. — С такой сестрой, как твоя, нигде не пропадешь, но и, прямо скажем... лишнего не отдохнешь!

Варенька весело смеялась. Душа девочки наполнилась теплом...

Бригада Маруси Логовской досрочно заканчивала выполнение годового плана.

— Всю жизнь вскачь, — заступая на смену, нарочито вздыхала Соня.

— Ничего, тебе это полезно, может, порастрясет немного, — подтрунивала Женя.

Четвертый день Варенька работала на станках Нины, которая, готовясь стать матерью, находилась в отпуске. Получив отдельную квартиру, она жила вместе с мужем в новом доме.

— Как у вас там? — спросила Варенька проходившего мимо Николая.

— Все хорошо, спасибо, — проговорил он солидным баском.

На ходу вытирая руки тряпкой, подбежала Римма.

— Что с Ниной?

— А все так же, — начал он важно, но не выдержал и улыбнулся: — Распашоночки шьет.

— На мальчика или на девочку? — вынырнув из-за спины Риммы, поинтересовалась Женя.

Николай растерялся.

— Не спросил...

Девушки, успев собраться в тесном проходе между станками, дружно захохотали.

— Что ж ты за будущий отец, если такой мелочью не поинтересовался? — строго напустилась на него Женя.

Однако Николай уже понял шутку.

— Какая разница, — засмеялся он, — сын или дочка. Все равно наши, родные!

Подошла немного расстроенная Маруся.

— Опять Галина на пятки наступает, — сообщила она.

— Что там? — заволновались девушки.

— По выработке мы на шесть процентов впереди, а по выпуску продукции первым сортом у них, как и у нас, девяносто девять и восемьдесят семь сотых.

— Даже сотые сошлись, — подсадовала Клава. — А вчера они на две сотых отставали.

— И хорошо! — не унывала Женя. — Надо радоваться тому, что другие не хуже нас работают. Зачем иначе соревноваться, опытом делиться?

— А мы и радуемся, — улыбнулась подруге Мария. — Только нам не нравится, когда нас обгоняют другие.

— Особенно такие, как Галина Ковальчук, — лукаво подмигнула Женя.

Мария поняла намек.

— Женька! Опять, сорока?..

Извещая о начале работы, вспыхнули сигнальные лампочки, хрипло заверещал звонок.

— Не тревожься, бригадир, не подведем!..

Девушки поспешили на свои места.

Как всегда, шагая чуть вразвалочку, пошел и Николай. В руках он держал широкий и неглубокий железный ящик, слегка напоминающий кухонный противень, в котором был удобно расположен слесарный инструмент...

Заканчивался еще один трудовой день, когда Марии сообщили, что Варвару Заречную срочно вызывают в фабком.

— Чего это они вдруг? — встревожилась Мария. — Может, опять тетя Лина что-нибудь надумала? Ну, погоди, встретимся!..

Поручив свои станки работающей рядом Жене, она отправилась в фабком одна.

«Нужно будет — Варвару позвать успеем, не горит...»

На дворе моросил мелкий дождь. Пепельно-серое небо капризно хмурилось. Напротив крыльца в неглубокой луже полоскались голуби.

«Самое время для купанья», — улыбнулась Маруся.

Подставляя лицо приятно освежающему ветерку, она пошла по мокрой асфальтовой дорожке, густо усеянной опавшими желтыми листьями.

Фабком занимал две комнаты. В первой хорошенькая, кудрявая машинистка, быстро перебирая пальцами, печатала на пишущей машинке.

— Не тебя — Заречную вызывали, — мельком взглянув на вошедшую Марусю, сказала она.

— Знаю. Зачем она понадобилась?

Машинистка, продолжая тарахтеть рычагами, безразлично ответила:

— Мать приехала.

Маруся, не дойдя до стола, остановилась.

— Мать?

— Да. — Машинистка шумно перевела каретку. — Она у председателя.

Мария неприязненно и как бы с опаской посмотрела на дверь, обитую черным дерматином.

«Приехала... Зачем? Увезти дочку? Куда? К кому?..»

Она попятилась к выходу.

— Хорошо, сейчас пришлю.

Девушка вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Мысль работала лихорадочно.

«Что делать? Позвать? Нет. Вначале нужно узнать намерения матери. Если Вареньку опять к какой-то тетке — отговорить, убедить, заставить отступить. Но как это сделать? Надо посоветоваться. — Мария, член комитета комсомола, по привычке метнулась в сторону комнаты, где помещался комитет, но тут же остановилась. — Нет, идти не одной, но Вареньку пока не брать...»

Она глянула на часы. До конца работы оставалось шесть минут.

— Успею. Скорее в цех!..

Заканчивая смену, Женя ставила отметки на готовом товаре.

— Что там? — спросила она Марусю.

— Варенькина мать приехала.

— Приехала? — Женя сердито оглянулась на дверь, будто за нею находилась мать, не пожелавшая воспитывать свою единственную дочку. — Ну, это уж... дудки!

— И я так думаю, — призналась Маруся. — Но что делать?

— Не отдадим ей Варьку, и все тут. Пусть подбродит к поздравкам отправляется туда, откуда приехала. Девчонка только недавно пришла в себя. Трудится, учится. Что еще нужно?

— Надо посоветоваться, что и как...

— Ну что ж, давай. Сейчас вот закончим и соберемся...

Сдав сменщикам станки, девушки направились к выходу из цеха.

— Не жалеешь, что ткачихой стала? — обняв за плечи Вареньку, спросила Маруся.

— Иной раз мне кажется, что все это мне снится, — сказала она и смущенно добавила: — И я очень боюсь... проснуться.

С другой стороны к Вареньке подошла Женя и лукаво улыбнулась.

— Может, еще скажешь, что тебе бригада наша нравится? И мы тебе не надоели?

Варенька настороженно посмотрела сперва на Марию, потом на Женю.

— К чему вы это говорите?

— Просто так, — передернула плечами Женя. — К слову.

Лицо Вареньки сразу посветлело.

— А я испугалась, — улыбнулась она и, немного помедлив, добавила: — Мне хорошо. Только, пожалуйста... не будите.

— Кого просишь? — комично затрясла руками Соня. — Обязательно разбудят, по себе знаю.

В коридоре Маруся остановила подруг, которых, по секрету от Вареньки, Женя успела ввести в курс дела...

— Кто сегодня занимается ужином? — спросила Маруся.

— В магазин идти Варенькина очередь, — подсказала Женя.

— Нет, — возразила Варенька. — Я позавчера ходила.

— Свои люди — и считаться! — укоризненно поморщилась Женя.

— Ладно уж, — засмеялась Варенька, — схожу.

— Не забудь чайник включить, — напонила Соня.

— Разве вы не остаетесь? — удивилась Варенька.

— Мы ненадолго, — пояснила Маруся и обратилась к подругам: — Пошли.

Девушки спустились с крыльца и, перекликаясь, побежали по мокрому асфальту.

Проводив их взглядом, Варенька направилась к воротам.

В комитете комсомола девушки, неожиданно для себя, застали Анастасию Михайловну.

— Вот хорошо, — обрадовалась Маруся.

— Чего это вы вдруг все пожаловали? — удивилась секретарь парткома.

— Дело у нас серьезное, — округлив глаза, заявила Соня.

— В добрый час, — улыбнулась Анастасия Михайловна и, намереваясь уйти, поднялась со стула.

— Нет, нет, не уходите, — остановили ее сразу несколько девушек. — Вы нам очень нужны.

— Если нужна, пожалуйста. Только давайте сядем. В ногах, говорят, правды нет.

Хотя в комнате было много стульев, они стояли вдоль стен и вокруг длинного стола, покрытого тяжелой зеленой скатертью, девушки сели одной очень плотной группой почти у самого входа.

— К Вале Заречной мать приехала, — поддерживаемая молчаливыми взглядами подруг сообщила Маруся. — Она в фабкоме дожидается.

Анастасия Михайловна удивилась, но спросила спокойно:

— Ну и что?

— Как что? — переспросила Маруся.

И вдруг, словно прорвало, заговорили девушки.

— А где она раньше была?

— Бросила Варвару, когда нужна была ребенку...

— Конечно, теперь Заречная — ткачиха, зарплату получает. Не только себя; а и рядом с собой любого прокормит.

— Варенька учится, одни пятерки.

— Девушка свое счастье нашла.

— А мать теперь — на готовенькое!..

— Что ж вы хотите? — спросила Анастасия Михайловна, хотя уже догадывалась о цели их прихода.

— Не отдадим мы ей Варвару! — твердо заявила Клава.

Всегда спорившая с ней Женя на этот раз охотно согласилась:

— Правильно. Пусть отец оказался шляпой, безвольным человеком. Мать обязана была научить своего ребенка тому, как нужно жить!

— А ты зря выгораживаешь отца, — недовольно глянув на подругу, резко проговорила Маруся. — Я ведь его знаю, в нашем доме своим человеком был. Умный, способный, напористый. А вот на свою дочь души, видать, не хватило. С Варенькой, вишь, хлопотно, размолвки с женой начались! Вот тут-то и дала себя знать душевная нищета. Не хватило человека!.. Дочку в вагон, и... прошай, детка! Авось где-то там все без него образуется.

— Мещанин победил! — с горечью стукнула кулаком по столу Клава. — Вот ведь, до слез обидно, честное слово.

— Тоже тебе, родители! — вскочила со стула Тоня.

Девушки заговорили, перебивая друг друга, гневно, страстно, убежденно.

Анастасия Михайловна слушала их и в душе радовалась: «Вот они, нам идущие на смену!»

— В общем, — Маруся размахисто рубанула воздух рукой, — мнение у нас одно: Вареньку Заречную в обиду не дадим!

— Ну, а сама Варенька что говорит? — поинтересовалась Анастасия Михайловна.

— Мы ей еще ничего не сказали, — призналась Женя. — Зачем девушку зря волновать? Решили вначале посоветоваться.

— Посоветоваться никогда не плохо, — согласилась Анастасия Михайловна, — но нужно знать и мнение Заречной. Девушка она умная, способная. Я ее узнала несколько лет назад, она тогда вместе с моей дочкой в одной школе училась. Думаю, она не ошибется в выборе решения. Да и вы, очевидно, не захотите действовать против воли вашей подруги. Ну заодно следовало бы выяснить намерения ее матери. Может, она одумалась, осознала свою ошибку. В жизни ведь все бывает. Оступится человек, спохватится и постарается наверстать то, что еще можно.

— Мы не против того, чтобы Варенька встретилась со своей матерью, — взволнованно заговорила Женя. — Наоборот, если мать пришла с добром, мы готовы всячески ей помочь. Мы все это понимаем. Но мы хотим одного: чтобы Варенька Заречная была счастлива.

— Это так и должно быть, — согласилась Анастасия Михайловна. — Но давайте действовать. Жаль, конечно, что здесь нет Вареньки, однако не будем томить ожиданием ее мать.

— Заждалась, бедненькая, — насмешливо бросила Женя.

— Может, она с добром, — заколебались девушки.

— Лучше всего, — предложила Анастасия Михайловна, — пригласим ее сюда...

— Я здесь, — донесся негромкий голос.

Приоткрытая дверь медленно растворилась, и на пороге появилась Екатерина Ивановна с бледным, заплаканным лицом.

— Я здесь, — едва слышно повторила она.

Изумленные девушки отступили от двери, некоторые смущенно потупились.

— Мне сказали, что вместе с вами моя дочь Варенька. — продолжала Екатерина Ивановна, нервно комкая тонкими красивыми пальцами кружевной платочек. — Я поспешила сюда. Дверь не была плотно закрыта... В общем извините, но так случилось... Я все слышала...

Наступила неловкая пауза.

— Ну, пожалуйста, — Анастасия Михайловна вышла из-за стола, — входите, садитесь, рассказывайте.

— Спасибо. — Екатерина Ивановна неуверенно переступила порог.

Соня подвинула ей стул.

Екатерина Ивановна не села, а только тяжело оперлась руками на его спинку.

И вдруг заговорила Женя:

— А мне думается, это хорошо, что вы слышали наш откровенный разговор. А то, может, мы постеснялись бы сказать вам все в глаза. А теперь вы знаете, что мы думаем, что мы... осуждаем вас...

Екатерина Ивановна вздрогнула, словно от удара.

— Ну зачем ты так? — с укоризной взглянув на подругу, шепнула жалостливая Соня.

Женя сердито покосилась на нее, но ничего не ответила.

Некоторое время Екатерина Ивановна стояла молча, глотала слезы и собиралась с мыслями.

Потом она сказала:

— Я насовсем к Вареньке. Помогите нам.

Лобко Николай Прокофьевич

ВАРЕНЬКА

Редактор *Т. Спирина*
Художественный редактор *Д. Поздняков*
Художник *В. Фесюн*
Технический редактор *В. Панфилова*
Корректор *Т. Курочкина*

Сдано в набор 19 марта 1975 г.
Подписано в печать 6 мая 1975 г.
Формат 84×108/32.

Бумага типографская № 3.

Усл. п. л. 11,76. Уч.-над. л. 12,1. Цена 48 коп.

Заказ 975. Тираж 200000. 1-й завод (1—100000)

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглаволиграфпрома, г. Рыбинск,
ул. Чкалова, 10.

**В ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
В 1974 ГОДУ ВЫШЛИ:**

1. Никитин С. Медосбор

«Медосбор» — последняя книга одного из лучших рассказчиков современности Сергея Константиновича Никитина. Ее составляют рассказы и повести, тщательно отобранные автором, — то, что оказалось наиболее близко и дорого ему.

Точный и емкий язык, высокая писательская и человеческая культура автора, естественность и искренность, светлое мировосприятие художника — вот что отличает эту книгу Никитина.

2. Московкин В. Золотые яблоки

В книгу входит повесть «Медовый месяц» и рассказы о молодых рабочих, их труде, быте, любви — счастливой и несчастливой. Писатель рассматривает разные стороны человеческих взаимоотношений, утверждает силу рабочего характера.

3. Грачев А. Пласты

Повесть о колхозной деревне середины 60-х годов. Основное ее содержание — возвращение человека на свою землю, где все зовет, рождая в душе и грустное, и веселое, и доброе.

4. Бородкин Ю. Ночлег в Журавлихе

Рассказы молодого талантливого писателя, печатавшегося в Ярославле и в Москве — в издательстве «Молодая гвардия», где его книга была признана лучшей книгой года (1971-го) по прозе.

5. Корнилов Б. Семигорье.

Роман. В нем — судьба людей трех социальных групп в нашей предвоенной жизни: «простого народа», интеллигенции, сформировавшейся после Октября, и крупных партийных работников.

6. Астафьев А., Астафьева Н. Писатели Ярославского края

В совместной работе кандидатов филологических наук Андрея Васильевича и Надежды Андреевны Астафьевых предпринята первая попытка собрать сведения о всех писателях, связанных с краем; рассмотреть историю ярославской литературы от ее древних истоков до советского периода. Такого издания ярославцы до сих пор не имели.

7. Яковлев К. Как мы портим русский язык

Заметки писателя — живой, страстный разговор о русском языке, его бедах. Ведется он с ленинских позиций, с привлечением богатого историко-литературного материала, с опорой на мнения великих мастеров и ценителей слова. Автор сопоставляет мысли современных писателей Алексея Югова и Корнея Чуковского. Он спорит и показывает, что значит владеть культурой русского языка.

48 коп.

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1975